

ОБ АВТОРЕ

- ...исследователь и путешественник.
- ...организатор приключенческих, охотничьих и научно-исследовательских экспедиций в странах Южной и Центральной Америки, а также Южной и Юго-Восточной Азии.
- ...последние восемь лет разрабатывает и воплощает в жизнь необычные путешествия в труднодоступные районы Колумбии, Эквадора, Перу, Боливии, Гватемалы, Никарагуа и Гондураса.
- ...фотограф и переводчик с испанского языка и языка кичуа.

- ...автор книги «Чертоги Амасанги. Путешествие по лесам Северо-Западной Амазонии» и ряда публикаций в таких журналах как «Эгоист generation», «Эксперт» и других.
 - ...специализируется в области этнопсихологии племен бассейна Амазонки (шаманизм) и на вопросах выживания в джунглях.
 - ...долгое время жил среди лесных кичуа, а также индейцев чайяуита, пай, «охотников за головами» шуар и ачуар.
- Усыновлен одним из племен.

Андрей Шляхтинский

АМАЗОНКА

призраки зеленого ада

ХОТИТЕ ПООБЩАТЬСЯ?

Добро пожаловать в мой Живой Журнал:
amazanga.livejournal.com

Свое мнение о прочитанной книге
Вы можете отправить на
amazanga-adventure@yandex.ru

Андрей Шляхтинский

АМАЗОНКА

призраки зеленого ада

Москва
• ГОРЛИЦА •
2010

БЛАГОДАРНОСТИ

Книга, которую вы держите в руках, никогда не появилась бы на свет, если бы не помощь и поддержка многих и многих очень разных людей. Я крайне признателен всем, кто содействовал в ее создании как на этапе экспедиций в джунгли Амазонки, так и по возвращению в Россию.

Мне бы хотелось сердечно поблагодарить индейских друзей-охотников, ставших моими глазами и ушами в джунглях Южной Америки: Флавио и Боливара Канелос, Патрисио Гайяс, Росу Пьедад Танчима, Тайша Ямби, Аро Кауаса Писанга и Хоакина Гуалинга.

Я также выражаю искреннюю благодарность Константину Шляхтинскому, Дмитрию Ряднову, Наталье Соловьевой, Наталье Честных, Алексею и Елене Дьячук, Натали Орбе, а также Александру Парафейникову за самое активное участие в издании этой книги.

Спасибо всем вам!

РАССУЖДЕНИЯ С БОКАЛОМ JACK DANIEL'S

*Майре-Кристине и маленькой Дарье Рядновой
автор посвящает эту книгу.*

Минуло детство.

Мы уже не корсары в морях чужеземных,
не храбрые капитаны, что били презренных мавров,
не римляне,
не покорители индейцев на просторах легенды.

Мир – вот он,
могущественный, необозримый, смелее мечты,
он для нас завоеван другими.

Мы слишком рано платим за это.

У каждого человека случаются в жизни угольно-черные, как ночь под пологом джунглей, периоды. Но далеко не каждого они сподвигают отправиться в новое сумасбродное путешествие по лесным дебрям Южной Америки. Предварительно в пух и прах – в силу добрейшего характера – разругавшись с любимой женщиной и всей родней.

Один из подобных кризисов, точнее, очередной подкрался, как всегда, нежданно-негаданно, застав меня в уютном номере небольшого отеля в историческом центре столицы Эквадора, городе Кито, на высоте две тысячи восемьсот метров над уровнем моря.

Как и не раз прежде, я снова один. А в голове приглушенным эхом отдается брошенное: «Ты опять уходишь...» В такие мгновения мне кажется, что Господь был сильно не в себе, когда творил первую женщину.

Четыре года назад я написал первую книгу о приключениях в джунглях Амазонки и об индейцах – «Чертоги Амасанги». С тех пор утекло немало воды, сношены не одни ботинки, состоялись новые маршруты и приключенческие проекты. Теперь я лежу и заканчиваю свою вторую книгу об экспедициях в джунгли и о приключениях, которые находили меня и тех, кто был рядом со

мной. За окнами, занавешенными плотными шторами, на город навалилась скорая тропическая ночь, и воздух быстро выстыл до десяти градусов тепла. Виною тому высота. И бурная гроза с ливнем, которая только-только унеслась прочь, оставив за собой лужи, потоки ручьев на горбатых улицах да седые клочья не то клубящегося тумана, не то туч, пожирающих эвкалиптовые склоны обрамляющих Кито вершин.

Добрый Jack Daniel's и просмотр «Аватара» Джеймса Кэмерона в формате 3D пьянят и кружат голову. Да, я в шоке от поразительного внешнего сходства обитателей вымышленной планеты Пандора и «духов джунглей», о которых рассказывают охотники и индейские шаманы. Как и индейцы, я видел их задолго до появления фильма и теперь пребываю в некоторой растерянности. Сходство хоть и не абсолютное, но... если инопланетным персонажам отрезать хвосты... Интересно, кто из художников, создавших «Аватар», пил галлюциногенный отвар из лозы айягуаски?

Три дня назад – Боже, минула уже целая вечность! – я возвратился в хорошо знакомый и любимый мною Эквадор из непростой экспедиции по Перу. Там я проводил время, странствуя по джунглям близ рек Мараньон и Уальяга в живописном обществе индейцев чайяуита. Там же, в Перу, мне довелось свести знакомство и с другими индейцами – более «цивилизованными» кечуаламас, колонизировавшими реку Бьябопи, что пробивает себе путь сквозь покрытую девственным лесом Голубую Кордильеру. Еще каких-то десять лет назад, даже позже, там, на чакрах – расчищенных от горных джунглей участках земли, – выращивали коку, и местное население купалось в долларах, значительной частью фальшивых. И умывалось кровью. Отчасти из-за стычек в контексте бизнес-проекта «Кокаин», а отчасти по причине боев между повстанческой или, если угодно, террористической армией движения «Сендеро Луминосо» с регулярными правительственными войсками. Когда партизаны проиграли на всех фронтах, а их лидер был схвачен, Голубая Кордильера перешла под контроль государства. Плантации коки были практически полностью уничтожены, деньги быстро закончились, и в горах воцарился покой. Теперь крестьяне сводят концы с концами, выращивая кукурузу, и пьют горькую.

Есть места, куда надо ходить одному...

Я путешествую и вожу экспедиции по тем из них, которые обычно обделены пристальным вниманием как ученых, так и туристов. И делаю это с несказанным удовольствием. Почему?

Мало кто замечал цивилизации, созданные индейцами из джунглей Амазонки, племенами и союзами племен от отрогов Анд на западе до побережья Атлантического океана на востоке. Они слишком непохожи на европейскую, чтобы испанцы в свое время смогли бы воспринять их как «цивилизации». Индейцы Амазонии оставались для них, а во многом и для большинства сегодняшних обывателей дикарями, ведущими примитивный, если угодно, отчасти животный образ жизни. «Как ты можешь жить с этими людьми?!» – коронная фраза некоторых моих знакомых и родственников, никак не желающих смириться с мыслью, что чуждый образ жизни имеет такое же право на существование, как и их собственный. Оглянитесь вокруг, и вы увидите, что в своих взглядах эти люди, увы, не одиноки.

Вот что европейцы в лице испанцев заметили и чему мы сегодня продолжаем изумляться, так это монументальные постройки инков, а также других южноамериканских цивилизаций, оставившие после себя след в виде руин или груд прекрасной керамики чавин, в которой запечатлены эротические образы совокупляющихся людей и ягуаров. Да, они экзотичны, но, по сути, близки нам своим духом. Знаменитые Мачу-Пикчу и Писак, великолепные Гран-Пахатен и Куэлап, монументальные Саксайуаман и Тиауанако, Чан-Чан – «глиняная» столица государства Чимор, линии Наска и довольно-таки безобразные мумии, погребенные под слоем песка в Береговой Пустыне, – все это нас, европейцев, изумляет. Но в них отыскиваются черты, знакомые нам с колыбели собственной цивилизации. Черты города. Поэтому их заметили. Индейцы же, столетиями жившие и продолжающие жить в амазонских джунглях, по сути своей – обитатели параллельных миров. Они не строили – насколько нам сейчас известно – величественных городов и не мостили камнем дороги; им хватало разветвленной речной сети. Они существовали и продолжают существовать в цивилизациях, параллельных не только нашей – христианской, но развивающихся параллель-

но относительно друг друга. Каждое племя, каждый народ – это особый, непохожий на другие мир.

Мир белого человека – но не мир в целом! – сделался маленьким до боли и отчаянно тесным. Сжался в комок, каждый квадратный километр которого можно при желании разглядеть на снимках со спутников. Сегодня средний, во всех отношениях, любознательный обыватель – он же турист – гонится за внешней экзотикой. Его влекут выкрашенные краской лица, яркие уборы из перьев попугаев и атлетические тела охотников и воинов. Он ищет индейцев аймара, живущих на тростниковых островах холодного озера Титикака. Пытается догнать подзабытые, а оттого полусказочные образы из детства. Того времени, когда мир был необозримым, пронизанным волшебством и овеванным тайной. Не сомневайтесь: компании, занимающиеся извозом иностранцев «в джунгли», имеют стабильно высокий доход, малая часть которого достается «шаманам» и «ряженым» индейцам. Совмещая в себе путешественника-исследователя и организатора коммерческих экспедиций, я знаю, о чем пишу. И по моему глубочайшему убеждению, причину этого явления в полной мере раскрывают строфы, сложенные галисийским поэтом Шуаном-Мануэлем Касаду и вынесенные мною в качестве эпиграфа к этой книге.

Но в большинстве случаев – не всегда, конечно – настоящая экзотика скрывается за остриженными волосами, старыми шортами, дырявыми футболками, ржавыми ружьями и мачете, металлических топорами и котелками, резиновыми сапогами и кое-где подвесными лодочными моторами. Это – в различных комбинациях – почти все, что лесные индейцы сочли необходимым позаимствовать у белых. Однако не стоит доверять глазам и обманываться. В головах всех этих племен – лесных кичуа и ачуар, секойя и чайяуита, уаорани и ашенинга, кофан и хеберо, как и у десятков других, – витают мысли, совершенно отличные от привычных нам.

Вот что подкупает и каждый раз заставляет меня отправляться в новое странствие, будь то далекие амазонские джунгли, или столь же экзотичные – если смотреть на них с другого конца обитаемого мира – бескрайние арктические просторы Евразии, или погрязший в грязи хаос тысячелетних цивилизаций полуостро-

ва Индостан. В странствие по одному из параллельных миров. На поиски людей и «нелюдей». Нави Джеймса Кэмерона и волшебных существ Карлоса Кастанеды. Очередной, единственной в своем роде параллельной цивилизации.

Есть места, в которых оставляешь частичку своей души...

Как я докатился до такого житья-бытья? Хм, как и многие другие искатели приключений, кончившие определенно плохо либо канувшие в неизвестность. Полковник Фосетт, искавший в Бразилии затерянные города и пропавший без вести, очень точно подобрал нужные слова. «Где-то в глубине моего существа, – писал он, – все время звучал какой-то тоненький голос. Поначалу едва слышимый, он набирал силу, и вскоре я больше не мог его игнорировать. Это был зов диких, неведомых мест, и я понял, что отныне он будет всегда жить во мне».

Что уж скрывать: последние десять лет я упорно и целенаправленно возвращивал в себе ставший классическим образ «белого человека в тропиках». И добился очевидных успехов, если судить по косым взглядам окружающей приличной публики. По утрам, задавая немой вопрос зеркалу, я получаю столь же немногословный ответ в виде отражения занятого симбиоза черт. Нечто среднее между сумасшедшим этнологом, контрабандистом и Крокодиллом Данди из одноименного шедевра кинематографа.

Такая вот у меня жизнь: пару суток назад я мог с удовольствием поедать жирных белых личинок жука-долгоносика в веселой подвыпившей компании полуголых индейцев и бледнолицых товарищей по экспедиции, а сегодня... А сегодня сидеть в уютном столичном баре с очаровательной девушкой и потягивать через соломинку нежнейший «Дайкири», глядя, как раскаленный шар солнца скрывается за безбрежной гладью Тихого океана. Иными словами, ваш покорный слуга, как истинный романтик от рождения, всячески старается продолжать славные родовые традиции, ибо мои предки по мужской линии были мятежными дворянами, сосланными в Сибирь за участие в польском восстании далекого не то 1863-го, не то 1864 года. Согласно семейным преданиям, они никогда не умели и не хотели работать, зато питали любовь к красивым женщинам, хорошим лошадям, породистым собакам

и авантюрам. В довершение всего слыли отменными скверно-словами.

И теперь, когда городская жизнь набивает оскомину, я собираю друзей, и все мы отправляемся в новую экспедицию-приключение. Ведь нас ждет огромный, удивительный тропический мир от Колумбии и Венесуэлы на севере до Парагвая, Чили и Аргентины на юге!

Есть места, куда надо ходить с другом..

Южная Америка, Эквадор – Перу

Глава первая

АЙЯГУАСКА – ТРОПА В МИР ДУХОВ

*Запомни, это ты должен контролировать
дух растения, а не он тебя.*

Наставление шамана

Особая ночь. Ночь мистерии и волшебства. Ночь, которая приподнимет завесу, отделяющую мир индейцев от мира духов Старого Леса – супаи. Духов джунглей. Каждый из них, прошедших сегодня, не скроется от взора, опьяненного едкой горечью отвара волшебной лианы.

– Отец расскажет тебе о ягуаре-людоеде, о мунду пуме...

Я едва расслышал слова моего закадычного друга, неоднократно спутника по экспедициям и проводника в джунглях верховий Амазонки – да простят мне, но имен я называть не стану, – ибо старался не оступиться на грязной жидкой тропке и не скатиться под откос, краем которого она вилась. Под вечер небо выяснилось, и из-за горизонта вышли четыре скромные звездочки созвездия Южного Креста, блиставшие под большим распытием так называемого Фальшивого Креста. Однако под сенью деревьев, куда не проникал свет звезд, было слишком темно. Поэтому я не стал выяснять детали предстоящей истории о каком-то фантастическом ягуаре, или пуме, как зовут его индейцы, а лишь сказал: «Хорошо». И мы продолжили путь сквозь заросли, держа курс на оранжевый огонек, мерцавший сквозь ветви буйной тропической растительности.

Добротная хижина старика-индейца, которую вместе с ним делила жена и младшие дети, стояла над глубоким обрывом,

откуда в светлое время суток и в серебряные ночи полнолуния открывался завораживающе-колдовской вид на покрытые джунглями далекие холмы. Сейчас же, спустя два с половиной часа от захода солнца, пространство под длинным навесом с пальмовой крышей в пляшущем свете очага казалось погруженным в загадку, в ожидание чего-то важного, потустороннего.

Высокий жилистый индеец поджидал нас, неподвижно развалившись в гамаке. Негромко произнес слова приветствия, он неторопливо поднялся и приблизился, предлагая нам присесть на маленькие деревянные чурбачки, заменявшие табуретки и стулья. Весь его вид выражал спокойствие, если не равнодушие, а во взгляде читалась отстраненность. Перекинувшись несколькими словами с сыном, он простился с ним, и мы остались наедине. Мой друг не захотел составить нам компанию пить айягуаску сегодняшней ночью и по-кошачьи неслышно ушел во мрак, возвращаясь к себе домой. Исчез так, как умеют это делать только лесные индейцы, буквально растворяясь в воздухе.

Айягуаска... «Лиана смерти», «лиана мертвых», «лиана душ», «лиана призраков». Как только не переводят ее имя. Даже весьма известные путешественники и исследователи позволяют себе слегка перевернуть название, дабы напустить в свои рассказы побольше мистики. Забавно, но у одного поляка мне попался такой вариант, как «соединяющая с духами», с пояснением, что она символизирует пуповину, связывающую видимый мир с потусторонним.

Айягуаску, растение и отвар, знают едва ли не все индейские племена амазонской сельвы. Он обладает замечательным свойством – вызывает видения, так как – выражаясь языком «белого человека» – являет собой сильнейший галлюциноген. Название «айягуаска» на языке кичуа состоит из двух частей. Первая – «айя»; слово, которым индейцы обозначают скитающиеся по сельве души умерших. Иногда они злые, иногда – добрые. Вторая – «уаска» или «гуаска». Так называют определенные виды лиан. Сегодня мы будем пить отвар из «лианы мертвых» и смотреть на могущественных духов джунглей, которые придут к нам.

Отвар из лесной лианы, известной среди ботаников под именем *Banisteriopsis caapi*. Она – самое популярное из всех так называемых священных растений южноамериканских индейцев.

Ее варят, приготавливая напиток, который позволяет шаманам непосредственно общаться с иными, «сверхъестественными» мирами, общаться с «предками» или «духами-помощниками» и иметь видения во время инициаций, как это и по сей день случается с юношами племен охотников за головами – индейцами ачуар и шивиар. Среди двух последних айягуаска известна под названием «натем». В других местах, например кое-где в Перу, ее зовут «каапи», а колумбийцы – «яхе».

Галлюциногенные свойства этой лианы обусловлены присутствием в ней алкалоидов гармалина и гармина, которые из-за своего свойства стимулировать «экстрасенсорное» восприятие были когда-то известны под общим названием «телепатин». Это вещество у многих людей – как у лесных индейцев, так и у белых – вызывает ощущение полета души и яркие красочные видения. Шаманы, пьющие айягуаску, рассказывают о встречах со «сверхъестественными» существами. Например, индейцы племени шипибо-конибо с берегов реки Укаяли в Перу говорят, что она помогает им разглядеть в воздухе демонов, а шаманы индейцев ачуар видят джунгли, кишашие гигантскими анакондами и ягуарами. Некоторые антропологи несколько смущенно отмечали в свое время, что шипибо-конибо искренне удивлялись, когда благодаря своей способности ясновидения «наблюдали» жизнь современных городов, где им в действительности никогда не приходилось бывать. Так, индейцы, которые часто практикуют употребление айягуаски, время от времени собираются и, выпив отвар, предлагают друг другу увидеть всем вместе что-то одно. Например, они решают: «Давайте увидим города!» Конибо потом спрашивали белых, что за странные штуки так быстро носятся по улицам. Они в своих видениях наблюдали автомобили, с которыми в реальной жизни не были знакомы.

Как правило, шаманы используют отвар из лианы *Banisteriopsis*, чтобы вернуть души больным пациентам или узнать у духов, кто навел на человека порчу. Айягуаска также применяется в разнообразных магических обрядах и действиях: шаманы и знахари индейцев кичуа превращаются в птиц или других животных – как правило, ягуаров, чтобы навредить врагам.

На «бытовом» уровне айягуаска применяется индейцами как сильнодействующее лекарство, в частности слабительное. Голо-

ворезы ачуар и шивиар считают, что могут встретиться со своими духами-помощниками только в видениях, вызванных этим напитком. А поскольку причиной болезней в первую очередь является колдовство, священное снадобье помогает обнаружить источник заболевания.

Шаманы пьют аяйгуаску чуть ли не ежедневно для того, чтобы лечить самые различные заболевания: как душевные, так и телесные недуги. Но при всех своих свойствах галлюциногена лиана не является наркотическим средством, вызывающим привыкание. Мы со стариком-индейцем будем пить, чтобы очистить тело. Я буду пить ее, чтобы вернуть себе привычный образ мыслей и то ощущение мира, которое изрядно притупилось за время моего долгого отсутствия в джунглях. Ведь всего через день мне с индейцами предстоит уйти в глубь тропического леса, где мы проведем несколько недель за постройкой нового большого каноэ, охотой и рыбалкой. Так что «почистить» и тело, и мозги – совсем нелишне.

– Брат, ты как хочешь пить? Со светом или без света? – спрашивает старик.

– Лучше без света.

– Да, лучше без света, – соглашается он.

– Мне рассказывали, что некоторые пьют при свете, – вступает в разговор невысокая худенькая старушка, жена старика. – При свете тоже пьют.

– Нет, когда светло, не годится. Всегда пили без света, и сейчас будем делать как раньше, – настаивает старик.

Женщина не спорит. Она все равно не будет пить сегодня. Старушка куда-то пропадает, а индеец передвигает свой чурбачок так, чтобы мы с ним сидели в полоборота, почти напротив друг друга.

В воздухе повисает короткая пауза.

– Когда будешь готов, скажи. Сейчас можем поговорить.

– Ачи, – прошу я, используя в своей речи уважительную форму обращения к старшим, хотя по правилам этикета вполне мог бы говорить старику «уауки», то есть «брат», – расскажи о мунду пуме.

– О мунду пуме... – Старый индеец сидит, упершись руками в колени и глядя в землю. – Я не много знаю о ней.

Это неправда. Старик прекрасный рассказчик и держит в памяти не один десяток интереснейших индейских сказок и легенд. Но сейчас, как не раз прежде, он хитро улыбается и делает вид, что давно все позабыл. Хочет, чтобы его попросили еще. И я прошу.

– Мунду пума – это самая большая пума, которая есть в мире, – начинает он. – Она жила раньше, сейчас ее уже нет. Сейчас нет, потому что ее убили. Эта мунду пума ела всех людей в общинах, в деревнях. Приходила и съедала всех до последнего.

Чуть выше по реке и отдельно от других жила одна семья – отец, сын и мать. Все боялись мунду пуму, а сын говорил, что не боится ее. Но он хвастался, врал, когда говорил так. На самом деле сын тоже боялся.

Итак, мунду пума пришла как-то в соседний дом, который стоял метрах в ста от того, где жила семья. Пришла и принялась пожирать всех, кто жил в нем. Люди кричали. И тогда отец сказал: «Иди и убей мунду пуму, раз ты ее не боишься!»

Сын пошел, но как только увидел ягуара – тут же сбежал назад, пронесся через дом и пропал где-то в чаще. Тогда отец взял.. Слушай! Ты слышал? – Старик внезапно прерывает рассказ и указывает мне рукой в сторону черных зарослей, откуда только что донеслись два коротких, не слишком громких, но не совсем обычных свиста. Если бы не замечание индейца, то я не обратил бы на них внимания: мало ли звуков в ночных джунглях. – Ты слышал? – повторяет свой вопрос старик.

– Да. Кто это?

– Это супаи, демон.

– Супаи? Какой супаи?

– Я не помню его имени. Но он всегда приходит и свистит, когда собираются пить аяягуаску.

– А почему ты думаешь, что это дух? Может быть, это лягушка?

– Нет, брат.

– А как этот супаи узнает, где собираются пить?

– Не знаю. Но так всегда случается. Он приходит и свистит только два раза, – говорит старик. А затем как ни в чем не бывало продолжает рассказ: – Он взял в одну руку копьё с наконечником, как у гарпуна, как мачете – здесь сейчас таких копий нет,

они называются «рийон», в другую руку мачете и пошел к мунду пуме. Та уже сожрала всех и собиралась уходить. Охотник крикнул, и ягуар обернулся, бросился на него. Но старик пронзил его копьем. После этого он возвратился домой. Вместе с женой они отыскивали сына, привели его к мертвой мунду пуме и заставили засунуть руку ей в задницу. Так сделали для того, чтобы сын убедился, что та действительно умерла и чтобы перестал быть нервным. Так убили ягуара, который ел людей.

Старик замолкает, и хижина погружается в тишину. Маленькие дети давно легли спать. Старушка тоже куда-то исчезла, и лишь костер тускло мерцает, обессиленный, бросая мечущиеся красные отсветы на целую грудку огромных глиняных горшков, в которых индейки хранят закваску для чичи – перебродившего «пива» из вареных и пережеванных женщинами корней кустарника маниока. Я понимаю, что настроение и атмосфера стали подходящими для того, чтобы пить айягуаску.

– Ачи, давай пить, – говорю я старику.

– Давай, – соглашается тот.

Поднявшись с чурбачка, он не торопясь идет в другой конец хижины, достает маленький стаканчик, в который из закопченного горшка сливает густую рыжую жидкость. Это и есть айягуаска. Растения для нее индеец собрал рано утром и варил стебли до полудня, пока на дне не осталось всего ничего – миллилитров сто пятьдесят. Затем появляется обычная вода в пиале, сделанной из половинки круглого плода.

Старик снова присаживается на свой чурбачок и протягивает мне стаканчик с мутной рыжей жидкостью. Я уже неоднократно пил айягуаску и в джунглях близ колумбийской границы с индейцами сиона, и в других местах Амазонии. Однако тогда это было в присутствии шаманов. Отец же моего друга не шаман. Во всяком случае, насколько мне известно. Вот его отец, старый Блас, что умер год назад, тот действительно был известным шаманом. Собственно говоря, именно поэтому старику столько известно про духов джунглей – супаи, про разные растения и животных. Сегодня мы пьем вместе.

Горечь во рту и мимолетный позыв к тошноте. Несколько раз полощу рот чистой водой из пиалы и тут же сплевываю ее на утоптаный земляной пол. Старик делает то же самое. Теперь

остается только ждать, и мы молча, неподвижно сидим каждый на своем чурбачке, устремив взгляд куда-то вдаль. Притушенный костер почти не дает света. Стрекот кузнечиков да многоголосье древесных лягушек. Часов нет, но, должно быть, прошло уже минут двадцать, быть может – полчаса.

Щщщщщщщщ... Звук едва слышный, но в то же время отчетливый доносится до уха снаружи, из темноты. Вскидываю голову, верчу ею, пытаюсь поймать направление. Не выходит. Кажется, что ветер пробежал по кронам деревьев: вроде бы нигде и в то же время повсюду. Будто жужжит крыльями рой диких пчел.

Индеец замечает мой произвольный жест, слышу его шепот:

– К тебе пришло? Брат, к тебе пришло?

Начиная терять ощущение действительности, погружаясь в туман, застилающий мысли, отвечаю ему:

– Да, кажется, да.

Я сам пока что не уверен. Сколько раз пил айягуаску, и каждый раз этот переход из одного состояния в другое не могу осознать с достаточной ясностью. Голова идет кругом, все вокруг теряет четкость и остается резким в то же время. В горле зарождается тошнота. Сначала я пытаюсь бороться с ней, пока она не становится настолько сильной, что я больше не в состоянии ее сдерживать.

– Меня будет рвать.

– Иди туда, к дереву. Ты сможешь?

– Да, я сам.

Быстро бреду под откос к высокому дереву на краю обрыва. Ноги ватные, перед глазами все плывет. Шум ветра в ветвях уже не смолкает, а, напротив, лишь усиливается. Сквозь него приходят новые звуки. Сначала едва слышные, но постепенно нарастающие крики гигантской жабы-уин и грудной вибрирующий голос маленькой желтоглазой ночной совки-булююкуку. Они совсем рядом. Но где?

Меня рвет. Хотя рвать особо нечем, так как я накануне специально ничего не ел, зная, что после столь длительного перерыва без айягуаски первая реакция организма – это спазмы желудка. Из носа течет, глаза слезятся. Из рта к земле тянется не то заблудившаяся сопля, не то слюна. Выгляжу я, наверное, неважно.

Открываю глаза, смотрю в сторону едва угадывающейся во тьме хижины, где остался старик. Изумрудные всполохи-молнии словно стрелы дождем сыплются с небес. Перед глазами ползут полупрозрачные узоры. Вот это анаконда, это – пищуку амарун, огромный удав, бесподобно красивый, будто радуга, живущий в глубине джунглей. Змеи ползут по рукам, обвивают мое тело. Слабость в ногах... Изумрудные звезды нескончаемым потоком метеоров сгущают воздух.

Слабая вспышка света со стороны хижины. Еще одна. Еще. Старик указывает путь, не дает мне поддаться слабости и остаться на краю джунглей, в зарослях. Навечно. Спотыкаясь, медленно возвращаюсь.

Глаза привыкли к темноте, и я отчетливо вижу темную сгорбившуюся фигуру старого индейца, сидящего на чурбачке. Начинаю сомневаться, старик ли это. Вроде бы он, а вроде и нет. Он резко крутит головой и постоянно зевает, громко, с шипящим свистом выдыхая из легких воздух. Старик ли это? Нет, похоже, что рядом со мной скорее хохлатая гарпия, атун чульяли анга – огромная, неимоверно сильная хищная птица, а не человек... Мысли медленно ворочаются в голове, теряясь в оглушающей какофонии звуков джунглей, в которых можно утонуть, раствориться навсегда...

Опять спазмы. Шатаюсь, бреду к уже знакомому дереву. Желудок пуст, только крутит, да слезятся глаза и нос. Опять вспышка света, опять ужасно долгая дорога к ставшему таким родным чурбачку.

– Ты в порядке? – шепот старика.

– Да, – единственное, что мне хватает сил выдать из себя.

– Брат, оставайся здесь. Оставайся здесь, никуда не уходи. Я сейчас вернусь. Никуда не уходи.

Индейца тоже прихватило, и он бесшумно, словно ступая по воздуху, уходит за черную стену леса. Я смотрю по сторонам и вижу все ту же хижину, все те же большие пузатые горшки, тлеющий красными углями очаг. Я вижу, как маленькие, ростом с ребенка, размытые тени бродят, появляются из ниоткуда и точно так же исчезают, тая в воздухе. Это духи-супаи. А может, это аяя – умершие души, странствующие по земле в мире людей.

Нет, все же супаи. А вот и аяя, бредущая рядом с хижинной, но не заходящая под соломенную крышу. Худая, слегка сгорбившаяся, кажущаяся нереальной фигура, потусторонняя, лишенная плоти. Чьи-то красные глазки-точки, не мигая, смотрят на меня из-за деревьев. Мне все равно.

Опять тошнит, а старик еще не вернулся. А может, это был не человек? Может, мне привиделось? Тошнота становится все нестерпимее; поднимаюсь и медленно – кажется, весь мир вздыбился в неторопливом танце – бреду тропой к обрыву.

Изумрудные звезды стрелами сыплются с небес на землю, все те же дикие вскрики за непроницаемой стеной джунглей, шуршание и хлопанье крыльев, звуки рассекаемого воздуха и шорохи опавшей листвы под чьими-то лапами.

Робкий голосок, прячущийся где-то глубоко внутри, подленько нашептывает: «Неужели это никогда теперь не кончится? Что ты будешь тогда делать, если мир для тебя навсегда останется таким, как сейчас?» И отчего-то в голову некстати приходит глупейшая мысль: мое второе «Я» озабочено тем, как я буду выглядеть со стороны, если мир вокруг уже никогда не вернется для меня в свое «нормальное» состояние, не примет будничного вида. Догадается ли кто-нибудь, что я теперь вижу вещи, которые недоступны глазам остальных? И если догадаются, то как поведут себя? Будут ли они опасны для меня?

Но даже эти беспокойные мысли тонут в образах старогонного мира. Надо возвращаться, и я пытаюсь идти. Слабость и апатия наваливаются с новой силой. Зачем идти эти такие невообразимо долгие три десятка шагов, когда можно присесть или даже прилечь прямо здесь, на земле. Поддаюсь искушению...

Слабенькая вспышка, еще одна и еще. Но мне уже все равно, я останусь отдыхать здесь, в джунглях. Здесь хорошо, здесь все необычно и захватывающе-страшно. Настолько страшно, что иной раз боязно разлепить веки. Так, приоткроешь глаза и снова зажмуришься. Нет, я не пойду в хижину. Останусь в джунглях... Здесь хорошо... Я не хочу возвращаться...

Чувствую, как чья-то твердая рука поднимает меня с земли и настойчиво тащит в темноте. Что это? Кто? Куда? Старик! Старик пришел и помимо моей воли возвращает меня в хижину,

усаживает на длинную импровизированную лавку из двух чурбаков и доски.

– Брат, брат, ты выдержишь? Да? Нет?

Мне совсем худо, но я выдавливаю из себя «да».

– Сколько раз тебя схватило?

– Два раза, – еле ворочается язык и клонит в сон. Хочется лечь и уснуть. – Ачи, я прилягу?

– Ложись, ложись... Ты выдержишь? Еще два раза.

– Да, я выдержу.

Опьянение непостоянно, захлестывает волнами и отпускает. Оно то усиливается, продолжается некоторое время – сколько, я не знаю, – то отпускает, и тогда мир становится чуть более привычным. Снимаю обувь – странно, но я четко понимаю, что надо снять обувь и не пачкать лавку грязными ногами. Вытягиваюсь во весь рост. Неожиданно появляется маленькая старушка и заботливо подкладывает мне под голову какую-то ветошь. Беспреданно зеваю. Кажется, что еще чуть-чуть и мой рот растянется до ушей. И что не рот это вовсе, а пасть. Я лежу на скамье, и вроде бы уже не я. Сказать точнее, лежу-то я. Но вот тело не человека – животного. Большого хищника. Гибкого, ловкого и сильного, лениво потягивающегося в дреме.

Все идет кругом, глаза и нос слезятся. Старый индеец снова и как-то вдруг очутился на своем чурбачке. Он сидит и время от времени глубоко зевает, звучно выдыхая воздух. Я вижу его силуэт. Но его ли? Или же птицы?

Над головой шум крыльев. Открываю глаза, оглядываюсь, но никого не вижу, хотя звуки громкие и отчетливые. Наверное, летучие мыши. Или – нет? Может, это духи? Да не все ли равно... Красная пума неслышно, крадучись взбирается по длинной приставной колоде с вырубленными в ней ступеньками во вторую свайную хижину, стоящую рядом. Характерный гибкий силуэт хищника, длинный хвост и неслышная поступь...

Слышу, как старик начинает сначала негромко, а потом все отчетливее и яснее насвистывать мотив. Он кажется мне до боли знакомым, но откуда он известен – загадка. Вслушиваюсь в повторяющуюся беспрестанно мелодию. Вот оно! Вот! Так разговаривает совка-булюкуку, чей голос доносится сейчас из джунглей. Старый индеец говорит с птицей-человеком. Голоса обоих

завораживают и околдовывают. Это их песня. Старик говорит с джунглями на языке джунглей.

У меня своя песня, свои слова, которым меня научили на берегах далекой реки на севере. Песня, сначала тихо и монотонно, потом все громче сама собой, словно вода, льется из рта.

Опьянение медленно отпускает. Похоже, я уже могу подняться и сажусь. Каждый из нас поет свою песню, песню для себя самого.

Мир все еще не обрел привычного образа. Холодно, как же холодно! Знобит. Опять появляется старушка и дает что-то старику. Он накидывает на себя какую-то тряпку и приближается ко мне. В руках его ткань, и он помогает мне закутаться в нее. Молча сидим, и каждый думает о своем. О том, что было пережито, и дыхание чего, ощущения чего еще свежи в памяти. Проходит минут пятнадцать, и озноб сменяется жаром. Скидываю с себя тряпку. Старик интерпретирует сей жест однозначно: мне нужно справиться «большую нужду». Впрочем, о том, что я хочу справиться ее сам, я до поры до времени не догадываюсь. Индеец же поднимается и говорит мне, чтобы я шел в глубь джунглей, «воо-о-он туда». Иду и понимаю, что еще чуть-чуть – и быть мне выпачканным собственным же дерьмом. Едва добегаю до места, указанного стариком. Какое облегчение...

На следующее утро между моим другом и мной состоялся странный разговор.

– Уауки, брат, отец просил у тебя вчера табак? Ты помнишь?

Мой приятель, сидя в гамаке, как раз доплетал челноком накидную сеть для ловли панцирных сомов на речном мелководье.

Табак? Я честно пытаюсь припомнить, когда старик мог просить табак. Не выходит.

– Не-ет, – ничего другого я не могу сказать. – А когда это было? Он просил?

– Да, говорит, просил, но ты ничего не ответил.

– Я не помню этого. А зачем ему понадобился табак?

– Иногда табак разводят в воде, и настой пьют через нос. Мы зовем его «руна тауаку». Когда хотят поскорее избавиться от айягуаски, то пьют табак. Табак всегда нужен. На всякий случай. Ты вчера чуть не умер. И отец сказал, что ты был медведем. Он видел тебя как большого черного медведя, который ищет, кого бы сожрать.

Глава вторая

ЦВЕТЫ, КРАДУЩИЕ РАЗУМ

Уанду, как и айягуаску, пьют главным образом врагеватели и колдуны в слугах, когда стремятся побороть болезнь, а также когда хотят навести порчу на своих врагов, прибегая к герной магии.

Рафаэль Карстен, этнолог и путешественник

Есть такие цветы, есть. Хорошо это или плохо – я не знаю. Да и бессмысленно задаваться подобным вопросом. Просто так есть. Ослепительно-белые или нежно-розовые, своим тонким ароматом они подменяют душу и отравляют мозг, заставляют смотреть на мир, прислушиваясь к голосу сердца, а не к рассудку. Я много слышал про них от индейцев.

Началась эта история лет десять назад во время моей самой первой экспедиции в Южную Америку, в амазонские джунгли на востоке Эквадора. О волшебных цветах бытует множество небывлиц и легенд среди тех, кто сам лично никогда не был «знаком» с ними. И не только среди метисов, но даже среди тех же индейцев. Поэтому мне трудно было составить для себя сколько-нибудь правильное представление о сущности этих загадочных цветов, точнее, растения, которое считается самым сильным и опасным из всех – как их называют белые – галлюциногенов. А неизвестное, как и запретное, ясное дело, порождает любопытство, смешанное со страхом. После продолжительных раздумий и колебаний я все же отважился испытать на себе действие загадочных цветов.

Нельзя сказать, чтобы мне было трудно выяснить название кустарника и то, какие его части используются для приготовления снадобья. Более того, растение, о котором я веду речь, со-

всем даже не редкое. Его можно видеть и возле индейских домов глубоко в джунглях, и в поселках, и даже в городских парках перед президентскими дворцами. Везде, где климат достаточно жаркий и влажный, то есть на высотах до 2000 метров над уровнем моря. Большинство сажают его ради красоты, ибо растет оно быстро, а огромные, в виде белых или розовых колокольчиков, цветы густо обсыпают ветви. Имя растения – уанду. Так его зовут лесные индейцы кичуа в Эквадоре. Охотники за головами индейцы ачуар называют этот кустарник майкьюа. Ну а в перуанской сельве оно широко известно как тоэ.

Ботаники же именуют его бругмансией, присвоив нескольким видам этого кустарника латинские названия *Brugmansia sanguinea*, *Brugmansia arborea*, *Brugmansia aurea*, *Brugmansia suaveolens* и *Brugmansia insignis*. В народе бытуют имена «флорипондио», «колокол» и «ангеловы трубы».

Так что же это такое, бругмансия? Надо сказать, что в растительном мире она не одинока и находится в прямом и ближайшем родстве с обыкновенным дурманом, который широко распространен в жарком и умеренном поясах Старого Света. Последний, так же как и его южноамериканская родственница, ядовит и когда-то считался, а кое-где и сегодня почитается как священное растение Бога или дьявола. Правда, в отличие от дурмана, бругмансия – это кустарник с одревесневшим стеблем, тогда как дурман больше похож на траву. И вот что любопытно: бругмансию не отыскать в джунглях. Насколько известно, она не встречается в диком виде, и, по мнению ботаников, существуют только ее культурные формы! То есть, как и многие другие растения, тысячелетиями выращиваемые индейцами, тоэ или уанду – это исключительно «домашнее» растение, все виды которого используются как «растение силы».

Знакомые индейцы из восточных джунглей Эквадора много рассказывали мне о уанду, хотя и не сумели подобрать эквивалент этому слову в испанском языке. Я тоже не мог отыскать однокоренных слов в амазонских диалектах языка кичуа. Лишь много позже, знакомясь с хроникой за авторством Фелипе Уамана Пумы де Аяла (в русскоязычной литературе этот автор обычно фигурирует как Гуаман Пома де Аяла) и написанной в конце XVI – самом начале XVII века, я совершенно случайно наткнул-

ся на перевод. Это была большая удача, ибо через имя растения раскрывается его сущность. Уанду – это «сопровождение, свита, процессия», а точнее, «сопровождающий». Почему – станет понятно ниже.

Один из индейцев – приятель моего друга с реки Типути-ни – в подробностях поведал мне о том, как приготовить напиток, когда и в каком количестве его следует пить, чтобы не подвергать себя смертельной опасности, о необходимости поститься в течение нескольких дней и как вести себя с лесными чертями.

Говорили, что пьют его в основном шаманы – йячах. Когда человек выпивает сок, то через некоторое время, где-то спустя полчаса, он начинает видеть духов джунглей и рек. Но видит он их не так, как в случае с айягуаской, а будто сам оказывается участником всех событий. Все происходит словно наяву, и не отличить привычной реальности от видений, ибо они сливаются в удивительный новый мир, в котором растения принимают человеческое или получеловеческое обличье.

Приходилось слышать, что знахари – все-таки я не люблю изрядно затертое слово «шаман», – будучи опьяненными соком уанду, способны путешествовать в удивительный нижний мир Уку Пача, откуда родом все демоны индейцев. Они могут путешествовать и по миру людей, который называют Кай Пача, то есть «здешний мир, этот мир». С помощью духа-хозяина растения человек видит болезни в своем теле и лечит их, выхватывая хворь ногтями и бросая ее в пылающий костер. Слышал я и то, что если положить несколько свежесорванных листьев под голову, то сны приобретут красочность, а сюжеты будут подчиняться желаниям человека. Когда же настоять листья в большой чашке воды, то выпивший настой становится восприимчивым к гипнотическому внушению.

Доходили до меня и другие, пугающие рассказы. Например, многие считают, что, отведав прозрачный и практически безвкусный сок уанду, человеку недолго умереть или сойти с ума. Такое мнение особенно широко распространено среди метисов и тех индейцев, которые в большей степени уже сами метисы, нежели члены собственного племени. Другие никогда не пили тоэ из-за страха перед огромной анакондой, которая – как гласит

молва – пожирает человека, и тот от смертельного ужаса может никогда не очнуться.

Широко распространено еще одно поверье. Согласно ему, если человек, однажды выпив сок уанду, не станет повторять подобный опыт, то «его заберет дьявол». Для того же, чтобы этого не случилось, ему необходимо регулярно, но не чаще одного раза в несколько месяцев, пить уанду снова и снова. Количество подходов, если верить народной молве, различно. Одни утверждают, что должно выпить «наркотик» десять раз, чтобы навсегда обезопасить себя от козней. Другие говорят, что двенадцать. Третьи сходятся на цифре девять.

Одна из наименее приятных особенностей тоэ заключается в том, что степень воздействия этого напитка на психику человека хоть и различна, но в подавляющем большинстве случаев сопровождается жесткой реакцией организма. Вот, например, как описал прием тоэ в Перу один из путешественников. Это давнее свидетельство, относящееся к далекому 1846 году.

«... Индеец впал в тяжелый ступор, его ничего не выражавшие глаза неподвижно устремились в землю, а рот был сжат в болезненной конвульсии. Ноздри же невероятно расширились. Спустя четверть часа его глаза начали вращаться, изо рта пошла слюна, а все тело задергалось в жутких конвульсиях. После того как эти болезненные симптомы прошли, человек впал в глубокий сон, продолжавшийся несколько часов. Когда же индеец пробудился, то в деталях поведал о своем путешествии к предкам».

В любом случае после встречи с Уанду Курака, или Майкьюа Эйнтсери – так называют духа-хозяина тоэ лесные кичуа и ачуар, – человек уже никогда не становится прежним, что, признаюсь, меня настораживало. С самого первого раза он знакомится с духами Нижнего мира, среди которых множество зловредных и откровенно злобных созданий. Поэтому каждый, кто выпил уанду, подвергает себя реальной опасности и должен все время пребывать начеку. Взамен этого «маленького неудобства» он получает возможность лицезреть и общаться с супаи, устанавливать особые отношения с животными, заранее узнавать о кознях врагов и многое другое. Уанду – это шаг в неизвестность, откуда у человека нет возврата. Это все равно что сделать татуировку. С той лишь разницей, что последнюю можно свести, хоть шрам

и останется на всю жизнь. Последствия знакомства с уанду «свести» нельзя.

Не надо думать, что любой, пьющий тоэ, тут же превращается в великого знахаря, «колдуна» или просто врачавателя. Хотя, например, в некоторых местностях бескрайних джунглей именно так и полагают. Мой хороший друг и спутник по нескольким экспедициям, узнав, что я – гринго –пил уанду, неподдельно удивился и смущенно заявил:

– Ййахми танги, уауки. Ты ййах, брат. Здесь только шаманы пьют уанду, – сказал он мне тогда, хотя я и предпочел все поскорее свести к шутке, осознавая щекотливость положения.

Многие из тех, кто знаком с тоэ, не сознаются в этом. Поэтому нередко даже тот, кто ни единожды пил сок, всячески отнекивается, когда спрашиваешь об этом. Особых причин на то нет, но – позже я испытал это на себе – удовлетворять праздное любопытство всех желающих как-то не хочется. Те, кому действительно суждено однажды выпить уанду, выпьют его и все поймут сами. Остальным же это просто не нужно.

Думаю, будет небезынтересно поведать вам, уважаемый читатель, о моем самом первом опыте с уанду, который имел место несколько лет назад в маленькой общине Льянчама индейцев напо-кичуа с реки Типутини, что близ экваторо-перуанской границы. А было это вот как.

Стоял дождливый конец ноября, и сухой сезон ожидался лишь через месяц-полтора. Так что и бурная Напо, и ее приток сонная Типутини были полноводны, мутны и холодны. Вашему покорному слуге как раз выпало сомнительное счастье подсесть в собственную кровеносную систему малярийного плазмодия «вивакс», так что я целыми днями отлеживался во временно пустовавшем доме моего друга, молодого индейца по прозвищу Чичику, поневоле голодал и горстями глотал таблетки хлорокина и примакина. На тот момент мой дневной рацион составляли маленькая тарелка отварного риса и дождевая вода: ни на что другое сил у меня не оставалось. Да и сказать по правде, мне тогда кусок в горло не лез. Под конец, более или менее придя в себя от лихорадки, я решил воспользоваться случаем и «познакомиться», как здесь принято говорить, с уанду. Тем более что обязательный пост перед его употреблением, во время которого

запрещается есть соль, перец, сладкое, мясо и спать с женщиной, я поневоле выдерживал уже целую неделю.

Один из двух знахарей в индейской общине приходился другу Чичику дядей, с которым я также был довольно близко знаком. Именно поэтому я и попросил невысокого худощавого старика, с которым прежде неоднократно беседовал о духах джунглей и рек, помочь мне в осуществлении желания. Дело в том, что я хоть и знал, как извлечь сок и сколько его требуется выпить – не более полуногтя, – но решил не рисковать в одиночестве. Впрочем, более весомым аргументом в пользу присутствия знахаря было любопытство: мне хотелось участвовать в традиционной церемонии, поэтому я пришел к старику и попросил его об одолжении.

– Когда ты хочешь пить, Андрес? – спросил он, сбрасывая со спины на землю охапку длиннющих пальмовых листьев.

– Сегодня вечером.

– Надо еще приготовить уанду, – возразил старик.

– У меня есть. Я уже все приготовил.

– Ты сам? – В его голосе промелькнули нотки недоверия.

– Да.

– Хорошо, как стемнеет, я приду к тебе.

Я не врал, когда говорил, что у меня уже все готово. К тому моменту мне удалось раздобыть три ветки уанду толщиной с карандаш и длиной сантиметров тридцать, ошкурить их и отжать прозрачный, с легким зеленоватым оттенком сок. Его как раз вышло «на полногтя». Сигареты – обязательная составляющая едва ли не любого дела, за которое берется шаман, – тоже были.

Остаток дня пролетел незаметно. Старик не обманул и, как окончательно стемнело, явился, но не один. Вместе с ним ко мне пришли его старший сын с очень испанским именем Сталин, племянник лет пятнадцати и еще два незнакомых молодых индейца. Поднимаясь в дом, он незаметно снял сплетенный из пальмовых ветвей маленький крест, что висел на входе. Рассевшись на импровизированных скамьях по всему дому, знахарь и его компаньоны раскурили одну на всех сигарету из пачки.

– Есть в доме еще кресты? – спросил он.

В доме, насколько мне было известно, никаких крестов и их изображений не было, о чем я и сказал.

– А татуировки у тебя на теле, кресты есть?

– Нет, крестов нет. Да и татуировок тоже нет, – сказал я. – А почему ты спрашиваешь?

– Потому что с крестами ничего не выйдет. Если есть кресты, то Уанду Курака, может, и придет, но подходить близко не станет. Как-то ко мне обратилась женщина, так у нее крест был вытатуирован. Она хотела пить уанду, чтобы вылечиться. Потом она мне говорила, что видела уанду, но тот стоял далеко в стороне и не приближался. Так она и не выздоровела. Это потому, что крест на ней был.

Докурив сигарету, старик встал с места, взял чашечку, на дне которой была прозрачная жидкость, и несколько мгновений смотрел в нее неподвижным взором, бесшумно шевеля губами. Приблизившись ко мне, он дотронулся ею до моего лба, затем до шеи и напоследок ткнул чашкой чуть выше пупка.

– Пей, – произнес он, протягивая мне уанду.

Шаг назад.

– Пей, – снова повторил он, напористо приближаясь.

Еще два шага назад.

– Пей, Андрес, – приказал знахарь, не отставая от меня ни на малость.

Отступать уже некуда. Принимаю из его рук чашку и одним глотком выпиваю содержимое. Вкуса почти не ощущаю. Так, одна тень вкуса.

Вновь присаживаемся со стариком. Он закуривает еще одну сигарету. Несколько напряженно молчим: ему еще не доводилось поить гринго. Кто скажет точно, чем закончится этот опыт?

– Скажи, а когда меня схватит? – спрашиваю я индейца, поглядывая на часы; прошла уже четверть часа.

– Ты узнаешь, скоро уже.

– А как это будет?

– Ты узнаешь, – только и повторяет, улыбаясь, старик.

Я сижу и никак не могу почувствовать – хоть и очень старую – каких-либо изменений в восприятии окружающего мира. Все по-прежнему: ни звуковых эффектов, как в случае с айягуаской, ни тошноты, ни безудержных позывов к рвоте. Ничего.

В тишине минула еще четверть часа. Ничегошеньки...

– Похоже, что ничего не получится, – позевывая, говорю я старику и отрываю свой зад от скамьи. В то же мгновение чувствую, что голова идет кругом, а в уши словно вставили затычки из ваты.

Мешком оседаю на пол, головокружение не отпускает.

– Сиди-сиди, – шепчет старик, – мы пойдем.

Вставая, знахарь отодвигает на середину стола пачку сигарет:

– Вот табак, Андрес. Ты видишь, вот здесь. Вот спички. Все, мы уходим.

Смутно понимаю, что сигареты мне оставили лежать на столе, а вся процессия во главе со стариком медленно удаляется от хижины, и их фигуры хорошо различимы в свете ущербной луны. Полежу, думаю, немного, пока не отпустит.

Сколько прошло времени – не знаю, но головокружение пропало. Вроде бы все как прежде. Тот же дом-хижина, ничего необычного. Решаю пойти поискать коптелку, чтобы было побольше света. Где-то она была, я видел, но не припомню. Бреду в сторону «кухни». Странно, а чего это они вернулись? Гляжу на человеческие фигуры, стоящие возле стены и смотрящие на меня. Трое мужчин и еще одна фигура. Подхожу ближе и вижу, что это красивая длинноволосая женщина. Странно, а как она сюда попала? У всех типичные индейские черты лица. Не обращая более внимания, прохожу мимо. Надо отыскать коптелку. Да где же она?!

– Ты коптелку не видел? – спрашиваю крайнего юношу, но в ответ не получаю ни слова; стоит и легонько так улыбается. – Ты не знаешь, где здесь у Чичику коптелка была? – повторяю свой вопрос, начинаю выходить из себя.

С тем же результатом. Стоит и улыбается. Чего пришел? Никто тебя не звал. Не хочешь разговаривать, так и хрен с тобой, сам найду.

Брожу по дому, раздражение все нарастает. Нет нигде коптелки. Зато незваные гости по-прежнему тут. Между собой чего-то обсуждают, судя по всему. Вот тот, что самый большой и в черной сутане с капюшоном – лица не рассмотреть, – неподвижно стоит и слушает, что говорят молодой парень и длинноволосая девушка. Четвертому как бы и не интересен разговор, он чуть в

стороне. Голоса у них у всех странные какие-то. Прислушиваюсь, но никак не могу разобрать ни слова. Сплошной щебет да писк. словно и не люди говорят, а летучие мыши собрались на зрелые банановые грозди.

Нет, надо сходить к старику, спросить, как мне этих гостей выпроводить. Говорить они не хотят, уходить, похоже, тоже не торопятся. Что-то мне все же не очень хорошо. До дома, где живет знахарь с семьей, с полкилометра. Часть – расчищенное пространство, потом начинаются заросли и глубокий овраг с крутыми склонами. Хорошо, что луна светит. Ладно, возьму фонарь. Бреду, сжимая в руке фонарь, который почему-то не горит. Так, где-то здесь тропка к дому. Не хватало еще заблудиться. Взмахиваюсь под ноги, не хочу наступить босыми ступнями на колочки. Ох, как не хочу!

Черт, где же тропка? Так, ага, просвет и река серебрится. А вон и хижина на сваях, в окружении растущих из земли листьев пальмы шапаха. Надо позвать старика. Зову. Поздно, спят уже. снова зову. Тишина. Не уйду я, если не поговорю. Продолжаю кричать вполголоса.

Ну вот, наконец-то. Открывается дверь и ко мне спускается... Но это не знахарь, а его старший сын.

– А где твой отец, – спрашиваю я, – дома?

– Отец спит уже.

– Послушай, у меня там полный дом народу. Что мне с ними делать? Говорить не хотят, уходить не собираются.

– Ты не бойся их. Они ничего тебе плохого не сделают.

– А кто это?

– Это супаи. Черти.

– И что мне с ними делать? – недоумеваю я.

– Ничего. Их не надо бояться.

Гляжу на свои ноги, поднимаюсь взглядом все выше и выше и вдруг понимаю, что я голый. Держу в руке фонарик, но он кажется сплетенным из паутины, ватным или изгнившим до такого состояния, что осталась одна пушистая плесень. В голову на мгновение закрадывается смущение: не привык я по ночам разгуливать голышом. Но тут же нахожу себе оправдание. Ладно, пусть я голый, но сейчас ночь и вряд ли кто меня увидит. А сын

знахаря, да и сам старик, если не спит, прекрасно знают, что, выпив уанду, люди сбрасывают с себя одежды.

Пойду я обратно, общаться с незваными демонами. То-то гости показались мне не от мира сего. Опять бы не заблудиться среди деревьев да не свалиться в овраг. И все же странное ощущение: бродить ночью, абсолютно голым, да к тому же со сломавшимся фонариком.

Благополучно добираюсь до хижины. Посижу-ка я на ступеньках приставной лестницы, не хочу я смотреть на этих чертей. Часть неба заволочена облаками, но другая блестит звездами и половинкой месяца. Тихо-тихо. Цикады и квакши, чьи голоса висят в воздухе, не в счет. Безветрие, полный штиль. Вижу, как в светлом небе проносятся летучие мыши. Краем глаза отмечаю движение справа. Приглядываюсь. Будто ветерок пробежал по макушкам низенького кустарника, живой изгородью окружавшего дом. Пробежал и затих. Ни с того ни с сего все повторяется. Волна крадется в моем направлении, замирает, снова приближается. Я поджидаю ее приближения со спокойствием и без удивления. Вот что меня действительно удивляет, так это почему я так спокойно принимаю ожившие кусты, как будто только и делал всю жизнь, что изо дня в день наблюдал за пляшущими живыми изгородями. Поворачиваю голову налево и.. Кто это сидит в кроне лимонного дерева? Силуэт вроде взрослого человека, но по размерам мелковат даже для индейца. Полусидит-полустоит, опершись, как бы лежит на ветвях. На голове топорщится «корона» из перьев. Или из листьев? Ниже еще один. Да, не многовато ли «людей» для дерева в два с половиной метра высотой? Но даже это меня не удивляет.

Поднимаюсь в дом, ложусь в гамак. Черт с ней, с коптелкой. Буду спать. Ну и что, что эти четверо все еще толкутся. Или их уже не четверо? Точно, тот, что в черной сутане, исчез куда-то.

А это еще кто? Лежа в гамаке, замечаю одну новую фигуру. Это явно индеец. Стоит в противоположной стороне от других, шагах в четырех и смотрит прямо на меня. Невысокого роста, чуть более полутора метров, с длинными черными и прямыми волосами, спадающими на спину. Странная кожа, слишком светлая по сравнению со всеми моими лесными знакомыми, но гораздо более темная, чем у меня, даже загоревшего. И отте-

нок. Желтоватый. Или скорее легкий янтарный. Обнаженный по пояс, кажется в юбке не то из луба, коры дерева льянчама, не то из ткани. Стоит, опираясь на длинную духовую трубку-бодокеру. Через всю грудь крест-накрест перекинута лента альинга – украшения из семян и косточек различных растений. Обращаю внимание, что все руки от кистей до локтей покрыты черным рисунком, но, чтобы разглядеть сам орнамент, света луны явно маловато. Лицо пришельца расчерчено тонкими горизонтальными линиями, протянувшимися по щекам через нос до самых ушей. Точно такие же полосы идут от уголков рта. На подбородке линии сходятся, образуя перевернутый треугольник. Грудь охотника тоже исчерчена толстыми горизонтальными полосами.

– Ты кто? – обращаюсь я к пришельцу по-испански, однако тот, не мигая, молча рассматривает меня. – Пит’ анги, майманд’ анги, уауки, – повторяю свой вопрос на языке лесных индейцев. – Ты кто, откуда ты, брат?

В ответ слышу голос, но такой тихий, что разобрать ничего невозможно.

– Мана уйяуничу. Майманд’ анги, – пытаюсь объяснить ему я. – Не слышу, откуда ты?

В ответ охотник едва заметным движением руки указывает на черную стену леса.

– Сачамандачу, – догадываюсь я, – из леса?

Ответный кивок головой. После этого я почему-то теряю всякий интерес к загадочному гостю. Переворачиваюсь в гамаке на другой бок, закрываю глаза. Но любопытство берет верх. Вновь открываю глаза, озираюсь. Оставшаяся троица чертей бесследно исчезла, а маленький серьезный охотник по-прежнему стоит и глядит в мою сторону. Ну да ладно. Вспоминаю, что на руке у меня часы. Хоть и темно, вглядываюсь в циферблат. Но вместо стрелок вижу вспучившееся стекло и перетекающую пузырями воду, неизвестно как попавшую внутрь. Черт-те что! Хорошие были часы, водонепроницаемые! Как же меня угораздило залить их водой? Ладно, утром разберусь...

Рано утром, солнце только вышло на востоке из-за верхушек деревьев, открываю глаза. Мир плывет. Лежу в гамаке, действительно голый. Со стороны «кухни», из-за перегородки,

где накануне ночью толпились мои гости, выглядывает маленький индейский мальчишка, лет четырех-пяти. Замечает, что я наблюдаю за ним, и прячется. Опять замуриваюсь, притворяюсь, что сплю, и вновь внезапно поднимаю веки. Ребенок на месте, но через мгновение его и след простыл. В голове, дурной после богатой на приключения ночи, рождается мысль, что кто-то из жителей индейской деревни – все уже наверняка в курсе дела – прислал ребенка, чтобы тот незаметно проверил, как дела у меня. Ну да ладно.

... Кажется, я уже пришел в себя. Правда, листья на деревьях то и дело вспыхивают изумрудными звездочками да собственное тело видится мне янтарным или, скорее, желтушным, если не считать темно-синих, почти черных отлежанных частей.

Итак, что я теперь знаю о супаи? Какие из них известны мне? Какие знакомы индейцам кичуа с берегов Напо? Начну по порядку.

Туру Супаи, тот, что живет в лесных болотах. У него человеческий облик, он пугает маленьких детей и иногда крадет их души.

Альпа Супаи, дух земли. Сочетает в себе черты как мула, так и человека. Он бродит по сельве и напоминает людям о смерти.

Яку Руна, Водяной Человек. Этот дух может предстать в нескольких обликах, но есть поверье, что он совращает молодых девушек и женщин.

Прекрасная женщина – это Пицку Амарун Супаи. Ее владения – вода. Она похищает молодых юношей, чтобы заставить их служить себе.

Сача Уарми, Лесная Женщина. Она прекрасна, помогает охотникам своими знаниями, но иногда крадет юношей и мужчин.

Чульячаки Супаи, Одноногий. Маленький мужчина с зелеными глазами, одна нога которого деревянная. Говорят, что он помогает могущественным знахарям.

Ингару Супаи. Живет в горах и на высоких холмах. Его сердце находится не внутри, а болтается снаружи. О его присутствии можно узнать по звукам барабана и пронзительным крикам.

Инганду. Это существо, которое появляется во многих обликах, для того чтобы предупредить человека о грядущем.

Дух высоких холмов и гор – Урку Супаи. Бывает, что он пакостит и всячески надоедает людям, находящимся в сельве. Однако, по мнению индейцев, этот супаи не опасен для человека.

Яку Мама – хозяйка вод – предстает в облике анаконды-амарун. Иногда она появляется как радуга на небе. Индейцы верят, что встреча с этим супаи привнесет в их жизнь какие-то важные изменения.

Наконец, Хури-хури Супаи. Он может предупредить об опасности, но чаще приносит людям одни неприятности. Этот дух способен напугать человека до смерти или убить.

Примечание номер один

Пришедший утром знахарь первым делом осмотрел мои ладони, казавшиеся мне желтыми, и заключил, что я в полном порядке. Посоветовал отдыхать, несмотря на возражения с моей стороны. Относительно индейца с духовой трубкой-бодокерой сказал, что это был Сача Руна, Амасанга – могучий дух сельвы и ее хранитель, хозяин всех диких животных.

Примечание номер два

Старик-индеец, живший в соседней хижине и время от времени читавший Святое Писание, объяснил мне кое-что про ребенка, которого я видел утром. По его словам, это был супаи, действительно маленький мальчик, которого другие демоны послали следить за мной: «Ты видел их, они видели тебя. А потом захотели посмотреть, какой ты на самом деле. Им тоже любопытно. Ведь ты новый человек для них».

Ну а в качестве курьеза добавлю, что последующие несколько ночей я спал при свечах и коптелках. Беспричинный страх, что демоны вернуться вновь, не давал мне тушить свет.

Глава третья

ЗМЕИ ПОЮТ ПО НОЧАМ

Этнолог редко остается нейтральным по отношению к собственной группе.

Клод Леви-Стросс, исследователь

Ровно сутки назад мы – старик, двое мужчин и два мальчика, – лежа в темноте под навесами из пальмовых листьев в верхушках речушки Уируяку, слушали, как серебряным колокольчиком тихонько плачет крошечная, с ноготь мизинца, смоляно-черная лягушечка в ярко-желтых полосках. Ее имя – кануа мама, что с языка индейцев кичуа можно перевести как «хозяйка, дух дерева кануа». Кроха рыдала, оплакивая смерть своего брата – поверженного нами лесного гиганта кануа каспи (дерева седра, как зовут его по-испански). В течение вот уже недели мои друзья – лесные индейцы кичуа с реки Бобонаса – и я строим новое каноэ. И все это время лягушечка тихонько плачет. Что еще остается ей делать, когда мы, в довершение ко всему, разрушили ее дом? Ведь прежде она спокойно жила высоко в кроне рухнувшего лесного гиганта. А теперь? Мы не знаем, что станет с ней. Но семье моего хорошего друга нужно новое каноэ, так что выбор пал не в пользу крошки. Старики говорят, что лягушечка будет кричать каждую ночь до тех пор, пока дерево окончательно не превратится в каноэ и не будет вынесено из глубин джунглей к реке.

А сегодня вся семья в сборе. Точнее, две индейские семьи собрались в небольшой свайной хижине на берегу реки Бобонаса. Небо заволочено тучами, и звезд не видно. Вообще ничего не видно. Только джунгли живут своей жизнью, догадаться о при-

сутствии которой можно лишь по доносящимся из них голосам. От таких голосов у меня вдоль позвоночника пробегает холодок и вообще как-то не по себе. Это тебе не невинные крики взбалмошных каштаново-рыжих дятлов куту тсуан, выпрашивающих порцию табака: «Тауаку ку-уай, тауаку ку-уай...» («табаку дай, табаку дай...») Это совсем другое, что-то очень древнее и тревожное. Гонки мурашек вдоль позвоночника у меня даже не столько от собственно звуков, сколько от осознания того, кому они принадлежат.

– Мутулю поет на том берегу, – комментирует индеец.

От таких слов меня и пробрала дрожь. То, что я принял за повторяющийся каждые пять минут громкий шорох трепыхающейся птицы, оказалось криком трехметровой мутулю – злой ядовитой змеи, имеющей обыкновение ни с того ни с сего набрасываться на человека и преследовать его. А сейчас эта тварюга толщиной с голень взрослого человека «поет» на противоположном берегу почти напротив нашего дома.

– Здесь, в монте, много мутулю, – «успокаивает» меня друг. – Там, возле Канелоса (селение, откуда мы прибыли, спустившись по реке), их нет.

– А на Ятапи есть?

– Да, на Ятапи их тоже много, Андрес. В той стороне их предостаточно.

– Знаешь, я никогда прежде не слышал песню мутулю. Говорят, анаконды тоже поют, но и их мне не доводилось слышать. А это точно змея? – Робкая надежда, что мой друг пошутил, еще слабо теплится во мне.

– Да, змея. Если не веришь, спроси у моего отца.

В ответ старик кивает головой.

– И часто они так поют? Почему же я не слышал их ни на Ятапи, ни в других местах?

– Часто. Тебе просто не везло, уауки – брат. Сколько раз я говорил тебе, что по ночам немного опасно ходить по лесу, надо быть осторожным.

Это мой старый товарищ так упрекает меня. По правде говоря, есть за что. До сих пор я не особо внимал страхам лесных индейцев перед змеями, особенно в темное время суток, и вел себя достаточно беспечно, бродя ночью в сельве и лазая по дере-

вьям. Но теперь это в прошлом. Не исключено, что скоро я стану параноиком.

Похожая ситуация сложилась на днях, когда я случайно узнал, что в Бобонасе, как раз начиная от устья Уируяку и ниже, живут прегадкие рыбки, сомики-карниру. Эти маленькие, длинные и, кажется, лишенные костей создания предпочитают спокойные воды, избегая верховьев рек с их бурным течением и порогами. Карниру – паразиты. Частенько их можно найти в жабрах более крупных рыб, например полутораметровых сомов-багре. Они проникают под жаберные крышки и обосновываются там, впившись шипастыми плавниками в тело хозяина и попивая его кровь. Все бы ничего, но карниру – «мясники» залезают не только в рыб, но еще и в купающихся животных, включая людей. И извлечь их из прямой кишки или уретры задача не из простых. Вот почему индейцы никогда не мочатся и не ходят «по большому» в реку на глубоких местах: аммиак, содержащийся в моче, привлекает карниру как свет ночных мотыльков, и те стремятся пролезть в соответствующие дырки на теле человека.

Песня мутулю действует на всех угнетающе. Нас пятнадцать человек, причем большая часть дети в возрасте от пяти месяцев до девяти лет. Им не по себе. Они поднимаются в свайную хижину вслед за стариками.

– Ачи, качута куиндай, Расскажи сказку, – прошу я отца моего друга, прислонившегося с сигаретой к бамбуковой стене.

Старик, мерцая огоньком сигареты, отмалчивается, но дети подхватывают, устраивая возню вокруг деда:

– Апайяйя, дедушка, Расскажи про совку-булююкуку, Расскажи про булююкуку!

И старик сдается. Едва он начинает говорить, как дети мгновенно затихают. Он говорит на языке кичуа. В темноте при неверном свете коптилки старый охотник живо, в лицах рассказывает древнюю сказку, которую слышал от своего деда, а в прохладном воздухе сладко пахнет табачным дымом:

– Как-то раз один знахарь-йячах отправился охотиться в лес. Дома у него осталась жена и двое сыновей. Он шел-шел и заблудился. Плутал так два месяца. Жена, видя, что ее муж не возвращается, стала жить с другим мужчиной. Много дней бродил знахарь, пока не встретился с маленьким булююкуку. Тот пригласил

сил его подняться к себе в гости. Там они разговаривали и пили чичу. После этого знахарь вернулся домой и принес много мяса. Он спросил своих детей:

«Где ваша мать?»

«Она на расчистке с другим мужчиной».

«Приготовьте это мясо и поешьте», – сказал отец.

Когда вернулась мать, дети закричали ей:

«Наш отец пришел и принес вот это мясо».

«Какой еще отец? Вы врете!» – ответила женщина.

Тогда сыновья показали ей мясо, но мать, разозлившись, схватила его и вышвырнула прочь. Мальчики принесли его назад и съели. Снова пришел их отец и сказал:

«Не спите этой ночью. Я вернусь как сова бульюкуку. Вот так я буду кричать: «Булью-ку-ку-ку!»»

Настала ночь, и дети лежали, прислушиваясь. Прилетел бульюкуку, четыре раза облетел вокруг хижины и прокричал:

«Булью-ку-ку-ку!»

«Мама еще не уснула», – ответили дети.

Снова вернулся бульюкуку, облетел хижину четыре раза и прокричал:

«Булью-ку-ку-ку!»

«Мама еще не уснула», – сказали дети.

Снова прилетел бульюкуку и крикнул:

«Булью-ку-ку-ку!»

И дети ответили:

«Мама уже спит».

Тут отец-бульюкуку залетел в дом и коготком вырвал глаза у женщины и высосал их. И с женщиной он поступил так же. Проснувшись утром, женщина и мужчина поняли, что у них нет глаз, и спросили детей:

«У вас есть глаза?»

«Да», – сказали те.

«А почему же у нас нет?»

Задумавшись, женщина наконец сказала:

«Как мне быть? Если я стану деревом, то умру. Если стану анакондой-амарун, тоже умру. Буду я дельфином-бугью».

«Мне кажется, что это хорошо», – ответил мужчина.

И они отправились к реке. Женщина прыгнула в воду и превратилась в дельфина. Затем она три раза выпрыгнула и фыр-

кнула. Мужчина прыгнул в воду и тоже стал дельфином. Затем он три раза выпрыгнул и фыркнул.

Вот почему сегодня у дельфинов-бугью такие маленькие глазки. А знахарь забрал своих сыновей и увел их в джунгли, чтобы и они превратились в бульюкуку.

– Уауки, попроси своего отца рассказать еще сказку, – обещаю я к другу, и тот уговаривает старика под радостные восклицания детей. Две женщины – мать приятеля и его жена – тоже сидят подле нас и внимательно слушают. Вдруг кто-то из мальчишек открывает рот, пытаясь что-то сказать, но тут же притихает, одернутый отцом.

– Давным-давно жил мужчина, который пользовался славой шамана, – говорил старик. – Как-то раз он сварил большой горшок айягуаски и, пристроив его за спиной, отправился в джунгли. Там он бродил целую неделю. В последний день человек пришел к огромному дереву пасу, на ветвях которого висело множество плодов. А так как он сильно проголодался, то принялся кушать их. Вдруг на самых верхних ветвях появилась женщина с маленьким ребенком. Мужчина смотрел на нее, но сам не поднимался. Тогда она и ребенок спустились на землю.

«Хиии... хиии... хиии!» – смеялась женщина.

Она сказала:

«Нарви плодов и дай мне поесть!»

Та женщина была супай, дьяволицей. Мужчина забрался на дерево и нарвал целую кучу плодов, которые потом сбросил вниз. Она их подбирала с такой скоростью, что человек все никак не мог собрать необходимое количество. Тогда он, сидя на дереве, сказал женщине:

«Сестренка, положи ребенка поближе к дереву».

Та перенесла его к стволу, и здесь ребенок уснул. Видя это, мужчина спустился до нижних ветвей и со злостью вывалил целую кучу плодов прямо на малыша. Женщина закричала:

«Осторожно! Ты же убьешь его!»

И унесла ребенка прочь от дерева. Мужчина же снова принялся рвать плоды. Через какое-то время он сказал женщине:

«Сестренка, положи ребенка под дерево».

Та снова перенесла его к комлю. Тогда мужчина сорвал самые крупные плоды и убил ребенка. Увидев это, женщина рассвирепела:

«Я съем тебя! Спускайся!»

Но человек не спускался. Тогда женщина ушла в джунгли и вернулась с огромным количеством злых муравьев – лютури, тильи и аньянгу – и выпустила их на ствол, чтобы они ползли вверх. Мужчина нарубил веток и смахивал муравьев до тех пор, пока всех не прогнал. Это разозлило женщину еще сильнее, и она позвала Тикан Уччу, чтобы тот принес свой топор. Но топор, который был наполовину грибом, развалился.

Тогда женщина позвала броненосца-качикамбу. Этот подкапывал корни до тех пор, пока дерево не рухнуло. Но человек ловко перескочил на соседнее. Женщина в отчаянии принялась рыдать:

«Я больше не смогу съесть тебя! Брат, зачем ты убил моего сына?»

А мужчина тем временем быстренько убежал домой. По пути ему встретился олень-таруга, поджидавший его на полпути. Этот таруга был одет в кушму – длинную, почти до пят, мешок-рубаху без рукавов. Он спросил человека:

«Ты куда идешь?»

«Домой, пить айягуаску».

А потом мужчина рассказал ему, что с ним произошло, и предложил:

«Пойдем помянем ребенка, которого я убил».

«Нет! – ответил олень. – Не хочу, чтобы его мать нас съела. Но я осторожно перенесу тебя под своей кушмой. А теперь закрой-ка на мгновение глаза».

Человек закрыл глаза, а когда открыл их, то увидел, что оказался на горе Супаи Урку. Там стоял дом, из которого доносился шум. Возле тела мертвого ребенка собралось много демонов-супаи, а его мать рыдала в углу. Демоны, увидев оленя, закричали:

«Курака, вождь пришел! Иди сюда, иди к нам, иди к нам, иди к нам!»

Они пригласили его и предложили сесть на чурбачок. Человек, который прятался под кушмой, сильно перепугался. Супаи поили оленя пивом из маиса, предлагали бражку и дикий мед. Они поставили перед ним множество горшков. Олень так, чтобы никто не заметил, угостил человека, прятавшегося под одеждой.

А женщина все плакала и плакала:

«Мой сынок, мой сынок... братец... – И вдруг она почувала человека. Женщина втянула носом воздух и сказала: – Этот человек здесь!»

Но демоны не обратили на нее никакого внимания:

«Тебе всегда чудится запах мужчин! Заканчивай! А то мы тебя живьем закопаем!»

Женщина снова принялась рыдать. И, разозлившись на своих братьев-демонов, стала кричать, звать любовников. У нее было много любовников: на каждой горе по двое. И вот как она громко пела, звала их:

Я зову тех, кто на Уагра Урку.

Я зову тех, кто на Юнщи Урку.

Я зову тех, кто на Кастаньяс Урку.

Я зову тех, кто на Сумаку Урку.

Я зову тех, кто на Дила Уайя Урку.

Придите, придите, ай, ай!..

Пришли те, кто жил на Уагра Урку, подули на голову ребенка и сказали:

«Он мертв!»

Пришли те, кто жил на Юнщи Урку, подули на голову ребенка и сказали:

«Он мертв!»

Пришли те, кто жил на Кастаньяс Урку, подули на голову ребенка и сказали:

«Он мертв!»

Пришли те, кто жил на Дила Уайя Урку, подули на голову ребенка и сказали:

«Он мертв!»

Когда уже пропел петух, пришли те, кто жили на Сумаку Урку, подули на голову ребенка и заставили его ожить.

Мать тут же схватила его и приложила к груди, но ребенка вырвало, и он умер уже навсегда. Тут женщина впала в бешенство и запела своим любовникам:

«Льяуца улю тсауата, кальюлю рака тсауата!.. Склизкие черепаши члены! От вас проку меньше, чем от влагилица черепахи!..»

Любовники, услышав такие оскорбления, вырыли яму и закопали женщину заживо вместе с ее мертвым сыном.

...Старик докурил сигарету. Самые маленькие, пристроившись на коленях у старших братьев и сестер, уже спят. Но индеец решает рассказать еще одну, последнюю сказку. На сей раз про белогубых пекари, которых индейцы кичуа зовут уагра уангана. Эти крупные животные, похожие на диких свиней, беспрестанно бродят по джунглям огромными стадами.

– Как-то раз охотник отправился в лес и встретил стадо уангана. Он выстрелил в них, но не убил ни одно животное. Так повторялось из разу в раз. Его жена уже плакала от голода. В конце концов мужчина воодушевился и сказал:

«Я пойду и буду до конца преследовать этих уангана».

Когда животные заснули, он потихоньку подобрался к ним:

Одну ночь спал, две спал;

Три спал... десять спал.

Свиньи поняли, что рядом человек, и сказали:

«Брат, ты человек. Зачем ты ходишь за нами? Залезь на это дерево усауа и дай нам поесть».

Мужчина дал животным много плодов усауа, и те сказали ему:

«Если этой ночью ты будешь спать среди нас, то ягуар не съест тебя».

От Канелоса они отнесли его к реке Мараньон. Там они купались и переплыли на другой берег. Мужчина плыл среди них:

Здесь уангана, там уангана,

Сюда погляжу – уангана, туда погляжу – уангана.

«Тебя может съесть анаконда», – сказали охотнику звери.

Эти уангана на самом деле были очень красивыми длинноволосыми женщинами. Когда они находили дерево с множеством плодов, мужчина забирался наверх и сбрасывал им поесть. Уангана в свою очередь отыскивали для него крабов в ручьях.

Однажды охотник сказал:

«Давайте сходим туда, где живут люди».

Уангана дали ему курмита – короткую трубу-рог из обожженной глины, чтобы он мог предупреждать их в джунглях. Когда они приблизились к какому-то дому, человек принялся трубить, но люди и собаки окружали уангана, так что лишь немногим удалось спастись.

Теперь они шли много дней подряд. Одна женщина-уангана была беременна от человека и вскоре родила ребенка, тоже уангана. Они брели по ручьям и болотам, пока не добрались до того дома, где жил охотник.

«Теперь мы рядом с твоим домом, – сказали уангана. – Тебе не жалко свою жену?»

«Да, мне ее жалко. Я должен уйти от вас».

«Хорошо. Но ты очень хорошо обошелся с нами, поэтому мы подарим тебе эту курмита».

Той ночью, когда они подошли к дому охотника, уангана спросила у человека:

«Что у тебя на запястьях?»

«Это браслеты из семян», – ответит тот.

«Мы тоже хотим такие», – сказали уангана.

«Ладно».

Человек срубил несколько лиан тьямщи и связал им лапы, говоря:

«Это привязываем сюда и сюда, а когда взойдет солнце, на них появятся такие же шарики, как те, что я ношу на запястьях».

Он связал самых жирных уангана. Когда взошло солнце, он сказал:

«Скоро уже появятся, ждите».

Между тем мужчина пошел домой и рассказал своей жене о том, что с ним произошло.

«Давай убьем этих уангана», – сказала та.

«Ты ступай. Я связал самых жирных».

Женщина пошла в джунгли и убила столько, сколько хотела. Чуть позже, когда жена отправилась угостить мясом своих родителей, муж вернулся в джунгли и протрубил в курмита. Скоро появились уангана, и охотник отправил их по той тропе, где люди больше не могли бы убить их.

Позже этот человек станет Уангана Курака – хозяином всех свиной-уангана.

Этот самый охотник имел обыкновение хранить горшки наверху под крышей. Его родственники смазывали ядом стрелки-вирути для духовых трубок, а затем мужчина дул в рог-курмита. Незамедлительно приходили уангана, все очень жирные. Много: одна, две, три, сто, тысяча.

Как-то раз, уходя по делам, мужчина оставил глиняный рог своему брату, предупредив:

«Когда проголодаешься, подуй в рог один раз, не больше».

Но тот подул несколько раз подряд. И вот из-под земли пришло множество уангана и забрали курмита с собой. Когда мужчина вернулся и узнал о том, что произошло, то в ярости убил своего брата. А затем побежал к уангана.

«Почему вы отобрали рог?» – крикнул он им.

Те ответили:

«А зачем ты трубил в него столько раз? Больше мы не отдадим его тебе».

И хотя он упрасивал их, но животные так и не вернули ему рог-курмита. Вместо него уангана подарили человеку копьё.

«С ним ты будешь охотиться. Метнешь его только один раз и добудешь уангана».

Так и получилось. Уангана умирала, а копьё снова возвращалось к человеку.

Как-то раз мужчина отправился ловить рыбу, и его младший брат попросил его:

«Я принесу поесть твоей жене и детям. Только одолжи мне копьё».

«Хорошо, – сказал мужчина. – Ты должен метнуть его всего лишь раз, и оно само вернется к тебе».

«Ладно, не беспокойся», – ответил брат.

Когда появились уангана, он метнул копьё в первую. Затем человек бросил его во вторую уангана, но копьё, вернувшись, пронзило охотнику сердце.

Возвратившись и узнав о случившемся, Уангана Курака поспешил туда, где были уангана, и попросил их вернуть копьё. Но те сказали:

«Слишком поздно! Больше мы тебе ничего не дадим!»

Поэтому мужчина, рыдая, возвратился к себе, уже без рога-курмита и без волшебного копьё.

... Малыши, вповалку, сопят без задних ног. Да и те, кто постарше, откровенно клюют носами. Задуваем коптелку. Цикад и кузнечиков на редкость мало, почти не слышно. Зато призрачно мерцают зеленые искорки жуков-светлячков: видно, быть завтра дождю. И в этой ночной тиши с противоположного берега каж-дые пять минут долетает леденящая душу песня лесного гада.

Глава четвертая

ВЫЖИТЬ В ДЖУНГЛЯХ И НЕ УМЕРЕТЬ

*Не надо плохо думать о джунглях.
Они дают все, что необходимо для жизни.*

Сержант IV Амазонской бригады,
спецподразделение «Ивья»

– Господи, это ужасно!

Елена опускается на большой щербатый валун и стягивает с себя грязный рюкзак. На осунувшемся лице под древним черным женским рисунком лесных индейцев явственно проступает усталость. Алексей выглядит бодрее, хотя и ему изрядно досталось. К тому же он старше: ему сорок два, жена – на десять лет моложе. Да и рюкзак у него несравненно тяжелее. За несколько дней автономного перехода через эквадорские джунгли его голени покрылись здоровенными красными пятнами от укусов микроскопических мошек-ихинильяс. И не сегодня завтра эти ранки начнут превращаться в язвы, если Алексей не прекратит их расчесывать и не смажет каждую линкомициновой мазью из аптечки. За этим придется проследить.

Но ребята по-настоящему молодцы! Фраза Елены – редкая минутная слабость. Она и Алексей впервые в жизни оказались в джунглях, но ни на что не жалуются. Они привыкают, адаптируются физически и морально. Вечнозеленый влажный экваториальный лес их – как я говорю – «плющит». Испытывает на прочность. И либо добьет, либо нет. Мне кажется, что новички выдержат. Они мучаются, разрываясь между привычным рационализмом белого человека и тем образом мыслей и манерой вести себя, к которым насильственно склоняют джунгли.

Рано или поздно это пройдет. Я знаю, так как много лет назад сам пережил подобное и неоднократно наблюдал это у других. Да, они пока еще не могут идти так же быстро, как наши проводники-индейцы, шесть часов кряду перескакивая с камня на камень вверх по руслу маленькой лесной речки. Они неловки в движениях, почти ничего не знают о джунглях и не говорят ни по-испански, ни на кичуа. Но они идут! Отстают, спотыкаются, скользят, падают в воду, наверное, матерятся про себя, но идут.

Подобная стойкость белых людей производит хорошее впечатление на индейцев, моих давних друзей и проводников в этом районе Эквадора. Нет, они не выражают открыто своего восхищения или удивления – это не в местных традициях. Они не берутся нести личные вещи участников этой в некотором роде авантюры. Однако и старик, и его молодой сын с пониманием относятся к чувствам моих клиентов. Ведь я привел их сюда, организовал все «мероприятие», и теперь мы втроем – двое индейцев и я – несем за них моральную ответственность.

Все, пятиминутный привал окончен. Поднимаемся и снова идем. Под ногами журчит прозрачная вода, сквозь которую видны косяки маленьких пугливых рыбешек. Звенят цикады, а в голубом небе носятся черные стрижи. Джунгли живут своей жизнью. За изумрудной стеной зелени она невидима для неподготовленных глаз. Кажется, что густой лес однообразен и, кроме деревьев да насекомых, в нем никого нет. Но это величайшая иллюзия! Заблуждение. Немое опровержение тому – постоянно попадающиеся на песчаных отмелях следы белохвостых оленей, похожих на морских свинок-переростков пугливых гуант, ошейниковых пекари. Пару раз за день нам повстречались огромные отпечатки лап тапира, один из которых был с детенышем. Между камней в кустах индейцы нашли большую берцовую кость животного. Несколько раз индейцы показывают следы пумы: похожие на кошачьи, но восемь сантиметров в длину. Они совсем свежие, тянутся на несколько сот метров вдоль берега по руслу в том направлении, куда идем и мы.

Все это: и следы, и голоса птиц, и пьянящие запахи, и объяснения индейцев о пользе того или иного растения – создает совершенно особую атмосферу. Погружают моих спутников, да и меня тоже, в мир, совершенно отличный от привычного нам

по городской жизни. Сказка, тайна, сюрреализм... Эмоций и впечатлений настолько много, что мозг не успевает обрабатывать весь объем поступающей информации. Система «виснет».

Еще бы! По утрам, в три часа, все мы просыпаемся, чтобы варить и пить отвар из листьев гуайюсы – великолепный энергетик, придающий заряд бодрости на весь день. И это время разговоров. Старик рассказывает древние мифы, говорит о животных, о демонах джунглей. О знахарях, которые берут в жены дочерей духов подводного мира, чтобы обрести их силу и знания.

По вечерам мы скручиваем из листьев платано – зеленых бананов – большие сигары, забывая их крепким местным табаком-самосадом. Едим дымом мы отгоняем кусачих насекомых и привлекаем в сновидения души зверей. Я развожу тошнотворный табак в воде, чтобы видеть удивительные сны.

Мы травим рыбу ядовитым соком лианы барбаску. Достаем сладчайший мед из улья диких пчел. Выковыриваем больших съедобных личинок пальмового долгоносика из стволов деревьев. Собираем лягушек и пресноводных улиток по ручьям, чтобы потом все это съесть. Ночью мы охотимся на диких лесных кур-мундита и на крокодиловых кайманов, глаза которых горят красными угольками в луче фонарика. А потом тащим всю эту грудку мяса на собственном горбу в больших плетеных сумках, едва удерживаясь на отвесных склонах обрывов.

Да, мы живем дикарями и выглядим так, будто за нами охотятся армии сразу трех стран – Эквадора, Перу и Колумбии. Ребята получают свою порцию адреналина, мучений и редких по своей насыщенности эмоций. И они пока еще не знают, что, если... нет, когда мы выйдем из джунглей, призом за стойкость им будет хороший отель с отличным рестораном и несколько SPA-салонов на выбор, которые за несколько сеансов приведут их в чувства. А все вместе – и джунгли, и индейцы, и бокал славного чилийского вина под мясной фондю – вдохнут в них новую жизнь. Как шаман вдыхает жизненную силу-самой в темечко младенца. А тяготы путешествия забудутся.

Кто-то, прочитав эти строки, подумает, что мы не умеем отдыхать. Что мы – сумасшедшие адреналинщики. Возможно. Но зато мы знаем, что такое приключение!

К чему это я? А к тому, что в джунглях можно жить даже там, где на многие километры вокруг нет ни одного человека.

Ни «цивилизованного», ни «полуцивилизованного», ни даже «дикого». Как это ни удивительно, но есть места, где никто не строит жилищ и куда никто не ходит. В большинстве случаев тому есть две веские причины. Первая – большое расстояние, отделяющее дальние джунгли от более обжитых мест. Вторая – отсутствие необходимости отправляться к черту на рога, когда все необходимое для жизни можно раздобыть поблизости. Причем места, о которых я пишу, чаще могут посещаться белыми, нежели индейцами. Ведь первые всегда суют свой пурпурный, облупленный на солнце нос туда, куда совать его небезопасно. Вот о таких уголках мы и поговорим.

Несомненно, многим частенько доводилось читать и слышать об ужасных хищниках, населяющих джунгли Амазонки и помышляющих только о том, как бы сожрать двуногого «царя природы». Ерунда, скажу я вам. Куда более тревожных и неприятностей приходится испытывать от мошек, комаров и муравьев, иногда от термитов в спальном мешке и клещей, а также жары и влажности, колючих лиан, однообразной пищи и неприятной обстановки тропического леса, чем от скрадывающего вас во мраке ночи кровожадного ягуара. Поэтому давайте вместе с вами расставим все точки над «i».

В большинстве случаев все без исключения дикие животные предпочитают спасаться бегством или затаиваться, едва заподозрят близость человека. Вот почему многих из них куда проще встретить в зоопарке, нежели в самых безлюдных уголках джунглей Амазонки. Желаете поглядеть на ягуаров – отправляйтесь в зоосад, потому что в джунглях вы в лучшем случае найдете их следы, а в худшем – не увидите даже их. Тем не менее в отношении некоторых млекопитающих хищников, рептилий, насекомых и других живых созданий, способных причинить увечья, следует принимать определенные меры предосторожности.

Среди наземных хищников стоит упомянуть ягуара, или «тигра», как его повсеместно зовут в Южной Америке. Он – один из немногих, кто способен встретиться с человеком лицом к лицу и даже наброситься на него. Но... только когда умирает от голода. В августе–сентябре, когда коты ищут самок и возбуждены, устраивают сражения и вообще становятся невменяемыми от переизбытка половых гормонов, защищая котят или если зверю отрезали все пути к бегству. Однако стоит ягуару хоть единож-

ды убить человека и распробовать вкус его мяса, как большая дикая кошка превращается в грозного врага, атакующего при любом удобном раскладе. В таких случаях хищник днем чаще всего поджидает жертву возле троп, по которым постоянно ходят люди, нападая всегда внезапно и молниеносно. Ночами же ягуар может «навещать» лагеря охотников и рыбаков и там убивать спящих.

Из всех крупных кошек сельвы самыми опасными считаются большой пятнистый ягуар-утурунгу и смоляно-черная яна пума. Особенно последняя, которая, как гласит молва, всегда нападает на спящую жертву. При этом согласно поверьям она не притрагивается к мясу, но выпивает всю кровь и разгрызает череп, чтобы добраться до мозга человека. Среди обитателей джунглей бытует легенда, которая приписывает яна пуме способность гипнотизировать добычу на расстоянии, заставляя человека погружаться в глубокий сон. Поверье это настолько живуче, что стоит индейцам наткнуться в джунглях на следы черного ягуара, как они весьма поспешно покидают опасное место и как можно быстрее стараются уйти подальше до наступления ночи.

Говорят, никакие меры предосторожности не спасут человека ночью от нападения яна пумы. К счастью, этот злобный хищник живет в самых глухих и редко посещаемых человеком уголках джунглей. Я полагаю, впрочем, что – как и во многих других случаях – несговорчивый нрав яна пумы слегка переоценен впечатлительными натурами лесных жителей.

Два других крупных хищника из семейства кошачьих – настоящая пума и льюйчу пума – гораздо менее опасны. А маленькие дикие кошки-тигрильо вообще никогда не нападают на людей, если те не ставят их в безвыходное положение.

Но там, где ягуары встречаются особенно часто – из известных мне мест назову верхнее течение реки Бьябопи в Голубой Кордильере в Перу, – расслабляться и терять бдительность неразумно. По меньшей мере, лучше всегда быть при оружии. Хотя бы носить мачете или копьё из тех, что все еще делают индейцы. Но это на самый крайний случай.

Следующее животное, против которого также нелишне принимать меры предосторожности по ночам, – летучая мышь-десмод, в народе известная как «вампир» или под именем мащу. Особенно актуально это для тех, кому выпадет случай ночевать в покинутых

лесных хижинах. Небольшой по размерам крылатый зверек готов пробраться в малейшую лазейку в москитной сетке или даже прогрызть дырку, лишь бы добраться до спящего человека и напиться крови. При этом жертва не чувствует ни самого укуса, ни того, как десмод сосет у нее кровь. Только наутро человек обнаруживает красные пятна на простынях и одежде. И вот тогда-то понимает, что подвергся нападению «вампира». Поэтому, укладываясь спать, есть смысл с особой тщательностью вешать москитную сеть, хорошенько подтыкая и придавливая чем-нибудь тяжелым нижние края полотнища. Другое верное средство обезопасить себя от ночных кровососов – жечь на костре острый перец-ахи. Причем так, чтобы дым проникал в каждый уголок убежища, а поднимаясь вверх, окуривал пальмовую кровлю, в которой устраиваются на дневку десмоды и прочие летучие мыши.

В местностях, где «вампиров» особенно много, иногда развешивают в лагере рыболовные сети, таким образом затрудняя летучим мышам свободное передвижение. Десмоды, в отличие от насекомоядных сородичей, обладают неважной эхолокацией и частенько путаются в сетях, после чего их безжалостно убивают. Если имеется возможность, то в лагере можно оставлять зажженные коптелки или керосиновые лампы «летучая мышь», чтобы отпугивать светом тех самых летучих мышей.

Среди рептилий главные враги человека в джунглях – змеи. Их много видов, но на глаза все они попадают далеко не каждый день и не каждую ночь. Тем не менее больше всего индейцы и метисы боятся бушмейстера шушупи, удава-хергон, каскабель, лоро мачакуи, нака-нака и других, чей укус нередко смертелен, если человеку не оказать своевременную помощь.

Как я уже говорил, подавляющее большинство обитателей джунглей убегают или прячутся, почувствовав близость человека. И змеи не исключение. Их укуса не избежать, если рептилию загнали в угол и ей приходится бороться за свою жизнь. Я слышал и читал множество историй о том, что змеи нападали на человека без очевидного повода. Идет себе человек сельвой, и вдруг – раз! – укусила его ядовитая гадина. И невдомек ему, что змея спала или же по какой-то иной причине не заметила приближения человека. А когда обнаружила его, спастись бегством было уже поздно. Единственное, что ей оставалось, – нападение.

Предлагаю вам рассмотреть обычный случай. Представим, что змея, как это часто случается, устроилась отдыхать на ветке дерева или кустарника, как раз на высоте человеческого роста. Она спит, как вдруг, проснувшись, обнаруживает приближающегося человека, а тот даже не подозревает о присутствии рептилии, подходит все ближе, и ближе, и ближе. Расстояние сокращается. Змея инстинктивно боится, что если пошевелится и попытается скрыться, то будет обнаружена и убита. А первое правило джунглей гласит: «Чем ты незаметнее – тем дольше проживешь». Поэтому рептилия принимает единственно правильное решение – подготовиться к защите. Со стороны это частенько выглядит как подготовка к нападению. Змея поднимает переднюю часть туловища и голову, готовая к смертельному броску, замирает и остается в такой позиции до тех пор, пока человек не пройдет мимо. Если он при этом не заденет ветвь и не будет размахивать руками, то без риска для жизни минует притаившуюся над его головой змею.

Есть, правда, одно исключение. Это шушупи, или, как ее называют на востоке Эквадора, мутулю палю. Она – самая большая из всех ядовитых змей, обитающих в джунглях преимущественно на высоких, не затапливаемых дождями и паводками местах. Ее длина иногда переваливает за три метра, а в самом широком месте туловище достигает десяти сантиметров в диаметре. Как говорят крещенные метисы, это единственная змея, которая не приняла проклятия Бога. Они утверждают, что шушупи, преследуя жертву, не извивается горизонтально, как все остальные змеи, но совершает вертикальные колебания туловищем и даже способна делать длинные прыжки. Как бы там ни было в действительности, но, к счастью для человека, шушупи активна по ночам, да и не слишком многочисленна. Правда, существуют в Амазонии местности, где шушупи – настоящее бедствие. Но это ненаселенные районы вроде верховьев уже упомянутой мною реки Бьябопи в дикой Голубой Кордильере. Лично мне никогда не приходилось сталкиваться с этой гадиной нос к носу, однако ее ночные серенады, наводящие ужас, доводилось слышать. Воистину жуткий спектакль, скажу вам! Несколько раз я видел длинные шкуры, вывешенные в хижинах индейцев и в лавках торговцев на городском рынке в Икитосе.

Шушупи имеет обыкновение устраиваться на дневной отдых в норах животных, в дуплах поваленных деревьев и вообще в каких-нибудь темных дырах. Иногда она делит жилье со зверьком, которого в Перу зовут махас, а в Эквадоре – гуанта. Мясо этого грызуна размером с очень жирного кота ценится и индейцами, и метисами за свой нежнейший вкус; на него регулярно охотятся. И шушупи, и махас коротают дни в одних и тех же местах, а звуки, которые издают оба, если потревожить их глубокий и крепкий сон, схожи. Все это иногда приводит к трагическим последствиям для человека или его охотничьей собаки, которые принимают змею за безобидного зверька, скрывающегося в глубине пустотелого древесного ствола.

Среди обитателей джунглей бытует немало легенд и поверий о шушупи. Мне приходилось слышать, например, что если тебя преследует эта трехметровая злобная тварь, то надо бросить на ее пути что-нибудь из своей одежды. Это позволит выиграть время, так как змея кинется на футболку или рубашку и устроит над ними жестокую расправу. А человек тем временем сможет убежать как можно дальше.

Индейцы с большим подозрением относятся ко всем змеям, хотя прекрасно различают ядовитые и неядовитые виды. Первые боятся и при случае убивают. Вторые либо вовсе не пользуются их вниманием, либо их тоже убивают. Но не из-за страха, а для того, чтобы, например, забрать их красиво окрашенную кожу или кости, которые идут на украшения. В последнем случае мертвую змею оставляют в джунглях недели на две. За это время жара, влажность и муравьи очищают кости и череп добела.

Кроме ягуаров, летучих мышей-кровососов и ядовитых змей, в джунглях опасность для здоровья человека представляют кое-какие насекомые, пауки, скорпионы и некоторые другие крошечные создания, живущие повсюду во влажном вечнозеленом экваториальном лесу. На собственном опыте я убедился: чтобы избежать неприятностей, следует принимать определенные меры предосторожности. Главное – научиться различать, кто есть кто из ползучей и летающей братии. Последствия укусов болезненны, но практически никогда не приводят к смерти. Да, боль в укушенном или ужаленном месте бывает адской, а на глаза индейцев-охотников, вообще-то не склонных к сентиментам и демонстрации боли, наворачиваются слезы. Человека может

даже колотить в лихорадке, временно парализовать или свалить в сон. Но если вы здоровы, то вряд ли умрете. Зато получите превосходный урок на будущее! Бесценный опыт, скажу я вам.

Вы, наверное, читали или слышали об ужасе джунглей – бродячих муравьях, колоннами марширующих по тропическому лесу и пожирающих всех и вся на своем пути, от клопа до человека. Уж сколько писано-переписано о них! Я подозреваю, что авторы сих опусов – латентные маньяки-извращенцы. Такое впечатление складывается у меня, когда читаю описания страшных и мучительных смертей жертв, виновниками которых стали полчища кровожадных муравьев-убийц. Знаете, быть может, где-то и обитают такие чудовища, но в северо-западных и западных районах Амазонии (а это ни много ни мало – половина всего бассейна Амазонки) ни разу не довелось слышать о них от индейцев, лучше которых джунгли не знает никто. Да, некоторые виды муравьев действительно странствуют внушительными колоннами, без конца и края длиной. Да, когда насекомые приходят к индейской хижине, то ее обитатели оказываются вынужденными на время покинуть жилье, и в этом видится некоторое неудобство. Да, муравьи могут даже несильно покусать. Но вот парадокс: питаются они исключительно мелкой живностью, вроде клещей, клопов и блох, так что после посещения бродяг индейские дома остаются продезинфицированными от паразитов. Да, и зовут этих «монстров» тамья аньянгю, что в переводе с языка кичуа означает «муравей-дождь».

Отдельная и очень серьезная тема, которую мне хочется затронуть, – комары. И даже не столько они, сколько те инфекции, которые переносят эти насекомые. Как правило, неприятности поджидают в заболоченных джунглях и по берегам равнинных рек. Самая известная и распространенная – это малярия в своих двух имеющихся в Северо-Западной и Западной Амазонии формах. Более легкая – трехдневная «вивакс», и тяжелая тропическая «фальципарум», дающая осложнения и нередко приводящая к смерти. И ту и другую переносят комары рода Анофелес, заражающие человека при укусе.

Теоретически обезопасить себя от малярии можно, принимая в качестве профилактической меры специальные таблетки. На практике этого в большинстве случаев не делается в силу разных

причин. Именно поэтому в районах низкой сельвы малярия распространена среди индейцев и метисов настолько широко, что к ней относятся с философским спокойствием, как к насморку. Поэтому приезжий человек должен отдавать себе отчет в том, что рано или поздно, почти со стопроцентной вероятностью, приступ случится и с ним. Тогда единственная надежда – это таблетки хлорокина и примакина, гидроксихлорокина или аналогичные. И не имеет значения, приедет ли он на неделю или проживет несколько месяцев.

Малярия – вещь крайне неприятная. Ибо мало какая зараза умеет так вас вымотать в короткие сроки, как повторяющиеся через сутки приступы, длящиеся ровно двадцать четыре часа. Ломка во всем теле, дикий озноб, сменяющийся жаром, температура до 39 и выше и сильнейшая головная боль. К тому же малярия имеет устойчивую тенденцию к повторению, не важно, лечишься ты или нет. Она может вновь случиться через месяц, два, через полгода, в любой момент. И поскольку «болезнь плохого воздуха» в заболоченных районах, как показывает практика, неминуема, то обезопасить себя можно лишь единственно надежным способом: не посещать их.

Тут уж каждый решает для себя сам. Тем более что, кроме малярии, существует еще несколько разновидностей «фьебрес», или «лихорадок», как они именуются в просторечии. В их числе так называемая лихорадка денге и печально знаменитая желтая. Последняя, к счастью, на сегодняшний день практически искоренена, хотя в тридцатых годах прошлого столетия она в буквальном смысле начисто выкашивала целые регионы в Эквадоре и Перу. Есть также масса других заболеваний, сопровождающихся аналогичными симптомами.

Вот, кажется, мы более или менее разобрались с теми «рисками», которые поджидают человека, ищущего приключения на суше. Настало время перейти к водным и полуводным обитателям джунглей. Прежде остальных должно упомянуть черного каймана, анаконду, которую в Эквадоре и Перу называют боа или амарун, змей яку хергон и нака-нака, хищную пиранию и пакостливого сомика-карнеро, карниру или каниру.

Вам, уважаемый читатель, может показаться странным, что из десятков тысяч видов живых существ, населяющих Амазонку,

я упомянул всего-навсего несколько видов, которые могут считаться опасными для здоровья и жизни. Парадокс, но так оно и есть, если отбросить в сторону красочные, леденящие кровь мифы и легенды, которыми столь богаты джунгли и к которым так любят обращаться некоторые авторы, закладывая их в основу сюжета своих произведений. Вероятно, вы еще больше удивитесь, если я попытаюсь убедить вас в том, что человек может неделями и месяцами путешествовать по рекам на лодке или каноэ, но так ни разу и не встретится ни с крупным кайманом, ни с анакондой, ни с водяной змеей. Куда проще отыскать их в зоопарке или аквариуме, нежели в реках и озерах Амазонии. Хотя они действительно там живут и достаточно многочисленны.

Несмотря на это, отправляясь в джунгли, следует помнить следующее. Черный кайман, достигающий пяти метров в длину по официальным данным и семи метров по неподтвержденным, нападает на человека либо когда тот оказывается в воде, либо на берегу. Происходит это, когда хищник голоден, либо если человек наивно решит забрать яйца из гнезда, которые кайманы устраивают на земле неподалеку от воды. Эти яйца, когда их пошевелишь, издают своеобразный звук, похожий на звон колокольчика. Кайман, даже находящийся под водой и услышавший этот звук, молниеносно выскакивает на сушу и яростно набрасывается на человека или любое другое животное, которое оказалось рядом с гнездом.

Если человек или животное случайно падают в воду или же купаются в местах малонаселенных или вообще диких, то риск нападения черного каймана достаточно велик. Сначала он утягивает жертву под воду и топит ее. Затем кайман вытаскивает добычу на берег, где и съедает. Не верьте тем, кто рассказывает небылицы, будто черный кайман пожирает людей в глубине реки или озера. Это неправда.

В других случаях, когда разозленный чем-то кайман лежит на поверхности воды, прячась среди надводных растений, он, перед тем как напасть на каноэ или лодку, слегка выгибает хвост. Он поджидает приближения суденышка, чтобы затем перевернуть его молниеносным и сокрушительным ударом. В том, что удар пятиметровой зубастой махины сокрушительный, – можете быть уверены!

Теперь поговорим об анаконде, любимом персонаже многих романов и кинофильмов, а также сказок, мифов и легенд. Повсюду в Перу, Эквадоре и Бразилии ее чаще зовут боа, яку мама или же амарун. Гигантский удав обычно живет в больших спокойных озерах и в заболоченных участках джунглей. На реках его видят реже. Эта змея – вопреки немыслимому количеству захватывающих душу историй – лишь в редчайших случаях атакует человека. В редчайших! Происходит это, когда анаконда голодна – питаться она может раз в полгода, а также если по ошибке примет человека за свою привычную добычу – пекари, капибару или любое другое животное размерами меньше ее самой.

Анаконда всегда убивает жертву, обвиваясь вокруг нее кольцами и ломая кости грудной клетки. Среди жителей джунглей считается неблагоприятным слишком долго неподвижно находиться на берегу реки или озера в тех местах, где людей практически не бывает и удавы не знают страха перед человеком. Для этого есть свое объяснение: бытует мнение, что анаконда гипнотизирует свою жертву перед тем, как напасть на нее точно так же, как это делает черный ягуар.

Лесные жители уверяют, что самый надежный способ освободиться из «объятий» анаконды – это изо всех сил укусить гигантскую змею, после чего она мгновенно ослабит хватку. На мой взгляд, способ несколько сомнительный, учитывая толщину и прочность пятнистой шкуры змеи; ее то и ножом не так просто разрезать.

Как и черный кайман, анаконда может нападать на человека в воде, когда тот по неосторожности свалится в реку или же купается поблизости от берега. Точно так же, как и кайман, она утачивает жертву под воду, а через некоторое время выбирается с ней на сушу. Как правило, вдали от места нападения.

Если добыча крупная, то анаконда, съев ее, на несколько дней остается спать где-нибудь на стволе дерева или в скоплении плавника, переваривая жертву. В это время она резко уменьшается в длину, зато ужасно раздается вширь, потому что – как и любая другая змея – заглатывает добычу целиком, не разрывая на части. Ясно, что в таком состоянии исполинский удав теряет способность быстро двигаться и становится уязвимым.

Мясо гигантской змеи съедобно, однако редко кто отваживается есть его. Индейцы же вообще избегают убивать анаконд,

не то что использовать их в качестве источника животного белка. А вот что действительно ценится, так это прекрасная кожа боа, которую используют для тех же целей, что и кожу каймана. Жиру анаконды приписываются лечебные свойства: говорят, что он помогает при артрите и ревматизме.

В джунглях Амазонки водятся две разновидности анаконд, обитающих в воде, – черного и желтого цветов. Помимо них, на суше живет еще одна боа, называемая сача мама, что на языке индейцев кичуа означает «хозяйка леса». Черную анаконду считают самой злобной, но и преследуют чаще, так как ее жир, говорят, намного более эффективное снадобье, чем жир желтой анаконды. Также утверждают, что, будучи взят в ладонь даже в небольшом количестве, он способен разойтись по всей руке. А если этот жир попадет на металлическую деталь какого-нибудь механизма, то последний безнадежно испортится, так как субстанция производит сильнейшую коррозию.

Что касается желтой анаконды, то она встречается значительно чаще и не столь опасна для человека. Сача мама – красивейший боа констриктор, живущий на суше, также не представляет опасности для человека из-за своих небольших размеров. Однако и он окружен ореолом тайны, и в джунглях ходит немало легенд о хозяйке леса.

Водяные змеи обитают по топким речным берегам и в джунглевых болотах. Все они крайне ядовиты, но кусают человека только тогда, когда он пробирается по жидкой грязи, не соблюдая осторожности и не производя предупреждающего шума. В остальных случаях они, как и прочие обитатели джунглей, моментально скрываются при малейшем подозрении на присутствии человека. Большинство водяных змей небольшого размера и редко вырастают до одного метра. Их несколько видов. Яку хергон похож на сухопутного хергона. А нака-нака окрашена в красивый красный, черный и желтый цвета и напоминает аспида, обитающего в джунглях на суше.

Теперь я предлагаю вам перейти к рыбам, представляющим реальную или мнимую опасность для человека. Пиранья, или панья, – хорошо известная рыбка, прославившаяся далеко за пределами Амазонии благодаря своему хищному нраву. Есть несколько видов, различающихся размерами и особенностями био-

логии. Обыкновенно при слове «пиранья» в сознании предстает обезображенное тело человека или животного, имевшего несчастье оказаться в воде там, где обитают эти маленькие, кровожадные убийцы. Однако действительность куда менее зловеща, чем людская фантазия. Мне, например, неоднократно приходилось купаться в реках, где водились пираньи, и есть уху из пираний, выловленных там же. И, признаться, уха из них получается прекрасная! И никто из индейцев не пугал тем, что есть риск превратиться в обглоданный скелет, если залезть в воду.

Чуть менее оптимистично обстоят дела с другой рыбкой, не столь известной за пределами мест ее обитания. Я имею в виду сомика-карнеро. С испанского языка его имя переводится как «мясник». Он живет преимущественно в реках, реже в озерах. Проворный карнеро проникает в тело человека или животного через различные отверстия и способен пробраться глубоко внутрь, повреждая любой орган, который встречается на его пути. Если карнеро попал внутрь, то вытащить его оттуда не легкая задача, так как рыбка растопыривает плавники и застревает в отверстии.

Есть два вида карнеро: маленький и тонкий, едва-едва достигающий пяти сантиметров в длину, и второй, вырастающий до пятнадцати сантиметров. Первый считается наиболее опасным, потому что благодаря своим незначительным размерам с легкостью проникает в отверстия на теле. Другой же чаще присасывается к незащищенным или поврежденным участкам кожи.

Рыбки-мясники нападают на человека или животное, когда те неподвижно стоят в воде. Поэтому стоит ли удивляться, что в выловленных трупах карнеро кишмя кишат.

Чтобы избежать нападения зловредной рыбешки, не следует пренебрегать следующими мерами предосторожности. Входя в воду, надо производить как можно больше шума. Не останавливаться надолго в одном месте, постоянно двигаться и носить плотно прилегающую к телу одежду, надежно прикрывающую «причинное место».

Если же карнеро все же проник внутрь, то есть – я, правда, не проверял – несколько верных способов изжить его оттуда. Помимо хирургического вмешательства – от одной мысли об этом мне становится дурно! – индейцы и метисы практикуют свои

методы. Так, рекомендуют пить настой из плодов дерева уиту. А если его нет, то настой амазонского табака-самосада, отвратительнейшего на вкус. В обоих случаях паразиты выходят из человека уже мертвыми, и я понимаю почему.

Помимо всех вышеперечисленных неприятностей, в джунглях белый человек рано или поздно столкнется с болезнями. Порезы, ушибы, отсутствие привычной пищи, очень редко – инфекционные заболевания. Все путешественники проходят через это и, в конце концов, начинают относиться к подобным напастям философски. Было время, когда я таскал с собой аптечку, до отказа набитую всевозможными таблетками и пилюлями. С каждой поездкой их число неумолимо сокращалось, и в один прекрасный день остались лишь те, которые предназначены для жизни «в цивилизации». Ибо именно в городах путешественника подстерегают неприятности с желудком, быстро проходящие, стоит ему углубиться в джунгли. Исключения есть. Например, я и сегодня запасаясь большим количеством мази-антисептика и каплями от насморка, так как это самые востребованные лекарства. Причем не столько мною, сколько другими людьми, нуждающимися в помощи. Приятно помочь больному человеку, особенно если это ребенок, даже если ты сам не получишь ничего, кроме скудных слов «Кай рукуга алья цунгу руна мау», которыми тебя опишут индейцы, рассказывая родственникам и знакомым. «Этот старик – человек с хорошим сердцем», – скажут они.

На собственном опыте узнаешь, что, живя среди индейцев, всегда можно рассчитывать на помощь шаманов или даже рядовых членов племени, хорошо разбирающихся в лекарственных растениях и разного рода снадобьях.

Индейцы – отличные этноботаники. Индейская медицина знает множество лекарственных растений. Например, больса мульяка, маленькое растение, листья которого варят, а горький, отвратительный на вкус отвар пьют как средство от лихорадок и малярии. Ядовитый сок дерева катауа используют как верное средство от чесоточного клеща и других кожных заболеваний. Отваром из скорлупы кокосового ореха лечат дизентерию. Корой чучуваши, настоящей на самогоне из сахарного тростника, борются с ревматизмом и простудными заболеваниями. Кроме того, настойка из чучуваши славится как весьма сильный

афродизиак. Плоды дерева гуайяба хорошо помогают при расстройстве желудка. От кашля и бронхитов применяют сироп из зрелых плодов дерева уиту, а зеленые используются для приготовления стойкой черной краски: ею раскрашивают тело, спасаясь от мошек и комаров. Размочаленную кору и листья ренако прикладывают к ранам и порезам. Белым млечным соком дерева охе индейцы изгоняют глистов и лечат анемию. Из растертого корня растения юкилья извлекают сок, который помогает при глазных заболеваниях. Для этого его закапывают по две-три капли в каждый глаз. Кроваво-красным соком дерева сангре-де-драго – «кровь дракона» – в джунглях лечат язву желудка, а также всевозможные раны, порезы и ушибы. Этот сок в малых количествах смешивают с медом, водой и пьют или же прикладывают к больному месту.

Помимо растений, индейцы и метисы пользуются разнообразными лекарствами животного происхождения. Так, жир пресноводного ската-хвостостола восстанавливает силы ослабленного организма. Его применяют при астме и болезни бронхов, а также практикуют втирания, когда болят мышцы.

Вонючее мясо хохлатого гоацина – удивительной древней птицы – употребляют в пищу только больные астмой, ибо здорового человека стошнит. Жир, добытый из анаконды, применяют при острых и хронических мышечных болях. Причем считается, что наиболее действенное лекарство дает не желтая, а черная анаконда.

Хорошим средством от астмы, бронхитов и туберкулеза считают и жир каймана, который также обладает восстанавливающими свойствами и помогает при ревматизме. Правда, найти жирного каймана не так-то просто.

Жир лесной черепахи помогает при вывихах и ушибах, а ее желчь восстанавливает печень и лечит другие болезни.

Жиром очкового медведя излечиваются от ревматизма и втирают в мышцы для их укрепления.

Жир игуаны успокаивает мышечные боли.

Яичники самцов обезьяны-капуцина и прочих маленьких обезьян содержат большое количество гормонов, способствующих продолжительной сексуальной активности, причем даже в преклонных годах. Для этого у недавно убитого самца отрезают

тестикулы и поедают их сырыми, чем-нибудь запивая при этом. Насколько действенен последний рецепт – я не знаю, ибо есть сырые обезьяньи яйца... Хотя чем черт не шутит!

На экзотических рынках в городах и поселках, спрятанных в джунглях, все вышеперечисленное доступно каждому страждущему. Я, например, регулярно заглядываю сам и возжу с собой товарищей по экспедициям и клиентов на большой рынок в перуанском городе-анклаве Икитос, что расположился на самой Амазонке. Этот колоритный видами и запахами рынок – по-испански Белен, а по-русски Вефлеем – предлагает полную линейку традиционных для амазонского региона лекарственных средств от марихуаны, мазей и примочек до десятков разновидностей животворящих настоек на травах и меде, исцеляющих сразу и от всего на свете. Состав некоторых из них определить невозможно и приходится полагаться на броские названия, в которых явственно читается юмор жителей Амазонки. При желании в торговых рядах под любопытные взгляды сотен черных грифов каждый может приобрести стеклянную емкость 0,75 л с многообещающей этикеткой «SVSS», что на человеческий язык переводится как «Семь раз не вынимая». Ну, вы догадались, ага?

Вот, пожалуй, и все, о чем я хотел бы рассказать относительно «выживания» в джунглях Амазонки. Если разобраться, жизнь в этих Богом забытых краях не более опасна, чем наше существование в городах, в безводных пустынях, в горах или на просторах арктических тундр. Просто надо изучить ее, понять, прочувствовать и не пренебрегать элементарными нормами поведения. Как говорится в мудрой пословице: «Перестань бороться со средой, и она перестанет бороться с тобой».

Теперь, разобравшись с опасностями реальными и мнимыми, поговорим о приметах в джунглях, которые дошли до нас благодаря многовековому опыту, накопленному и сохраняемому индейцами.

В джунглях – как, впрочем, и в других местах – обитает множество животных, подглядывая за которыми нетрудно определить свое местонахождение, сориентироваться и узнать, как изменится погода в ближайшее время, и изменится ли вообще. Нетрудно, если знаешь и умеешь. Я назову лишь некоторых, самых распространенных представителей животного царства, к

подсказкам которых прибегают не только лесные индейцы, но и белые, волею случая заброшенные в бескрайние джунгли Амазонки.

Вот маленькие изумрудные попугайчики-пиуичу, иначе – лорито. Они всегда носятся крикливыми неугомонными стайками, всегда заметны. Эти птички никогда не улетают далеко от воды, гнездятся поблизости от рек и озер. Поэтому, если я услышал крики пиуичу, даже не видя их, то, скорее всего, до реки недалеко. То же справедливо и в отношении цапель. Эти птицы постоянно держатся возле воды: как правило, на озерах и по рекам, богатым рыбой. Следовательно, увидев цаплю, можно быть уверенным в близости водоема.

А вот услышав громкие, резкие крики небольшой хищной черно-белой каракары – ататао, разорительницы осиных гнезд, я буду знать, что забрел в самую глубь джунглей. «В центр», как принято говорить в перуанской Амазонии. Дело в том, что ататао селится вдали от рек и от человеческого жилья. Поистине она – глашатай тропического леса, так как начинает громко и настойчиво кричать, если завидит в своих владениях человека или хищного зверя.

Если, блуждая в джунглях, я услышу крик рыжей кукушки-чикуан или маленького звонкоголосого хищника – ястреба-уанкауаи, то могу быть уверен в грядущем ненастье. Неспроста же за этими птицами закрепилась слава предсказателей дурной погоды. Также и непрерывная тоскливая песня большого тукана предвещает скорое начало дождя.

Вблизи крупных и средних по ширине рек обитает гигантская лягушка, в народе называемая коно-коно. Иногда между шестью и восемью часами вечера, едва ночь окутает джунгли, раздаются громкие крики этой амфибии: «ко-ко-ко-ко-ко... ко-ко-ко-ко... ко-ко-ко-ко-ко...» Заслышав их, надо готовиться к длительной засухе и, как следствие ее, к обмелению рек. Иными словами, коно-коно предупреждает: амиго, готовься перетаскивать долбленные каноэ через перекаты на собственном горбу.

Следы собаки, которые, в отличие от следов диких кошек, имеют отпечатки когтей, указывают на близость расчистки и человеческого жилья. Эти вечные спутники людей никогда не уходят одни далеко в джунгли. Главное не ошибиться и не спутать

следы домашнего пса со следами его диких сородичей, «лесных собак» сача альку.

Заблудившись и найдя тропу, которую оставили после себя белогубые пекари-уангана, можно пройти по ней. Она непременно выведет либо к реке, или озеру, либо туда, где живут эти звери, похожие на крупных свиней. В последнем случае есть смысл пойти по одной из троп, ведущих к водопою. А оттуда, если пекари ходят пить воду к ручью, двигаясь вниз по течению, рано или поздно выйдешь к более крупной реке, на которой, скорее всего, живут люди. Или, по меньшей мере, идя вниз по реке, рано или поздно отыщешь их следы.

Найдя в джунглях труп или останки животного и внимательно осмотрев их, я узнаю, было оно убито «полудивилизованными» индейцами или «дикими», хищником или же умерло своей смертью. Можно даже с большей или меньшей точностью установить время смерти и в каком направлении ушли охотники. Опытный глаз поймет, с какой целью убили животное. Индейцы берут мясо, тогда как белые охотники за шкурами ошкуривают добычу, а большую часть мяса бросают в лесу.

Наткнувшись в джунглях на пустую стоянку людей, трудно установить, как давно она была покинута. В этом неоценимую услугу оказывают вездесущие муравьи, большие охотники до соли и сладкого. Назойливые насекомые появляются на биваках, едва человек покинет их. А нередко еще и при нем. Поэтому, приглядевшись к количеству муравьев, я пойму, как давно ушли те, кто отдыхал здесь.

Можно до бесконечности перечислять животных, которые помогут заблудившемуся в джунглях охотнику. Однако я останавлиюсь и тем самым дам возможность вам, уважаемый читатель, на собственном опыте познать тайны джунглей, проявить личную наблюдательность и смекалку.

Не только животные и птицы служат нам знаками и подсказками. Как ни посмотри, а даже в самых удаленных районах тропического леса живут люди. А где есть люди, там непременно встретишь и следы их жизнедеятельности. Прежде всего, это тропы. Они бывают двух видов: хорошо натоптанные, соединяющие между собой индейские деревни, и другие, едва заметные, которыми пользуются охотники. Взглянув на тропу,

нетрудно понять, принадлежит она «цивилизованным» людям или «диким» индейцам. В последнем случае на земле остаются босые отпечатки ступней с хорошо заметными отгисками носка и широко разведенными в стороны пальцами.

На тропах – если ты внимателен – глаз замечает разного рода «подсказки», оставленные человеком. Это и зарубки на корнях и стволах деревьев, сделанные мачете, и надломленные ветки, и сорванные или срубленные листья. По их внешнему виду легко узнать, когда прошел человек. Редко-редко на тропах можно наткнуться на участки, густо покрытые ветвями и листьями. В таких случаях нелишне проявить бдительность: под этим ворохом, возможно, скрывается настороженная западня.

«Дикие» индейцы – еще остались такие племена, не вступающие в мирные контакты с внешним миром, – редко пользуются открытыми, хорошо заметными тропами. Они передвигаются по джунглям, не оставляя столь явных следов, и не афишируют свое присутствие, отмечая путь лишь загнутыми или закрученными веточками, которые заметит только наметанный глаз. И только в том случае, если знает, что искать.

В пальмовых заболоченных джунглях – агуахалях, отыскав следы человека, по мутности воды очень просто определить, когда он побывал здесь. Как правило, муть оседает на дно следа углубления в течение одного или двух дней, что зависит от того, проточная вода или же застоявшаяся.

Как и повсюду на земле, в джунглях люди оставляют после себя кострища, а также пустые консервные банки, стреляные гильзы, пришедшие в негодность пластиковые мешки и многие другие ненужные вещи. По виду мусора с большей или меньшей точностью определяется, когда его выбросили, была ли стоянка длительной или на одну ночь.

Наткнувшись в джунглях на засеянную расчистку, я буду уверен, что поблизости есть люди. То же справедливо, когда находишь заброшенную расчистку – пурма, на которой еще растут посаженные индейцами плодовые деревья. В последнем случае человеческое жилье может находиться далеко вато.

Если же пурма очень старая и окончательно заброшенная, то искать поблизости людей нет никакого смысла. Из этих мест они могли уйти и пять, и десять, и двадцать лет назад. Но в лю-

бом случае, найдя в джунглях расчистку, следует подготовиться к тому, что ее могли сделать как «цивилизованные» или «полуцивилизованные» индейцы, так и «дикие» племена.

Найдя в лесу ловушку, полезно выяснить, исправна ли она и как давно настрожена. Если верно последнее, то это верный сигнал близости человека. По тому, как сделана западня, я пойму, кто ее хозяйева: индейцы или белые. Знающие люди могут по конструкции ловушки определить даже принадлежность охотника к тому или иному племени.

Ну и если, выйдя к берегу реки, я вижу привязанное каноэ или плот, то – ура! Его владелец появится в ближайшее время.

Пожары в перенасыщенных влагой джунглях случаются крайне редко. Следовательно, почувствовав запах гари или увидев вдали клубы дыма, я пойму, что индейцы выжигают лес под свои огороды. Лай собак и крики петухов, наряду с запахом дыма, неоспоримое свидетельство близости человека, «цивилизованного» или нет.

Изредка случаются курьезы. В самой чаще раздается звук ружейного выстрела. Однако по всем признакам поблизости людей быть не должно. Индейцы-кичуа, живущие в джунглях, говорят в таком случае, что это Ильяпа Супаи, то есть демон ружья. Не стану спорить, может, так оно и есть. Но, скорее всего, за выстрел принимают характерный шум, который производит бросающаяся на жертву анаконда, всей своей массой выскакивая из воды и со всего размаху плюхаясь обратно. Поэтому следует с особой осторожностью относиться к «выстрелам», если уверен: людей поблизости быть не должно.

Постоянно живя в джунглях или же путешествуя по диким лесам, не менее важно, чем ориентироваться на местности, уметь предсказывать погоду. Я перечислю лишь некоторые атмосферные явления. Их важно знать, планируя пешие переходы, охоту, рыбалку и многое другое.

Низкие свинцовые тучи, разбавленные туманом и неподвижные, – верный признак приближения дождя. Однако если облака несутся по небу, гонимые сильным ветром, и рвутся в клочья, то, скорее всего, дождь или минует, или будет непродолжительным.

Когда небо затянуто белесой полупрозрачной облачностью, которая или неподвижно висит, или же едва заметно движется,

то дождь выпадет почти наверняка, но случится это не слишком скоро. Зато дождить будет долго, и погода испортится на несколько ближайших дней.

Когда, бродя в джунглях, слышишь далекие раскаты грома, видишь зарницы или вспышки молний, то вероятность того, что гроза захватит и тебя, мала. А вот если небо почернело – тропического ливня не миновать, и он накроет в ближайший час.

Затянутый черными тучами горизонт и свесившиеся «ноги» дождя, в то время как часть неба чиста и над головой сияет солнце, означает, что осадки прольются вдали. Если же завеса дождя быстро и неумолимо надвигается, то следует спешно ставить укрытие или быть готовым промокнуть.

Красный закат, заливший весь западный горизонт, с вытянутыми, словно пылающими огнем облаками – предвестник длительной засухи. Почти наверняка в ближайшие неделю или две не выпадет ни капли влаги.

Густые туманы по утрам обещают жаркие и солнечные дни, которые особенно тяжело переносятся при путешествии по рекам и озерам. И напротив, если днем или ночью жара начинает усиливаться и духота становится нестерпимой, то это верный признак надвигающегося ненастья.

Стволы деревьев, ветви, листья, хлопья пены и всякий сор, плывущий по реке в солнечную погоду, верный признак выпавших в верховьях сильных дождей. В предгорьях сплошь и рядом случается, что дождь проливается лишь по одну сторону водораздельного хребта. И тогда приток главной реки вздувается и становится настолько бурным и неистовым, что переправиться на другой берег в месте слияния двух потоков подчас невозможно. Однажды я по собственной глупости чуть было не утоп, рискуя ночью переправляться через разбушевавшуюся реку.

Наконец, есть еще один вернейший признак, по которому можно узнать о приближении дождя. Если вам не посчастливилось, вы где-то подхватили чесотку и зуд вдруг стал нестерпимым, то знайте – погода изменится к худшему. Впрочем, совсем не обязательно самому обзаводиться чесоточным клещом: можно понаблюдать за пораженными им животными.

А для этого надо отправиться в глубь джунглей, не побояться открыть себя приключениям. Почувствовать дыхание жизни.

Глава пятая

ИНДЕЙЦЫ С РЕКИ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

В прежние времена обезьяны были как люди, и именно им принадлежали каменные топоры. Кото, макисапа, фрайле и гуапо – все они были людьми. Потом кото вымазал ладони терной краской уиту и превратился в обезьяну. Фрайле испаггал лицо белой глиной и стал похож на метиса. Гуапо тоже вымазался белым около рта и превратился в животное.

Индийская легенда

Завернутый в черную клеенку труп маленькой девочки лежал на стланиях посреди лодки, и на второй день пути пассажиры, расположившиеся ближе к корме, стали все отчетливее ощущать тошнотворный смрад разлагающейся на тропической жаре плоти. Девочка-сирота умерла далеко от дома, и теперь ее везли вверх по реке, к родственникам. Молодой, лет семнадцати, индеец всю дорогу молча сидел, скрючившись, на дне лодки с ничего не выражавшим, застывшим лицом. И только когда из-за излучины навстречу показывался большой индейский плот, груженный мешками с маисом, гроздьями зеленых платано, курами и запертыми в деревянных клетках откормленными свиньями, юноша поднимал голову и принимался громко, нараспев причитывать. И тогда над водой, заглушая тархтящий гул слабенького бразильского мотора «пеке-пеке», несся заунывный ритуальный плач по покойнику индейцев-чайяуита:

*Уинау, уинау гимини;
Танауатана маша йоунитеранкы
канампура.
Ипорасы куаги ина йоункирауин...
Мой сын – мертв. Я оставил тебе поесть.
А сегодня ты уже и не думаешь о еде...*

Плоты причаливали к белым песчаным пляжам, пассажиры лодки также получали возможность размять ноги и справить естественную нужду, а индейцы между тем бурной скороговоркой обменивались новостями.

Я был одним из пассажиров. И направлялся из города Юримагуас, что стоит на левом берегу широкой Уальяги, в верховья мутно-рыжей реки Паранапура. Или – как ее зовут чайяюита – Кангии из-за большого количества пальм канги, растущих по ее берегам. Вдали, по левую руку, за хорошо обжитой метисами и индейцами прибрежной полосой, вздымались тонувшие в голубоватой дымке хребты перуанской Восточной Кордильеры. Они резко обрывались к заболоченной, плоской-плоской равнине, покрытой густым темно-зеленым ковром джунглей. Справа же далее не было видно за высокими зарослями тростника и расчистками. Но я хорошо знал, что там, на севере, до самого Мараньона-Амазонки простирается все та же труднопроходимая сельва. Жаркая, густая, утонувшая в болотах и после тропических ливней превращающаяся в настоящий ад для европейца – рай для комаров рода Анофелис, переносящих малярию. Нет-нет, я не преувеличиваю. Амазонская сельва – с которой я неплохо знаком по предыдущим экспедициям в Южную Америку – сильно разнится от местности к местности и по моим представлениям является почти что «землей обетованной» в тех местах, где она карабкается на высоту пятьсот–семьсот метров над уровнем моря. То есть в предгорьях Анд и на предгорных равнинах, лишенных агуахалей – бескрайних нездоровых болот, поросших стройной пальмой агуахе, от которой они и получили свое испанское название.

Зачем я забрался в эти нездоровые места, куда по доброй воле не поедет ни один здравомыслящий человек? На то была своя причина. Я плыл за приключениями, которые – стыдно признаться – в мои почти тридцать лет все еще составляют смысл жизни вашего покорного слуги. Точнее, за Большой Легендой. Ну а если быть совсем откровенным, то за сокровищами, которые – найди я их – существенно бы поправили мое финансовое положение. Что это за сокровища, я пока что толком и не знал. А вот что о них хорошо известно индейцам-чайяюита – моим спутникам и, как я смел надеяться, в будущем друзьям – не вызывало никаких сомне-

ний. Но всему свое время, и о кладе я расскажу, когда настанет черед. Пока же я сижу в лодке в обществе маленькой покойницы и ее родственника, моториста, его жены с грудным младенцем и их миловидной дочерью лет пятнадцати-шестнадцати.

Того, кто правит лодкой, зовут Аро Кауаса. Его – маленького, босоногого, застенчивого индейца-чайяуита лет тридцати – я встретил в Юримагуаса на рынке возле «порта» в компании еще более миниатюрной жены. И если Аро был одет в старые шорты и футболку, то его женщина – как и все замужние индейки-чайяуита – представляла собой живописную картину. На ней была кружевная блуза голубого, зеленого и желтого цветов, оставлявшая открытым живот и нижнюю часть груди, но при этом закрывавшая спину. Она также была облачена в прямую запашную юбку, доходившую до колен и расчерченную рыжеватыми продольными полосами, которая удерживалась на талии тонким красно-голубым шнурочком с ярко-малиновыми помпонами. Длинные, смоляно-черные волосы ее спадали на угольные глаза прямо подрезанной челкой, столь характерной для замужних индейок, а лодыжки были перетянуты узкими тканевыми полосками землистого цвета.

Встреча с индейцами шауи – именно так сами себя зовут чайяуита – была для меня глотком свежего воздуха после двух суток, которые я, простившись с Эквадором, до того момента успел провести в Перу. Я был уже по горло сыт общением с перуанцами-метисами – прямой противоположностью эквадорцам. Возможно, кто-то обвинит меня в предвзятости, но я раскаивался, что оставил по ту сторону границы кое-что из запасенных мною средств, которые в лесах на Востоке принято использовать для варварского глушения рыбы.

Добравшись до Юримагуаса, я поймал себя на том, что нещадно матерюсь на полдюжине языков, чего никогда не позволял себе ни в Эквадоре, ни в Боливии. Перуанцы, однако...

Я везунчик по жизни, и фортуна, как не раз прежде, улыбнулась мне и сейчас. Кто бы мог предположить, что полсотни патронов для дробовика шестнадцатого калибра, батарейки к фонарику и половина из нужного для скорого возвращения в верховья топлива были подарены одному из трех глав, или «вождей» общины индейцев-чайяуита на заваленной корявым

топляком Реке Утренней звезды – Уиньюанаи, коим оказался Аро Кауаса.

Быть может, завоевать расположение чайюита помогло мое лицо, разукрашенное черным соком уиту, которым я обязан старым добрым эквадорским друзьям из лесов над Бобонасой. Жена одного из них начертила на нем древний мужской рисунок-«кингу» своих предков – индейцев ныне исчезнувшего племени гайя. Тонкие двойные линии шли от мочек ушей наискосок к уголкам губ, затем, образуя треугольник, соединялись на подбородке; верхнюю часть моего лица также украшала чуть более широкая двойная линия с зигзагом, проходившая от одной скулы до другой через нос.

Нетрудно догадаться, что я представлял собой довольно занимательное, из ряда вон выходящее зрелище, что, возможно, и привлекло чайюита. В Юримагуасе, миновав два забора, Аро привел меня в каменную коробку, выделенную церковной миссией приплывающим в город индейцам под место для ночлега. Здесь мне ни единожды пришлось рассказывать всем ее временным постояльцам о том, кто я такой, откуда и зачем мне надо в верховья большой реки. Что цель моего путешествия – разговор со стариками о стародавних временах, когда на соляные копи Уальяги и Ямураи – притока Паранапуры – приплывали и приходили индейцы из дальних уголков Амазонии, и так далее. Пару раз за время бесед, следовавших одна за другой, я был несколько ошеломлен, и оба раза причиной того были женщины, не принимавшие участия в мужских разговорах. Первый раз одна из них, подойдя вплотную ко мне, без предупреждения дотронулась пальцем до рисунка у меня под глазом и что-то стала быстро говорить присутствовавшим мужчинам. Что уж она сказала – я не знаю, но, видимо, ничего плохого для меня. В другой раз еще одна индейка подскочила ко мне, когда я угощал собеседников едой. Протягивая одному из них единственную остававшуюся у меня мятую пачку соленых галет, я тут же лишился ее: стоявшая поблизости миниатюрная женщина оказалась проворнее нас обоих. Вот, пожалуй, тогда-то я и понял, что с этими людьми скучать не придется – в хорошем смысле слова...

Мы плыли всю ночь, не встречая препятствий, пока оставались на большой реке. Но как только, уже ближе к утру, наша

лодка повернула влево и нырнула в устье Уиньюанай, продвижение сильно осложнилось. Индейцы по очереди резали фонариком беспросветную тьму, вылавливая пятнышком света то тут, то там появлявшиеся из ниоткуда стволы посреди реки. Лодка, сбавив ход, петляла от одного берега к другому. Время от времени налетала на топляк, и несколько раз мотористу приходилось сдавать назад в поисках фарватера. Продвигались мы медленно, и казалось, что Аро вел судно, скорее руководствуясь каким-то особым чутьем, нежели доверяя глазам.

Тем не менее, когда настал зябкий и безветренный мгlistый рассвет, столь характерный для Северо-Западной Амазонии, мы пристали к одной из многочисленных кос и, привязав лодку к воткнутому в дно шесту, стали выгружаться, перетаскивая на берег скарб.

О нашем прибытии узнали давно, заслышав тарыхтение мотора вдали за излучиной, и теперь нас встречают. Мальчик лет десяти – сын Аро и старшая дочь помогают переносить вещи. А вот метрах в ста от реки и дом Аро. Здесь по молчаливому соглашению я проведу ближайшие несколько недель. Длинный – метров пятнадцать и высокий – метров пять навес с двускатной пальмовой крышей, импровизированной лавкой вдоль одной из сторон, чурбачками-подставками вместо стульев и бамбуковыми нарами в дальнем углу. Теперь это мое место в доме Аро. На противоположном конце – традиционный для индейцев очаг из трех соединенных вершинами бревен, над которым подвешены грозди оранжевых и желтых плодов колючей пальмы пихуайю и иссиня-черные початки маиса-кукурузы. Нам некогда распаковывать пожитки:

– Брат, можно, я помогу отвезти девочку вверх по реке? Тут близко. – Аро смущен, так как полагает, что должен спрашивать у меня согласия, ведь половина бензина для мотора моя.

– Конечно, брат. Могу я поехать с тобой?

– Поедем вместе, брат. Маленький каноэ поедем, выше воды очень мало. Ты сможешь, брат? – Индеец говорит по-испански довольно бегло, но с сильным акцентом и часто коверкает слова.

– Да, я смогу, брат.

Быстро пьем традиционную масату – так в Перу повсеместно называют «пиво» из перебродившего маниока – и идем на берег. Мотор и девочку уже переложили в долбленое каноэ.

Обмелевшая в засуху Уиньюанаи становится уже. Мало-помалу появляются небольшие перекаты и темные каменные россыпи по песчаным пляжам. Еще дальше – в верховьях – речка совсем мельчает, а течение усиливается, и там пройти не могут даже плоты. Даже после дождей, когда прибывает вода.

Каноэ режет воду, а вверх по реке все так же заунывно, но теперь почти беспрерывно несутся стоны молодого индейца.

*Уинау, уинау, гимини...
Мой сын мертв...*

Заслышав их, из домов-навесов к реке сбегаются родственники мертвой девочки. Мужчины, подростки, женщины с раскрашенными черной и красной краской лицами, дети и полуобнаженные старухи со сморщенными отвислыми грудями. Каждый раз мы причаливаем, глушим мотор и выходим на берег. Молодой индеец рассказывает о несчастье, все толпятся вокруг, ловя каждое его слово. Мы с Аро стоим несколько поодаль – нас это не касается. Некоторые мужчины сдержанно здороваются с нами. Но чаще я ловлю на себе быстрые взгляды черных глаз. Впрочем, никакой враждебности не чувствуется. Сейчас полагается скорбеть, и все скорбят, не задавая лишних вопросов.

Так мы плывем от дома к дому, пока наконец не пристаем у высокого правого берега. В том доме, что на вершине холма, жила девочка. Десятка два индейцев сначала молча толпятся у кромки воды, ожидая новостей. А затем женщины – ближайшие родственницы, – слышав издали траурные стоны, принимают громко рыдать.

Наша работа закончена, но отпустить пришедших, не угостив их традиционной масату, такое невозможно даже представить в здешних лесах. Нас проводят мимо высокого свайного дома, где уже начались приготовления по случаю похорон. Бредем вверх по склону. Большая, откормленная черная свинья развалилась рядом с тропой. Ничего примечательного – индейцы нередко держат у себя не только свиней, но даже и овец, одну, две, редко три. Однако мое внимание привлекает струйка темно-красной крови, сочащейся из задней ноги животного. Так, ясное дело. Это кытыто исо' – летучая мышь-десмод, которую частенько называют вампиром, навестила свинью. Аро говорит, что вампи-

ров здесь видимо-невидимо и свою кровавую дань с домашней скотины они собирают едва ли не каждую ночь. Кусают и людей, когда те почему-либо спят без противомоскитной сетки.

Вот и еще один дом, на коньке пальмовой крыши которого восседает несколько обыкновенных празднично-белых домашних голубей: к этим птицам чайяуита испытывают какую-то особую любовь и покупают их на рынке в городе. Приветствуем хозяев, нам предлагают присаживаться, стряхивают с и без того чистых чурбачков мнимый сор, а тряпку оставляют на сиденье. Это проявление вежливости среди чайяуита, но я пока еще не знаком с традициями этого маленького индейского народа, насчитывающего всего около двенадцати тысяч человек. Поэтому вместо того чтобы сесть прямо на тряпицу, я осторожно сдвигаю ее в сторону. Впрочем, это допустимо. Ничего оскорбительного для хозяев я не сделал. Пьем масату, одну пиалу за другой. Индейцы сначала обмениваются новостями, потом Аро рассказывает всем, кто я, сколько мне лет, откуда и зачем приехал к чайяуита. Все внимательно слушают, а затем – о боже – Аро просит, чтобы я сам подтвердил только что сказанное им, рассказав о себе самостоятельно. Делать нечего, и я повторяю то, что за последние сутки пересказывал уже раз тридцать, если не больше. Пиалы тем временем пустеют и снова наполняются. Пустеют и наполняются...

Незнание чужого языка – пренеприятная вещь! Как мне повезло, что за пять лет, проведенных в «застенках» университета, я выучился и свободно говорю по-испански. Это открыло мне дорогу в Южную Америку. Мне повезло, что с горем пополам я могу изъясняться на лесном диалекте языка кичуа, что позволило мне с изнанки взглянуть и прочувствовать жизнь сельвы и ее традиции на огромной территории Верхней Амазонии. И насколько же мне не хватает сейчас познаний в языке моих собеседников, чайяуита. То же самое я ощущал, когда в свое время оказался в лесах на крайнем юго-востоке Эквадора, в землях «охотников за головами» индейцев шуар и ачуар. Там мой кичуа был бесполезен, ибо едва ли не все вещи и явления обрели новые имена и смысл.

Я бы многое отдал, чтобы вдруг – как по волшебству – заговорить на десятке-другом индейских языков. Ведь, говоря на чужом языке, думая на нем, в этот момент ты сам отчасти становишься совсем другим человеком, по-новому осознаешь и ощу-

щаешь себя и мир вокруг. Это сродни наркотику. Ты получаешь удовольствие уже от самого процесса разговора. А кроме того, это еще и полезно на практике.

Признаюсь, меня всегда удивляют заявления тех путешественников, которые утверждают, что, прожив с таким-то или таким-то племенем пару месяцев, они узнали все о каждом из его членов, о традициях и верованиях. Думаю, что эти люди лукавят и к их заявлениям следует относиться критически. Чтобы узнать о ком бы то ни было все, надо, по меньшей мере, в совершенстве владеть чужим языком, а за пару месяцев выучить его невозможно. Особенно если речь идет об индейских языках. Среди них есть более легкие для европейца – такие, как лесные диалекты кичуа или язык индейцев кокама, относящийся к огромной семье языков тупи-гуарани. Недаром эти два в разное время служили языками межплеменного общения и торговли на просторах Амазонки и ее притоков. Но большинство языков все же весьма сложны как в плане фонетики и грамматики, так и в плане богатейшей лексики. В отличие от современных путешественников, их коллеги еще в XVI–XVIII веках признавали, что есть «простые языки, на которых заговоришь через восемь дней, а есть такие, на которых не выучишься говорить до конца жизни».

Для наглядности приведу несколько примеров из языка индейцев арабела, живущих на северо-востоке Перу. О сложности их языка, относящегося к одной из некогда крупнейших и распространенных семей Верхней Амазонии – сапаро, легко судить хотя бы по количеству суффиксов. С их помощью образуется все, включая такую грамматическую категорию, как множественное число. Вот, например: shiyasa – shiyasa-a, maa – maa-ca, shiyaru – shiyaru-cua, nesu – nesu-hua, niyacoo – niyacoo-jori, cusotu – cusotujua, shiyonu – shiyonu-na, jiyaniijia – jiyaniijia-nucua, shii – shii-pi, suunu – suunu-pue, maaji – maaji-pohua, nucua – nuhuo-cuasa. Двенадцать!

Впечатляет? В испанском и английском языках множественное число, как правило, образуется единственно прибавлением «-s» к основе слова.

Кроме того, индейские языки весьма образны. Сами судите. Охотники за головами индейцы ачуар обыкновенный зонт называют «хыинчам нанап», что буквально означает «крылья летучей мыши», а часы – «гсаа нинди», то есть «сердце солнца». Верно

подмечено, не правда ли? Птицу они именуют «нанамдин» – «хозяин крыльев». А лунные фазы ачуар делят следующим образом. Новолуние – это просто «Нанду такайи» – мужчина-луна Нанду появился. Незадолго до полнолуния, когда диск ночного светила уже заметно округлился, это «Нанду хапан юмайи» – Нанду съел оленя. Ну а собственно полнолуние называется «Нанду памаун юмайи» – Нанду-луна съел тапира, самое крупное травоядное животное сельвы, и поэтому растолстел.

Впрочем, я заболтался.

Итак, я приплыл сюда, на извилинающуюся у подножий Восточной Кордильеры Реку Утренней звезды, за большой легендой. Но, так мне начинает казаться, здесь меня ждет нечто более увлекательное, чем приключение в стиле Индианы Джонса или любого другого искателя «приключений на собственную задницу». Что это? Пока не знаю, время покажет. Сейчас воображение рисует лишь такие близкие отсюда загадочные хребты, покрытые горными лесами. По своему великолепию они, пожалуй, даже превосходят первобытный лес Амазонской низменности. Вся Монтанья, как зовут эту область перуанских предгорий, изобилует дико романтическими суровыми видами. По густому лесу разбросаны громадные серые, поросшие мхом обломки скал, окруженные мощными древесными стволами, которые то поднимаются прямо кверху, как свечи, на высоту тридцати метров, то вздуты посередине, наподобие поплавка, то опираются на высокие воздушные корни, то имеют дощатые корни, которые идут вверх по стволу на высоту двенадцати метров и только здесь сливаются с ним, то разбегаются во все стороны по земле, подобно гигантским змеям. Кроны этих древесных великанов образуют сплошную листовую «крышу», через которую не проникает ни единый луч солнца. В горном лесу постоянно царит сумрак, который делается особенно мрачным в ненастную погоду, когда небо застилают густые тучи. На стволах и ветвях – тысячи вьющихся растений. Эти лианы сплетаются в сплошную массу, и дорогу через лес можно прокладывать лишь с помощью ножа, да и эта работа является нелегкой, так как стебли лиан отличаются необычайной тягучестью. Подлесок часто состоит из густых зарослей. Над ними поднимаются древовидные папоротники с красивыми перистыми листьями, бурыми и черными стволами. Кое-где вид-

неются величественные кроны пальм с их стройными беловатыми стволами на высоких опорных корнях...

Легенда ждет меня. Легенда, гласящая, что когда-то обезьяны были людьми.

В давние времена на этой земле жили люди, которые были похожи на обезьян. Они жили так же, как живут сегодняшние. Но прошло много лет, и они больше не захотели оставаться людьми. Людская жизнь им разонравилась. И тогда они решили превратиться в других существ.

Они на самом деле съели плод, который зовется таран уытауа, то есть «фрукт, который может превращать». Этот плод очень опасный, потому что заставляет человека превращаться в обезьяну. Из-за того, что они съели его, все превратились в обезьян. Когда они решили измениться, то перебили и разломали все, что было в их домах: пиалы, горшки и всякие другие вещи. Все разломали и выбросили. Их топоры из камня иногда находят в лесу и потому зовут ауи' имуто, что значит «топор обезьяны ауи'».

– Теперь разойдемся по разным местам, чтобы съесть этот фрукт, когда захотим превратиться, – так они решили между собой. И ушли они в разные земли по всему миру, встречая на своем пути разных обезьян: и'со – беличью обезьянку, соро – шерстистую, и яра туйя' – паукообразную. Они шли по лесам и горам.

Вот таким образом люди превратились в и'со, в соро и в яра туйя'. Только мы, человеческие существа, живем как люди до сих пор.

Когда они захотели превратиться в обезьян, то решили:

– Позовем тиуин – ленивца, вождя, чтобы он играл нам на флейте.

Так и сделали. Когда тиуин заиграл на флейте, все принялись нахваливать его:

– Наш вождь поможет нам превратиться!

И все принялись петь песни и превращаться в обезьян. Обезьяны ауи' – капуцины, пели по-особенному, и мало-помалу их голоса стали такими, как сегодня. Соро, яра туйя', ны'но – обезьяны-ревуны и все другие тоже пели. И вот пока они пели, то превращались в обезьян. Это потому, что их вождь играл на флейте.

Легенда ждет меня...

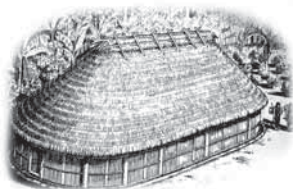
Глава шестая

ЗАПАХ АХ'КАУАРУ И ВКУС «ПЧЕЛИНОЙ ВОДЫ»

– Хей! Ну'кутара щинца, ну'кутара щинца!

– Хей! Делайся глупой, делайся глупой!

Заклинание индейцев чайяуита

Дум-дум, дум-мум! Дум-дум, дум-дум!.. – ритмично и монотонно стучат длинные пестики-дубинки. – Дум-дум, дум-дум, дум-дум, дум-дум!..

Два обнаженные по пояс индейца чайяуита – молодой, лет двадцати пяти по имени Кано, и другой, совсем мальчик, – встав напротив друг друга, толкут горькие листья кустарника ах'кауа. Изумрудная зелень, высыпанная в выдолбленную наподобие корыта деревянную колоду, под ударами быстро приобретает черновато-бурый оттенок и струит резкий, приторный горьковато-кислый запах, от которого желудок сжимается в спазмах. Индейцы готовят яд, время от времени подсыпая в зловонную массу очередную порцию листьев из стоящей подле плетеной корзины. Неистово звенят цикады, нещадно палит солнце, и на темно-коричневых мускулистых спинах бисером сверкают капельки пота. Три семьи – все родственники – готовятся отправиться на рыбалку. А какая рыбалка без яда ах'кауару?

Признаю: яд этот, содержащийся в листьях невысокого кустарника ах'кауа, по-настоящему великолепен! В отличие от барбаску – другого яда и одноименной лианы, – он значительно сильнее. Так утверждают мои спутники, ибо я тоже собираюсь участвовать в рыбалке. Впервые. Белесым соком нитевидных корней барбаску мне не раз приходилось травить рыбу как в вы-

сокой монтанье близ Пастасы, так и в низкой сельве к югу от Напо. Но вот ядом из листьев кустарника – никогда. До меня доходили только рассказы, ибо во многих местах Амазонии – по крайней мере там, где мне приходилось бывать – индейцы обычно рыбачат именно с барбаску, специально выращивая ее на своих расчистках.

Я не один. Вместе со мной за процессом перемалывания листьев внимательно следит Маленький Вождь. А толстая жена старшего из двух работающих индейцев перетаскивает в тень под высокий пол свайного дома тяжелые зеленые грозди платано. Щеки и подбородок у нее разрисованы короткими горизонтальными и вертикальными черными черточками, а ладони, будто чернилами, вымазаны соком плода уиту, из которого она и приготовила краску.

Дум-дум, дум-дум, дум-дум, дум-дум...

– Брат, где мы будем ловить рыбу? – обращаюсь я к Аро.

– Здесь, брат, рядом. В Кунии.

– Где-где? – не понимаю я.

– В том ручье, что впадает в большую реку чуть ниже порта.

– Ты хочешь сказать в Атингаяку, брат? – догадываюсь я.

– Атингаяку, брат. Мы называем ее Кунии, потому что там живут куни – длинные рыбы, вроде угрей.

Теперь, когда Аро разъяснил мне значение слова «куни», все встает на свои места. Ведь название ручья на языке индейцев чайяуита в точности соответствует названию на кичуа: атинга – это змеевидная рыба, похожая на электрического угря, но не бьющая током. А внушающее уважение слово «порт» в данном случае означает место, где швартуется каноэ Аро, то есть просто участок береговой линии. У каждой семьи свое каноэ и свой порт.

Кунии, как и многие маленькие речушки, рождается в агуахалях, которые начинаются сразу за сухими речными террасами и простираются до самого подножия Кордильеры по правому берегу и до далекого Мараньона по левому. Об агуахалях стоит рассказать особо, ибо так сложилось, что почти вся жизнь чайяуита – по крайней мере охотников-мужчин – проходит именно в них.

Эти гнилые пальмовые болота, раскинувшиеся на площади от нескольких сотен метров до многих десятков квадратных

километров, круглый год утопают в застоявшейся воде. Обычно черного цвета. Или же приобретающей мутно-рыжий оттенок после сильных дождей, или если какой-нибудь лесной зверь пройдет топью, взмучивая грязь.

В большинстве случаев агуахали лежат в глубине джунглей, в низинах и редко-редко подступают к самому берегу большой реки. Почвы здесь не пропускают и не впитывают воду, поэтому-то она и застаивается на поверхности. К счастью, тут не слишком глубоко. Нечасто, но встречаются места, по которым охотнику приходится брести по пояс или даже по грудь в воде. А если внутри агуахали есть небольшое озеро, не сразу угадываемое глазом, то здесь можно и утонуть: глубина нарастает по мере удаления от берегов и зачастую внезапно обрывается черной бездной. Так и просится на язык: «Места тут гиблые. Передохнем все...»

В целом разреженных агуахалих полным-полно густых зарослей, завалов, а корни с вымытой меж ними почвой выпирают над поверхностью и земли, и воды. Здесь не слишком много больших, высоких деревьев, что естественно в других, более возвышенных и сухих местах джунглей. Исключение составляют монументальные маврикиевые пальмы-агуахе, в большом количестве растущие по болотам. Собственно говоря, благодаря им агуахали и получили свое имя. В Эквадоре эту пальму зовут морете, а заболоченные джунгли, как следствие, – мореталь. Другое типичное растение для этих мест называют ренако. Оно забивает рост любого другого дерева близ себя еще в самом начале, само не давая при этом никаких съедобных плодов. Правда, листья ренако обладают целебными свойствами. Пальма агуахе, напротив же, приносит множество плодов, вкусных и питательных, любимых не только животными и птицами, но и людьми.

Пальмовые болота часто настолько огромны, что нет никакой возможности обойти их, не потеряв массу времени и сил. А кое-где агуахаль – это синоним джунглей. Например, здесь, на Реке Утренней звезды. И вот когда обстоятельства или сама жизнь вынуждают человека углубиться в болото, он должен принять во внимание следующее. Я испытал это на себе и рекомендую другим прислушаться к моим советам, которые я в свою очередь узнал от Маленького Вождя чайяуита.

Во-первых, двигаясь по агуахалю, не следует задира́ть ноги и пытаться прощупывать ими путь. Так недолго оступиться и упасть, провалившись в какую-нибудь яму. Самое неприятное здесь не в том, что вымокнешь и вывозишься в грязи как свинья. Это нормальное состояние человека, бредущего болотом. Хуже то, что в таких вот ямах-невидимках иногда живут существа, встреча с которыми может оказаться фатальной.

Путь лучше прощупывать шестом, срубив нетолстое и прямое деревце. С таким импровизированным посохом ступать легче, в нужный момент на него можно опереться. Если же вдруг почувствовал, что «твердь» ушла из-под ног, то немедленно раскинь руки и постарайся ухватиться за ветви, корни или стебли, дабы не окунуться с головой. Обратное можно уже и не вынырнуть. Когда же провалился твой спутник, то немедленно помоги ему выбраться, даже если не видишь никакой опасности. Опасность имеет обыкновение появляться неожиданно, заставляя человека врасплах.

Как я уже сказал, почву в агуахалях лишь с огромной натяжкой можно назвать твердью. Именно поэтому, когда сквозь душное болото движется большая группа людей, то не следует всем идти одной и той же «тропой». Будет правильнее разбиться по три-четыре человека и двигаться параллельными маршрутами на некотором удалении друг от друга. И вот почему: чем больше людей двигаются шаг в шаг гуськом, тем мягче становится дно болота, ноги идущих сзади вязнут сильнее, они устают, а сама «тропа» быстро приходит в негодность, становясь хуже самого окружающего болота.

Пиявки – калю-калю, крайне редко попадающиеся в других местах и даже в реках, в агуахалях встречаются чаще, присасываясь к незащищенным участкам тела. Даже если ты следишь за ними, регулярно осматриваешь себя – я, например, с детства ненавижу пиявок, испытывая к ним смесь отвращения и страха, – то все равно отыщешь на себе присосавшуюся склизкую гадину. Вцепится же такая дрянь! Почти бесполезно пытаться отодрать ее силой. Но если окурить ее сигаретным дымом или смочить табачным соком, то тварь отвалится сама. Избавиться от кровососа также можно, приложив к нему размочаленные листья табака

или же просто прижечь его сигаретой или зажигалкой, стараясь при этом не подпалить собственную шкуру.

От вездесущих комаров – другой напасти пальмовых болот – избавиться, увы, невозможно. Репелленты – сужу по собственному опыту – оказываются малопригодными. Конечно, можно залезть под противомоскитную сетку. Но это на отдыхе: ходить-то в ней не получится при всем желании. Даже если кожа у вас настолько нежна, что комариные укусы вызывают жуткую аллергию.

Вот что такое агуахаль, уважаемый читатель. К счастью, пока индейцы намерены ограничиться лишь средним и нижним течением тенистой Кунии. В болота нам тоже предстоит идти, но чуть позже, за «пчелиной водой»: так чайяюита называют самое любимое сладкое лакомство в джунглях – мед диких пчел.

Не случайно именно сегодня все три семьи и я будем ловить рыбу. Весь вчерашний день и половину ночи лил дождь. Понятное дело, вздулась и большая река, и притоки, куда зашла рыба. Поэтому, чтобы не дать ей уйти вместе с убывающей водой, Аро и Кано потемну перегородили Кунии высокой циновкой-полотном из расщепленного бамбука.

Итак, все готово. Корзина до половины наполнена едкой массой из перемолотых листьев ах'кауа, и мы грязной тропкой, истоптанной широкими босыми ступнями, отправляемся в дом к Аро, где сидим и пьем масату. Постепенно сюда подтягиваются все новые и новые люди. Индейки держатся отдельно. На лицах многих из них узоры-черточки черного, красного и фиолетового цветов. Последнее – от цветного химического карандаша. Выглядит красиво до тех пор, пока их не смоют пот и вода: в отличие от растительных красок, карандаши не стойки к влаге. Яркие блузки некоторых женщин подчеркивают общее приподнятое настроение. Еще бы! Сколько бы рыбы ни наловили сегодня, это будет отличным дополнением к столу. Особенно учитывая то обстоятельство, что последние два дня все мы сидим без мяса, перебиваясь вареными бананами, клубнями маниока и бражкой из них же.

По песчаному пляжу большой реки суетливо бегают два красноногих, черно-белых куличка-галстучника, самец и самка. Где-то неподалеку у них гнездо, вот птицы и волнуются. Индейцы

зовут их уайраши и не употребляют в пищу, потому что верят, будто те обладают «секретом», как выражается Аро. «Секрет» в представлении чайяуита – все, что способно оказывать любое магическое воздействие. Это может быть трава, кости или черепа животных. Что же касается «секрета» куличка-уайраши, то он в следующем. Если юноша, желающий влюбить в себя девушку, убьет птицу, отрежет ей лапку, извлечет из нее трубчатую косточку и станет смотреть в нее «как в бинокль» на объект воздыхания, то это притянет девушку, и она влюбится в своего поклонника.

Есть еще другая крошечная серая пичуга, живущая возле рек парами и редко-редко попадающаяся на глаза по четыре. Чайяуита называют ее уишуруку и утверждают, что ей свойственно предсказывать будущее. К примеру, если она кричит: «аши-аши», то путешествующие на каноэ должны знать, что она предвещает или приближение дождя, или какую-то опасность. Напротив, когда уишуруку весело щебечет, то все будет хорошо и плывущим ничто не угрожает.

Маленький коричневый ястребок-ми'мито' с желтым «лицом» живет неподалеку от человека. Иногда, сидя на сухой ветви дерева, выдающейся из кроны, он громко кричит: «пиии-пиии...» – и своим криком предупреждает людей о том, что должно произойти что-то плохое. Например, человек плохо себя чувствует и, услышав голос ястребка, знает, что вероятность того, что он умрет, весьма велика.

– Хей! Ну'кутара щинца, ну'кутара щинца! – бормочет себе под нос Кано, полоща корзину с ядом в мутных водах Кунии.

Смысл его заклинания – оказывается, традиционного для чайяуита – можно перевести как: «Хей! Делайся глупой, делайся глупой!» Своими словами индеец заставляет рыбу «делаться глупой». Ну а если без лукавства, то полумертвой. Солнечные зайчики, пробившиеся через плотный полог крон, играют в полумраке ручья, прыгая по грязным глинистым берегам, веткам кустов и деревьев, водной глади и телам чайяуита. Здесь, выше по течению, мы одни. Все остальные столпились ниже, в устье возле загороди, где поджидают одурманенную рыбу. Женщины и дети стоят на берегу, кто-то уже по грудь в воде. У других над

поверхностью торчат лишь головы: они пытаются нащупать руками добычу в мутной глубине.

Взрыв смеха. Кто-то поймал длинноусого мраморного сомика и выбросил его товарищу на берег. Но тот рыбу не поймал, и она снова шлепнулась в воду. Ненадолго. Несмотря на общую толчею в неширокой речушке, индейцы умудряются выбрать всю добычу, обследуя каждый сантиметр кромки берега и извлекая рыбу из таких мест, где я бы ее даже не заметил.

Пока матери бродят в воде, их маленькие – лет трех-четырех – дети сидят на берегу и тоже в меру сил помогают взрослым, подбирая выловленную рыбу и складывая ее в маленькую плетеную сумочку, которую обычно носят через плечо. Под конец, когда все, что можно было выловить, выловили, Кано снимает четырехметровую бамбуковую загородь. Рыбу делят на равные порции между семьями. Женщины и девочки тут же потрошат ее, выбрасывая кишки в реку, и разносят по домам. Аро, я и его жена с дочерьми и сыном возвращаемся домой. Индеанки, не теряя времени, ставят на очаг котелок с водой и принимаются стряпать еду. Вскоре из двух соседних домов приходят мужчины, за ними их жены и дети. От каждой семьи приносят две или три рыбины в подарок: сегодня все будут обедать в доме Аро. Настроение отличное: наконец-то мясо!

Вот уже и большая створка речной ракушки, служащая всем нам ложкой, лежит внутренней стороной вверх в опустевшей глиняной тарелке. Трапеза окончена. Каждый из нас семерых, мужчин и мальчиков, ел этой раковиной, поочередно зачерпывая бульон и возвращая ее на место, перевернув черной наружной стороной кверху. Теперь все мы благодарим друг друга ритуальным: «Спасибо, брат, спасибо, брат». Опять пьем масату. Постепенно индейцы расходятся, возвращаются к себе домой. Нам же с Аро и его семьей предстоит еще идти в джунгли за медом диких пчел. Воистину, сегодня великий день обжор и сладкоежек!

Должен предупредить впечатлительного читателя, что разорять пчелиные гнезда в джунглях Амазонки – времяпрепровождение отнюдь не болезненное и не имеющее никакого отношения к мазохизму. Существует множество видов этих насекомых, однако большинство из них лишены жала и не кусаются. Поэтому основное неудобство при сборе меда в том,

что десятки пчел беспомощно кружатся вокруг тебя, в отместку стремясь залезть в глаза и во все естественные отверстия на теле двуногого вандала.

Надо заметить, что у чайяуита пчела ассоциируется не с работающим существом, а, наоборот, с лодырем и лентяем. Тут индейцы в корне отличаются от нас, считающих пчел, равно как и муравьев, настоящими трудягами. У чайяуита есть такая сказка.

В прежние времена многоножка-амашура, дикая пчела-нино' и гриф-супо' были людьми. Все трое.

У одной старой женщины было три дочери, и вот они вышли замуж. Одна за многоножку, другая – за пчелу, а третья – за грифа. Минул месяц со свадьбы, и мать отправилась поглядеть, какие у нее зятя. Пришла она на расчистку к многоножке и увидела, что все деревья уже повалены, осталось только сжечь их.

Затем старушка пошла к пчеле, но так и не нашла его расчистку. Ведь тот даже не начинал расчищать джунгли, а вместо этого сидел в дупле большого дерева и шумел.

После пчелы женщина побрела искать своего третьего зятя, грифа-супо'. Но и этот не работал. Он лишь все время выбирал и ел блох из своих волос, которые для удобства снял с головы. А вот надеть волосы обратно гриф так и не сумел. Поэтому, когда все превратились в животных, гриф остался с лысой головой...

Пора в джунгли за медом, ибо солнце уже клонится к вечеру. Уходим все, кроме одной из старших дочерей Маленького Вождя, остающейся в доме нянчиться со своим недавно рожденным братом. Его сын-подросток берет старое одноствольное дробовое ружье, сам Аро вооружается мачете, повесив его себе за спину. Теперь я понимаю, зачем чайяуита привязывают к рукоятке большого тесака красочный шнурок-пояс, которым женщины подпоясывают юбки: прежде мне не приходилось видеть, чтобы мачете носили, завязав на шее. Мне выпадает тащить топор на длинном топорище. Женщины несут два металлических котелка: один под «пчелиную воду», а второй под сури, или шуни, – так индейцы называют больших, жирных личинок черного жука-долгоносика, живущих в стволах пальм агуахе.

Сколько уже прожил среди индейцев, а все никак не могу привыкнуть к виду тропы, истоптанной босыми ногами мужчин, женщин и детей. Ладно где-нибудь на чакрах или старых заросших расчистках. Случается, что на свои «плантации» и в более обжитых местах индейцы ходят босыми. Но вот в джунглях! Признаюсь, для меня вид отпечатков ступней на земле все еще несет налет экзотичности.

Тем временем наша колонна довольно шустро продвигается лесом, не обращая внимания на встречающихся чаще обыкновенного черных и бурых змей афанинга. Индейцы не убивают их, так как они не ядовиты и не нападают на людей. Вообще замечу, что эта моя экспедиция, как ни одна прежняя, богата на встречи с разными кусачими и жалящими тварями: то наткнешься на скорпиона с кучей крошечных детенышей на спине, то на змей, некоторые из которых ядовиты и опасны. Будто тянет их ко мне. Невольно закрадывается в голову мысль: а не надумал ли какой-нибудь из лесных духов чайяуита – уа'йян покалечить или и вовсе свести меня в могилу. Ведь что ни день – то какая-нибудь кусачая гадина.

Вот мы и пришли наконец. В нетолстом стволе дерева на высоте роста индейца – дупло. Я замечаю его не сразу: оно залеплено черным застывшим воском пчел, а сам лаз закрыт плоской деревяшкой. Маленький Вождь внимательно осматривает его и принимается отковыривать деревяшку пружинящим клинком мачете.

– Брат, когда ты нашел это дупло? – обращаюсь я к Аро.

– Год назад, – отвечает он.

– А ты уже доставал мед отсюда?

– Да, брат. Год назад доставал. А потом закрыл дыру, чтобы пчелы не улетели. Сейчас снова достанем.

И Маленький Вождь, поднапрягшись, отдирает крышку. В тот же миг из дупла с громким гудением высыпают десятки, сотни недовольных черных пчел. Аро же преспокойно, не опасаясь их укусов, запускает руки внутрь и извлекает оттуда куски мягких сот, сочащихся прозрачным, опьяняющим и дурманящим медом. Господи, какой аромат! Никогда прежде мне не доводилось пробовать такую фантастически прекрасную «пчелиную воду». Это не мед, а нектар олимпийских богов! Потрясающий букет!

Аро выгреб все, что можно было вытащить из этого гнезда, сложил в котелок и закрыл крышкой. Теперь несколько пар смуглых жажущих рук тянутся к дыре в дереве, липкие пальцы тут же облизываются жадными губами. Вместе с прозрачным и жидким, словно вода, медом в рот попадает и ярко-оранжевая каша из сот. Она кислая до оскомины, но прекрасно оттягивает приторную сладость «пчелиной воды». Когда слизывать уже нечего, маленький вождь закрывает деревяшкой отверстие и прихватывает его к стволу отрезком лианы:

– Через год снова вынимать мед будем.

Солнце скрылось за тучами и, судя по громяхающим раскатам в небе, быть грозе. Несмотря на это, мы не возвращаемся домой, а идем проверить еще одно гнездо диких пчел, которое заметил еще накануне маленький сын Аро. В нем должно быть много меда, потому что его еще ни разу не разоряли.

Да, задачка потруднее. Большое высокое дерево с корнями-контрфорсами убегает вершиной далеко вверх. И где-то там, на высоте метров пятнадцати, обосновались пчелы. Чтобы выяснить все наверняка, мальчишка, ловко подтягиваясь на спадающих вдоль ствола толстых одревеневших лианах, карабкается вверх. Да, гнездо действительно есть, но запрятано глубоко в стволе, так что придется валить дерево и расширять леток. Я в недоумении. Не дает покоя мысль: сколько же мы будем рубить этого гиганта и когда же вернемся домой? Гроза все ближе и уже очевидно, что она накроет нас.

– Быстро срубим, брат. Это дерево мягкое, его просто повалить. Сначала подрубим три корня до ствола, а потом оно само упадет, – разъясняет Аро.

Рубим по очереди, но основная часть работы достается все же Маленькому Вождю. Ему намного привычнее управляться с топором на длинном топорнице, чем мне, с детства привыкшему к короткому. Жена Аро вместе с детьми устроилась поодаль на земле, подложив под себя кругом импровизированную подстилку из пальмовых листьев: ни один индеец никогда не сядет на голую землю!

Дерево падать не хочет. Оно трещит, временами откуда-то сверху с шумом прилетает перекрученный кусок лианы или здоровенная ветка, но ствол стоит. Он завис. Его, словно канаты,

держат сотни метров вьющихся, изгибающихся и скручивающихся лиан. Аро приказывает всем отойти метров на пятьдесят и периодически покрикивает на мальчишек, которые норовят подобраться поближе. Сам же он то рубит, то шустро отбегает прочь, когда дерево начинает содрогаться и клониться. Гадаем, упадет или не упадет. Аро уверен, что рухнет. Я же готов поспорить: в сельве частенько случается обратное. Ствол застревает, повиснув в кронах соседних великанов, и обрушивается, когда ему заблагорассудится: может, через минуту, а может, и через неделю.

Треск, грохот и гулкий удар о землю. Пестрящая туча листьев все еще кружится в воздухе. Мы карабкаемся на поверженное дерево, словно муравьи, разыскивая пчелиное гнездо. Наконец находим. Надо опять рубить, чтобы добраться до хитрых насекомых, обосновавшихся в пустотах в глубине ствола.

Едва липкие ручейки сладкой «пчелиной воды» потекли в котелок, как первые капли тропического ливня гулкими, смачными шлепками обрушились с почерневших небес...

Глава седьмая

ДОРОГА СМЕРТИ, ГИГАНТСКИЕ УДАВЫ И ЛЯГУШКА-ЛЮДОЕД

Представляю собой довольно угнетающее зрелище: тощ, ступни по лодыжки сплошь искусаны мошками ихинильяс и густы; выше – еще не сошла пурпурно-красная кожа от сильнейшего ожога голени, заполуженного во время подъема по Паранануре. Оставшиеся части тела покусаны в равной мере как комарами, так и мошками. Немного лихорадит.

Из моего экспедиционного дневника

Растущая луна – Йоки заползла почти на самый верх небосклона, залив серебристо-золотым светом половину неба, подернутого легкой пеленой облаков.

– Брат, в твоей земле эта же луна?

Завтра с самого утра индейцы и я на некоторое время покинем берега реки и углубимся в заболоченную сельву – агуахаль, направляясь в сторону голубых отрогов Кордильеры. А пока мы стоим с Аро возле его хижины-навеса и смотрим на выплывший небосклон.

Долгожданная прохлада опустилась на джунгли и густо заросшие расчистки индейцев, вспыхивающие салатowymi искорками светлячков. А с низкого берега обмелевшей Уиньюанай тянет откровенным холодом. Один или два оранжевых огонька нетвердо мерцают с другой стороны, прячась за стеной прибрежной растительности. Голосят сверчки, цикады и квакши, а вдали поет маленькая совка пу'у.

– Да, брат, в моей земле эта же луна, – отвечаю я Маленькому Вождю. – Только выглядит она чуть-чуть иначе и ходит по-другому. Смотри, здесь она у нас над головой, а там почти всегда движется низко над горизонтом. И пятна на ней иначе лежат.

Вот если эту луну перевернуть немного, то ты увидишь, какая она в моей земле.

– Но там, у тебя, эта же самая луна, брат? – не унимается индеец.

– Да, брат, эта же.

– А почему она низко ходит? Твоя земля ближе к небу? Почему пятна другие?

– Нет, брат. Моя земля так же далеко, как и твоя. Но мы живем далеко на севере, поэтому луна ходит иначе и выглядит по-другому. – Я не могу придумать лучшего объяснения. Испанский язык индейца далек от хорошего, но его вполне достаточно, чтобы объясняться на бытовые темы. А как изложить ему абстрактные понятия из области астрономии, я не знаю. Учитывая то обстоятельство, что и сам не силен в этой науке. Впрочем, Маленький Вождь довольствуется и таким объяснением. А вот мне интересно, что думают чайяюита о солнце, луне, небе и звездах.

– Скажи, брат, а что такое солнце? Что говорят старики?

– Не знаю. О солнце ничего не говорят. О луне вот говорят, что раньше она была мужчиной, который поднялся на небо.

– Да, я тоже слышал это. Люди кичуа с рек Пастаса и Напо мне рассказывали. А бывает так, что луна вдруг пропадает ночью, а потом снова появляется?

– Бывало так. Когда луна исчезала, делалась красной, то мужчины стреляли из ружей, били в барабаны и звонили в колокол, который есть в церкви. Так делали, чтобы луна не умерла. Все боялись, что она вот-вот умрет.

– Солнце иногда тоже исчезает, и днем делается, как ночью. Все птицы тогда замолкают. Ты знаешь? – спрашиваю я.

– Да, когда пропадало солнце, все плакали. Те, кто был в лесу, громко кричали. Боялись, что наступает суд Божий.

– А о звездах старики что говорят?

– Говорят, что давным-давно мужчины отсюда брали в жены звезды-гайюра, которые были девушками.

– Расскажи мне, брат, – прошу я Маленького Вождя.

– В начале времен на земле, в мире людей, жило очень мало женщин. Поэтому мужчины отправлялись на небо, чтобы жениться на девушках-звездах. В этом им помогал маленький уих-

шу – колибри. Он брал одного мужчину, велел ему закрыть глаза и отвозил на небо. Войти на небо можно было только через дверь грома – пынку или еще говорят йя'куана, которая то открывалась, то закрывалась. Когда она открывалась, колибри пролетал в нее и оставлял с той стороны свою ношу. Как только дверь вновь открывалась, уихшу возвращался на землю. Мужчины же оставались на небе и уже никогда не спускались обратно. Они женились там.

– А что еще ты знаешь о звездах? Какие еще знаешь? Вот эту звезду ты знаешь? – спрашиваю я, указывая пальцем на мерцающий бриллиант Сириуса.

– Да, это Панка Тайюра, большая звезда.

– А вот эти звезды как называются? – Я показываю на созвездие Орион.

– Ааа... это Нуну Пайа Нанто – нога Нуну.

– Что значит Нуну?

– Нуну – это люди ауахун, так мы их зовем. Те, что живут в горах в верховьях реки Капанаи. Метисы называют их агуаруна.

– Как же это ауахун оказались на небе? – недоумеваю я.

– Рассказывают, что в давние времена вот те звезды, – Маленький Вождь указывает на самые яркие звезды в созвездии Орион, – были людьми и жили на земле. Говорят, что они много воевали, убивали и ели других людей. Когда мужчины чайяуита уходили ловить рыбу по ручьям, то уже никогда не возвращались обратно. Никто не знал, куда они пропадали.

Раньше, так говорят, дятел-кунка и маленькая обезьянка-инши были людьми. Птичка йо'натраши' тоже была женщиной, который однажды отправился по ручью узнать, почему не возвращаются другие. Там он встретил красивую девушку индейцев ауахун. Та спросила его, откуда он и зачем пришел, а затем пригласила его к себе в дом. Но йо'натраши' ничего ей не ответил и, вместо того чтобы отправиться с ней, вернулся к себе и рассказал всем, куда исчезают мужчины. Тогда чайяуита решили идти воевать с ауахун и позвали дятла и обезьянку инши. Взяли свои луки и стрелы и пошли к ауахун. Чайяуита напали на них, убили почти всех. Оставшиеся, чтобы спастись, поднялись на небо. В те времена ауахун обладали силой. Поэто-

му они сумели подняться наверх. Теперь они стали звездами, Нуну Пайя Нанто.

Есть еще другие нуну, – и Маленький Вождь вытягивает руку вверх, указывая мне на несколько крошечных звездочек скопления Плеяды, – это Нуну Йя’пира, глаза Нуну. А вон там, – продолжает он, – Тайя Кувирато’. «Тайя» на нашем языке – это белый кайман, а слово «кувирато’» означает «челюсть».

И действительно, скопление Гиады, образующее «рога» на голове созвездия Тельца, напоминает раскрытую пасть каймана. Похоже, у нас сегодня разговор исключительно о небе и о звездах. Что ж, раз уж мы начали его, то будет правильно разузнать у индейца все, что он вспомнит на эту тему. Поэтому я интересуюсь относительно Млечного Пути. Индейцы из других племен амазонской сельвы, к северу от собственно Амазонки и Мараньона, рассказывали мне, что белая туманная полоса, расчертившая весь небосвод от горизонта до горизонта, это следы, которые оставил после себя тапир. Другие же утверждают, что Млечный Путь появился после того, как ламантин – яку уагра проплыл, ныряя, по реке и оставил за собой пену и пузыри на поверхности воды. Еще говорят, что это большие стада белогубых пекари оставили след: ведь прежде, в начале времен, все происходившее на земле отражалось на небе. В некоторых местах индейцы считают, что Млечный Путь – это лестница наверх, в Верхний мир, так и называя ее – Чакана.

А сегодня мне интересно, что поведает Аро Кауаса – наполовину чайяуита, наполовину по линии матери, ауахун из рода Писанг – о Млечном Пути. И я спрашиваю его, но в ответ слышу лишь:

– Чиминпатыра, уа’йянынпу кыран чимирина ира па’тыро, тупи ирака.

– Как ты сказал, брат?

– Мы называем это Чимирина Ира, по-испански говорят «до-рога смерти». Брат, я сказал, что, когда мы умираем, наши души отправляются по дороге смерти. Так рассказывали в старину. Говорят, что это две дороги: одна ведет в ад, а другая – в рай.

Довольно разговоров. Жена индейца уже приготовила скромный ужин, и мы возвращаемся в дом, под крышу. Усаживаемся на подобие длинной лавки. Маленький Вождь поджигает кусочек

древесной смолы копаль, который шипит, дымит, распространяя вокруг приятный аромат, и дает достаточно света, чтобы мы могли быстро съесть вареный маниок. Совка пу'у подлетела совсем близко и громко поет вибрирующую песню в кроне одного из деревьев сапоте. Об этой птице у индейцев чайяуита есть сказка о том, как в давние времена ночная хищница превратилась в человека.

Как-то раз муж ушел на охоту, а беременную жену оставил дома. И вот пока его не было, женщина родила девочку. И тут она услышала, как в джунглях запела совка.

– Если бы ты была человеческим существом, ты смогла бы помочь мне принести дрова и разложить костер, чтобы я согрелась, – посетовала женщина.

И вдруг, прошло совсем чуть-чуть времени, из джунглей вышла пу'у и отдала женщине дрова, которые принесла с собой. Она сказала:

– Вот, соседка, возьми дрова, разложи костер и погрейся.

Женщина испугалась, но ничего не ответила. Та, которая пришла из леса, тоже была женщиной, но не настоящей. На самом деле это была пу'у. Так как они все стояли и молчали, то гостья наконец попросила:

– Соседка, позволь мне переночевать у тебя.

И женщина ответила:

– Хорошо, заходи. Спи у меня.

Итак, они легли спать вместе. В полночь пу'у, которая превратилась в женщину, запустила свой палец в глаз маленькой девочке, и та заплакала. Мать спросила:

– Что ты сделала моей дочке? Почему она плачет?

– Я-то ничего ей не сделала. Она плачет потому, что я вытащила ей клеща-ту'шин из века, – ответила пу'у, но это было неправдой.

Позже, когда мать спала глубоким сном, гостья выковыряла глаз у маленькой девочки и съела его. Затем она точно так же поступила со спавшей женщиной. Однако в доме был еще маленький мальчик – сын женщины. Он еще вечером залез наверх, под самую крышу, и оттуда видел, что произошло. Он видел, что его

мать и сестра умерли из-за той женщины, которая спала вместе с ними. Проснувшись утром, гостья осталась в доме.

Прошло немного времени, и мальчик услышал, как его отец возвращается с охоты. Спустившись из-под крыши, он бегом бросился ему навстречу и рассказал, что случилось. Женщина, которая вытащила глаза, все еще оставалась в доме. Она взяла камень, положила его в гамак и стала нянчить, как если бы это был настоящий ребенок. Когда мужчина вернулся домой, то увидел гостью.

– Муж, я родила ребенка, дочку, – сказала пу’у и взяла глиняный горшок. – Пойду и принесу воды, чтобы сварить мясо. Когда оно приготовится, мы поедим.

Пока гостья ходила за водой, мужчина разогрел на костре пчелиный воск и стал поджидать ее возвращения. Когда та вернулась с реки, он сказал ей:

– Жена, подойди сюда. Я раскрашу тебе лицо, чтобы мы смогли отправиться на праздник.

Он связал вместе две доски и добавил:

– Просунь свои ногти между досками. Я боюсь их, потому что они у тебя слишком длинные.

Итак, женщина пу’у засунула ногти-когти меж досок, закрыла глаза и подняла лицо. И пока она так сидела, мужчина взял кипящий воск и выплеснул ей на лицо. Когда он сделал так, женщина от неожиданности и боли подскочила и закричала:

– Мой муж, мой муж!

Мужчина же раскидал головешки от костра по всему дому и поджег его. Он так сделал, чтобы пу’у не сумела убежать. Отойдя в сторону, муж остановился и стал слушать, как шумит пламя. А женщина пу’у перед тем, как умереть, произнесла:

– Йо’уира чока, ма’ма’ чока, ащо’ чока, уыйоуан чока.

И умерла. Поэтому из ее глаз после смерти выросли клубни растений уитина, сачапапа, камоте и уыйоуан.

Так рассказывали чайяуита в прежние времена...

Мы едим руками из одной общей песочного цвета глиняной тарелки, какие женщины лепят сами и раскрашивают красной и черной глиной или же используют растительные краски, например из семян кустарника ачиоте. Среди маниока изредка попада-

ются кусочки мяса, и Маленький Вождь, следуя традиции, берет пальцами один из них и, протягивая мне, говорит:

– Возьми, брат.

– Спасибо, брат, – отвечаю я.

В свою очередь вылавливаю кусочек и предлагаю его индейцу:

– Бери, брат.

– Спасибо, брат.

У чайяуита этот взаимообмен пищей столь же естественен, как и привычка, взяв кусочек, отойти на пару-тройку шагов в сторону от тарелки и других едоков и там неторопливо его прожевать. Поэтому мужская трапеза – женщины с маленькими детьми едят отдельно, а от очага к мужскому «столу» пищу приносит мальчик-подросток из семьи хозяина – со стороны кажется постоянным перемещением людей.

Закончив скромную вечернюю еду, Маленький Вождь и я не торопясь сидим и потягиваем масату. Я прежде упоминал, что в земли индейцев чайяуита меня привела легенда о золоте, которое, по слухам, лежит где-то в горах. До сих пор мне не подворачивался случай поинтересоваться у Маленького Вождя, правда ли это, и если правда, то где оно лежит. И вдруг, когда я совершенно не ожидал узнать что-либо о кладе, индейцу пришла в голову мысль поведать мне легенду о Кумпанамá – герое, можно сказать – боге, который совершил множество подвигов, убив, в частности, гигантскую анаконду-людоеда. Вскоре выяснилось, что легенд об этом персонаже у чайяуита значительно больше, но я перескажу здесь ту, что узнал от Маленького Вождя. Простит мне читатель, но я специально назову здесь географические ориентиры, чтобы коварно ввести читающих эти строки в искушение отправиться на поиски древних сокровищ. И если кто-то загорится желанием разгадать тайну, то, я полагаю, найдет в себе силы и возможности без моей помощи выяснить все остальное самостоятельно. Или же будет настолько упорен в своих устремлениях, что уговорит автора этих строк – за соответствующее вознаграждение – еще раз вернуться в сумрачные малярийные болота у самых подножий Восточной Кордильеры. Итак, легенда.

Когда-то, в давние-предавние времена, в реке Нана жила огромная анаконда – я’уан, которую еще называют нана’, как и

место, где та встречалась. Она охотилась на детей, когда те приходили купаться. И вот когда я'уан убила многих детей, мать одного из них попросила Кумпанама:

– Есть одна я'уан, которая кушает наших детей. Будь добр, убей ее, пока она не поубивала всех.

Когда Кумпанама услышал эти слова, то превратился в маленького ребенка. Захватив с собой нож, он отправился купаться на реку. Прошло совсем немного времени, как вдруг, откуда ни возьмись, появилась анаконда и хотела схватить ребенка. Но тут я'уан как-то догадалась, что на самом деле это не ребенок, а Кумпанама, испугалась его и хотела уплыть прочь. Но Кумпанама сделался таким крошечным, что сумел пролезть вместе с ножом через задний проход анаконды внутрь ее.

Змея нырнула глубоко под воду, унося в своих внутренностях Кумпанама. Прошло много времени, прежде чем он вонзил нож в печень анаконды.

– Ай, как больно! – сказала я'уан и поплыла туда, где жил шаман. Поплыла, чтобы тот вылечил ее. Но пока анаконда добиралась, Кумпанама разрезал ей всю печень, и та умерла.

После этого Кумпанама вылез наружу, отрезал голову анаконде и понес ее на самую высокую гору, чтобы приготовить ее там. В огромном каменном котле он сварил ее и разделал с помощью деревянного ножа. Когда Кумпанама почти закончил разделять голову убитой анаконды, то увидел, что к горе ползет еще один я'уан, чтобы съесть его. Ведь Кумпанама убил его жену. Он поднимался на высокую гору, как если бы хотел посмотреть на небо.

Тогда Кумпанама созвал всех птиц, чтобы сказать им, какие семена надо есть.

– Огромная анаконда ползет наверх. Поэтому отныне вы должны перестать есть все без разбору. Теперь вам надо питаться только острым перцем ахи. Когда она приблизится к нам, цельтесь ей своим пометом в глаза, чтобы ослепить. Тогда мы сможем уйти. Не дайте ей съесть нас!

Так Кумпанама наказал всем птицам, среди прочих и тукам. Однако многие из птиц не стали есть острый перец. Они клевали другие плоды и семена, не обратив никакого внимания

на предупреждение Кумпанама. Только двое из всех послушались и не ели ничего, кроме ахи.

Прошло немного времени, и огромный я'уан подполз совсем близко, почти забравшись на самую вершину горы. Тут Кумпанама приказал птицам:

– Летите и набросайте помета ему в глаза. Тогда он не найдет нас и уползет прочь.

Птицы послушали и сделали так, как им приказал Кумпанама. Но ведь они не ели острый перец. Вместо него птицы клевали семена других деревьев.

– Почему вы не подчинились мне? – спросил их Кумпанама. – Я же вам сказал есть только острый перец, чтобы ослепить я'уан!

После этого он позвал тех двух птиц, которые послушались и ели только острый перец. Они полетели, и так как питались только перцем, то, забрызгав глаза гигантской анаконды своим пометом, ослепили ее. Сделавшись слепой, я'уан повернула назад и уползла, извиваясь, прочь. Она не могла видеть, поэтому много кружила по реке. Змея плавала по большим рекам и по маленьким ручьям. А так как она была слепой, то реки и ручьи стали извилистыми. Прежде, в самом начале, все реки текли прямо. Но теперь – нет, они извиваются и петляют. Так рассказывали старики чайяуита.

Где же здесь золото, спросите вы, жадные до «презренного металла». Действительно, я совсем запамятовал, что котел – согласно более распространенной версии, – а также тарелки и нож, которыми пользовался Кумпанама, были не из камня и дерева, а из некоего блестящего металла, который до наших дней лежит на вершине одной из гор. Имя этой горы на языке чайяуита звучит как Уы'гта Мугуи – «Горшок-гора», а по-испански называется Тунгуйю. Место то запретное для индейцев, потому что хоть и расположено не то чтобы очень далеко от «обжитых» мест – два-три дневных перехода от реки, но отличается скверными привычками и непредсказуемой погодой. Кто знает, быть может, там лежит легендарное золото инков?

Как-то раз старики решили пойти поглядеть на котел Кумпанама – любопытные всегда найдутся, будь то среди белых или лесных индейцев. Подойдя к горе, они стали подниматься на

нее, но когда до вершины оставалось совсем немного, небеса разверзлись, и начался такой ливень, что казалось, будто вся земля скроется под водой. В придачу ко всему гора начала содрогаться, а в воздухе стоял непрекращающийся гул. Индейцам чудом удалось вернуться, так как, по словам этих «искателей приключений», дождь был такой сильный, что они не могли разглядеть ничего даже в нескольких шагах перед собой. Примечательно, что стоило им спуститься чуть ниже, как небо выяснилось, а гора перестала дрожать.

Впрочем, сокровища – правда, иного рода – спрятаны не только в горах и пещерах, на сводах которых давным-давно какие-то люди нарисовали непонятные рисунки. Множество озер, маленьких и больших, хранят в себе удивительные создания природы, которые мне хочется увидеть не меньше чем легендарное золото Кумпанама. Одно из самых чудесных растений мира – великолепная кувшинка Виктория Регия с гигантскими круглыми листьями, способными выдержать вес человека, таится где-то в глубине сумрачных джунглей, через которые нам предстоит пробираться завтра по щиколотку, а местами и по колено в воде. Я познакомился с этим чудом света заочно, в далеком детстве, и почему-то уже тогда мне было известно, что однажды увижу ее собственными глазами.

«Знакомство европейцев с американской кувшинкой имеет очень сложную и запутанную историю, – читал я на ломких и пожелтевших от времени страницах книги «Амазонка – царица рек Южной Америки», увидевшей свет в начале прошлого столетия.

Впервые это исполинское дитя Амазонки было открыто в 1801 году немецким ботаником Генке во время его путешествия в Южную Америку для исследования Перу.

Он нашел этот цветок в боковых затоках Рио-Марморо, одного из притоков Амазонки.

К сожалению, путешественник преждевременно скончался на Филиппинских островах, и большая часть собранных им коллекций и наблюдений, точно так же как и описание открытого им гигантского водяного цветка, была утрачена.

По всей вероятности, такая же участь постигла и записки ученого Бонплана, знаменитого спутника Гумбольдта в путешествии его по Южной Америке. Известно только, что Бонплан

при виде чудного цветка едва не бросился в воду от восторга; однако же в его сочинениях мы, странным образом, не находим описания этого растения, что и заставляет предполагать, что часть записок Бонплана утрачена. Странная судьба Бонплана, не пожелавшего вернуться на родину и угасшего вдали от друзей, среди полудиких обитателей пампасов, оправдывает это предположение.

Третьим европейцем, открывшим Викторию, был французский ученый Д'Орбиньи; он встретил ее в 1826 году на одном из притоков Рио-де-ла-Платы. Д'Орбиньи тщательно собрал цветы, листья и плоды растения, но, к сожалению, от всей собранной им коллекции уцелел один только лист, который он и отослал в парижский естественно-исторический музей. В своем путешествии Д'Орбиньи с восторгом описывает открытый им цветок...

Казалось бы, этим должна была бы закончиться история открытия Виктории, но на деле вышло иначе. Французские ботаники решили, что на основании листа, единственно только и уцелевшего от коллекции, собранной Д'Орбиньи, нельзя составить полного научного описания растения, и оно опять было забыто.

В 1832 году смелый немецкий путешественник Пеппиг, совершая путешествие по Амазонке, снова, в четвертый раз, открыл гигантскую кувшинку и напечатал описание ее в одном из научных журналов, но это описание осталось никому не известным, кроме специалистов-ботаников.

Наконец, отыскался счастливец, которому удалось-таки вывести цветок из мрака забвения, тяготевшего над ним в течение нескольких десятилетий.

Англичанин Ричард Шомбург снова открыл 1 января 1837 года в английской Гвиане эту прекраснейшую из всех кувшинок мира. Какое впечатление произвел на него этот цветок, видно из следующих собственных слов его:

«Я задумчиво смотрел на расстилавшуюся вокруг меня водную гладь, как вдруг какой-то удивительный предмет вдали, у самого южного конца реки, приковал к себе все мое внимание. Я не мог даже составить себе никакого понятия, что это за предмет, и лишь ускоренно подвигался к нему в своем челноке.

Весь охваченный удивлением, я скоро очутился перед одним из чудес растительного мира! Я забыл все свои тревоги и горести! Я был, прежде всего, ботаник, и в этот момент чувствовал себя счастливейшим человеком в мире. Передо мной расстигались гигантские листья, имевшие от пяти до шести футов в поперечнике, сверху – ярко-зеленого цвета, снизу – светло-фиолетового, грациозно плававшие на воде. Этого мало; я видел окруженные каким-то волшебным сиянием громадные цветы; каждый состоял из бесчисленного количества лепестков, переходивших от чисто-белого цвета в нежнейший розовато-красный и, наконец, в огненно-пурпурный цвет. Недвижная гладь воды сплошь была покрыта этими чудными цветами; для меня как бы развернулся новый мир предметов, достойных высочайшего удивления. Чашелистики, поддерживающие снизу цветок, были толщиной в один дюйм и усажены гибкими иглами. Распустившийся цветок был до одного фута в поперечнике и состоял из сотен лепестков. При начале распускания цветок имел по краям нежно-белую окраску, середина же была пурпуровая, – казалось, передо мною лежало ничем не прикрытое бьющееся сердце! Кровь из сердца стремилась наружу, мало-помалу окрашивая окружающие лепестки в нежно-розовый цвет; через день розово-красная окраска распространяется по всему цветку. Ни с чем не сравнимая прелесть этой водяной лилии, напоминающей богато разукрашенную невесту, соединяется с чудным ароматом...

Поднимаясь далее вверх по реке, я встретил несколько еще более крупных растений; у одного из них лист доходил до шести футов в поперечнике, а загнутый кверху край его имел в высоту до шести дюймов; цветы этого растения имели в поперечнике до одного фута с четвертью».

Увлеченный красотой этой безымянной водяной царицы, Шомбург назвал ее в честь своей высокой властительницы, царящей над волнами всех океанов, Нимфея Виктория.

С этим гордым именем американская кувшинка явилась в свете, и слухи о красоте ее прогремели по всей Европе; люди науки и обыкновенные смертные одинаково интересовались вновь открытым чудным цветком...

Что ж, завтра или, быть может, в ближайшие дни и я осуществлю одно из своих давних заветных желаний. Уже ради этого стоило забираться в такую глухомань, где ни днем, ни ночью невозможно спать без противомоскитной сетки, спасаясь под ней от мошек, комаров, проклятой малярии и летучих мышей-кровососов.

А что ожидает нас в джунглях агуахалей – даже Богу это неизвестно. Ведь там обитает масса замечательнейших созданий, которые принесут славу и богатство тому, кто изловит их. За недолгие дни, что мы знакомы, Маленький Вождь уже успел рассказать мне как о само собой разумеющихся вещах про стометровых блестяще-черных «хозяев болот» – шипиру’ нана’. Со слов индейца, эти анаконды толщиной почти полтора метра обитают в самых труднодоступных уголках бескрайних агуахалей.

Помимо этих чудовищ в озерах-«кочас» живут столь же невероятные удавы, их «хозяева». Чайяуита называют таких змей иша нана’. Цветом они такие же, как и предыдущие, но сквозь общий черный тон проступает коричневый рисунок. Эти монстры в большинстве случаев безобидны, но если что-нибудь или кто-нибудь разозлит их, то они становятся злобными и беспощадными. Рассказывая обо всех этих чудовищах, скрывающихся в джунглях, Маленький Вождь без тени улыбки или шутки говорил, что иногда сам встречает «хозяев озер», когда отправляется ловить рыбу.

Если кому-то уже показалось, что в сельве обитает слишком уж много монстров, то могу успокоить: это лишь очень немногие из великого множества других. Например, еще одна гигантская анаконда яркого желто-черного цвета – ну’па’то а’шин. Эта живет в выходах глины, из которой индейки лепят посуду, а также в тех местах, где попадает белая глина для ее раскраски. Единственное утешение в том, что этот гигант вроде бы игнорирует людей. Одним словом, невиданный простор для пытливых умов криптозоологов!

Маленький Вождь успел поведать мне легенду и про лягушку-людоеда уанкынья, что живет в дуплах больших деревьев. Мало того что прежде мне никогда не приходилось сталкиваться с рассказами об амфибиях со столь узкой пищевой специализацией, лягушка эта вдобавок ко всему время от времени превращается

в больших черных ягуаров. Итак, вот что рассказывают про нее чайяуита.

Однажды мужчина отправился на охоту в джунгли. Бродя по лесу, он услышал, как откуда-то сверху, с дерева, кричит лягушка-уанкынья, у которой яркое зеленое туловище и красные глаза. Куда бы ни пошел человек, она не отставала от него и постоянно кричала. Охотнику надоело это, и он принялся подшучивать над той, говорить колкости в ее адрес. Так он дурачился, пока вдруг, откуда ни возьмись, не появился еще один человек, который и был лягушкой. Уанкынья неслышно подошел сзади и всадил нож в шею дурачившегося охотника. Убил его. Ведь у этой лягушки на лапках есть острые когти – все равно что нож.

Человек-уанкынья подобрал корзину охотника и отправился к нему в дом. Часа через два после того, как село солнце, он пришел к жене человека и внешне казался ее убитым мужем. Уанкынья отдал корзину женщине, и когда та заглянула внутрь, то нашла там ноги, руки, голову и другие части тела своего настоящего мертвого и расчлененного мужа. Она так перепугалась, что бросилась бежать к соседям, которым сказала:

– Ко мне вернулся мой муж, но в корзине, которую он принес, я нашла ноги, руки и голову моего настоящего мужа. Кто же ко мне пришел?

Люди собрались и пошли поглядеть, но никого уже не застали. Человек-уанкынья, что принес корзину, исчез вместе со своей добычей. Только корзина и осталась.

Наутро следующего дня все отправились узнать, что произошло на самом деле. Когда они дошли до толстого и высокого дерева, где охотник повстречался с уанкынья, то решили срубить его. Как только дерево рухнуло, люди заглянули в большое дупло. Там, внутри, сидела лягушка, а ее рот был полон человеческих волос: она только-только доела голову охотника. Поэтому люди поймали и убили уанкынья, а затем сожгли ее в костре.

Это легенда, сказка, но Маленький Вождь, рассказав ее, на полном серьезе уверяет меня в том, что чайяуита, будучи в джунглях, никогда не дурачатся и не насмеваются над этой кри-

кливой лягушкой, потому что сильно ее боятся. А с дедом Аро приключилась и вовсе странная история, от которой веет леденящим холодом.

Как-то раз, когда он и его родственники оказались ночью в джунглях, они услышали: «так-так-так...» Подкравшись к месту, откуда доносились звуки, индейцы увидели двух черных ягуаров – ярани'. Сразу двух, идущих один подле другого. Только горло у тех хищников было не черное, а ярко-голубое и сверкающее. Эти ярани', а точнее, уанкынья таранису', то есть «уанкынья-оборотни», взобрались на дерево и там исчезли. Сколько ни выглядывали охотники их в кроне, но так и не нашли. Оказалось, что в дереве, высоко над землей, было большое дупло, куда и залезли ягуары-оборотни. Позже люди нашли в нем двух лягушек-уанкынья. Именно их индейцы и видели ночью в облике черных ягуаров.

Одним словом, нас ожидает увлекательное путешествие в джунгли индейцев чайяуита, отказаться от которого уже нет никакой возможности. Да, если подумать, то и желания.

Глава восьмая

В гостях у охотников за головами

Когда на закате солнца играют на флейте для своей любимой, а тукан поет в ветвях дерева, женщина нагинаяет грустить. Когда тукан поет, сидя высоко на дереве, женщина становится задумчивой. Она с грустью думает: «Ай, он тоже сейчас сидит у своего огага и вспоминает обо мне». А затем она принимается плакать. Вот для того мужчины, оставаясь в одиночестве, играют на флейте.

Из жизни индейцев ачуар

Этот разговор, точнее сказать, даже не разговор, а монолог состоялся года два назад далеко в джунглях, на крайнем юго-востоке Эквадора в трех часах пешего хода от перуанской границы. В нем принимали участие ваш покорный слуга, странно-ватого вида индеец-миссионер – индеец шуар лет шестидесяти по имени Хорхе Шимбюкат с реки Морона, старый метис Воланьо – «негосьянте», промышлявший торговлей в лесах дикого неосвоенного района Транскутуку, и средних лет индеец ачуар со спадавшими на плечи прямыми черными волосами. Звали его Тайш. Был он хозяин того дома, что стоит на левом берегу речки Вичим и где все мы собрались поздним вечером попить хаманчи – так называют в тех краях «пиво» из маниока – да поговорить. Слабо мерцала свеча, поставленная женой Тайша в мужской половине длинного овального дома. Босоногий хозяин с лицом, раскрашенным красной краской из семян кустарника ипьяк, сидел на низенькой резной подставке-чурбачке, называемой индейцами тутанг. А мы расположились чуть поодаль от него полукругом на точно таких же «табуреточках», неспешно похлебывая из глиняных пиал мутно-белую бражку. Тайш говорил о том, как устроен мир, и его было интересно послушать.

Идеальный вечер для меня, странствующего по джунглям и на несколько дней нашедшего временное пристанище в доме

индейца-ачуар, «охотника за головами», сносно изъясняющегося по-испански. Я не задаю глупых и наивных вопросов о крошечных, с кулак величиной, головах людей, благодаря искусству изготовления которых индейцы ачуар, шуар и шивиар – «хибаро», как их пренебрежительно называли прежде, – стали широко известны в Европе и Северной Америке. Я просто слушаю, чтобы лучше понять этих людей, их новую для меня культуру и быт. И записываю, записываю... Быть может, не очень стройно и гладко, но подробно, стараясь передать язык рассказчика и его манеру говорить.

... – Старики рассказывали, что мир, в котором мы – ачуар – живем, плавает поверх бескрайних вод. Говорят, что в них нет ни одного живого существа. Реки, которые мы видим, текут до самых вод, на которых держится мир. В давнишние времена, еще до того, как появился мир, жило могущественное существо, которое звали Йюс. Он был отцом мужчины по имени Этса – солнце. Солнце, правда, иногда еще зовут Нанду. Но обычно так мы называем луну. Лишь только своим голосом, который был очень сильным, Йюс гнал высокие волны по огромным пространствам вод. Затем, с помощью голоса и дыхания, он заставил появиться землю поверх воды. В конце Йюс своим сильным голосом заставил появиться людей. После этого он послал своего сына Этса, чтобы тот превратил некоторых из них в зверей, птиц и растения. Еще рассказывают, что все они раньше были людьми.

В давние времена дерево сува и куст ипьяк были женщинами. Красная белка-кунамб прежде был мужчиной. Так рассказывали наши старики. Сува, так как была женщиной, бродила повсюду и искала мужчину, который взял бы ее в жены. Кто мог жениться на ней? Тогда Кунамб задумал обмануть ее и сказал:

«Я женюсь на тебе».

Так рассказывают.

«Пока пережевывай зерна кукурузы, а потом мы ее поедим», – сказал ей Кунамб.

У него было посажено четыре стебля кукурузы. И он сказал:

«Пережевывай кукурузу».

Так рассказывают. Тогда женщина Сува сказала женщине Ипьяк:

«Пойдем соберем кукурузу и принесем ее сюда».

И они ушли на расчистку белки. Там они увидели четыре стебля, собрали все початки и ушли. Как только женщины вошли в джунгли, их корзина тут же доверху наполнилась кукурузой. Кунамб рассердился и сказал:

«Зачем вы сделали это?»

И хоть раньше белка обещал жениться на женщине Сува, то теперь, когда обе женщины уснули, он запер их стеблями колючего бамбука и оставил одних. Так рассказывают. И вот когда они так страдали, к ним в гости пришел Куйю. Увидев, как женщины страдают, он попытался срубить бамбук своим топориком, но не смог. И тогда он обратился к Чивиа:

«Друг, ты намного выше меня. Беги скорее и передай моему приятелю Машу, что здесь женщины мучаются. Надо срубить бамбук и вытащить их. У Машу есть большой топор. Принеси его».

Так Куйю передал свое поручение. И так, Чивиа убежал, и когда добрался до места, где жил Машу, сказал ему:

«Там мучаются какие-то женщины. Мне поручили передать тебе, чтобы ты принес свой топор».

«Хорошо», – ответил Машу.

Он взял топор и пришел туда, где были женщины. И спросил:

«Как это вы оказались в таком положении?»

«Мы в таком положении, потому что белка запер нас колючим бамбуком», – рыдая, ответили те.

Тогда Машу приказал:

«Не шевелитесь».

Рубя со всех сторон, он срубил весь бамбук. Наконец Машу сказал:

«Поднимайтесь».

Женщины медленно встали и сказали:

«Чая! Сколько же мы страдали!»

И заплакали. Потом они ушли в другие земли и оказались там, где жил мужчина по имени Найяп. В тот момент, когда сестры пришли туда, он как раз шагал по своей тропе, чтобы настрелять птиц из духовой трубки-уум. И вот когда они встретились, Найяп спросил:

«Зачем вы пришли?»

«Просто так, посмотреть на тебя», – ответили женщины.

Тогда он ответил им:

«Ага, у меня в доме осталась мать. Ступайте туда. Идите прямо. Я сейчас иду на охоту, иду за мясом. Моя мать старенькая. Когда я уходил, она пережевывала зерна кукурузы. Ступайте и помогите ей. На моей тропе брошены перья из хвоста попугая-кавау. Идите по ней. А вот на тропе моего приятеля Тсуна лежат перья рыжей кукушки икьянчим. По ней не ходите».

Так сказал им Найяп. Когда он говорил это, Тсуна тоже его услышал. Поэтому он пошел и положил на свою тропу перья из хвоста попугая-кавау. А на тропу Найяпа бросил перья кукушки. Женщины увидели перья кавау и решили:

«Наверное, надо идти сюда».

Однако они пришли туда, где жила мать Тсуны, и сказали ей:

«Твой сын велел нам: «Моя мать пережевывает кукурузу. Идите и помогите ей». Ты уже закончила?»

Старушка ответила:

«Да, я уже закончила».

Тогда женщина Сува сказала своей сестре:

«Он говорил, что его мать собирается наполнить большой горшок. Неужели она и вправду уже закончила?»

В этот момент мать Тсуны сказала:

«Мой сын скоро вернется».

Так она сказала сестрам. Поэтому они остались ждать. И хотя им очень хотелось, чтобы мужчина пришел и женился на них, но уже стемнело, а его все не было. Тогда женщина Сува сказала:

«Мама, я вернусь по тропе и встречу твоего сына».

Но старушка ответила:

«Нет, он и сам придет».

Так что они продолжили ждать. И вот когда уже окончательно стемнело, пришел Тсуна. Женщины хотели выйти за него замуж, поэтому постарались понравиться ему. Вот почему Тсуна, развлекаясь с женщиной Сува, уснул только поздно ночью. Поэтому когда начало светать, он все еще спал. И вот как только стало достаточно светло, вдруг обнаружилось, что глаза Тсуны полны гноя. Проснулась его мать и сказала:

«Ты так развился с этой женщиной, что уснул только за полночь. Сколько еще ты намерен спать?»

Тсуна тут же вскочил и сказал:

«Я поищу что-нибудь поесть».

Он ушел, забыв свой тунда, маленький бамбуковый колчан.

Но, дойдя до опушки джунглей, он крикнул:

«Вау, вау! Мама, принеси мне колчан!»

Женщина Сува сказала:

«Я сбегаяю и отдам ему».

Но мать Тсуны, стыдясь за сына, ответила:

«Нет, я сама ему отнесу».

И как только она ушла, одна из сестер спросила:

«Чем это я воняю? Вчера мы повстречали такого красивого мужчину. Но откуда же такая вонь? – А потом добавила: – Давай вернемся и проверим все еще раз».

Итак, идя по тропе, они увидели перья кавау и решили:

«Пойдем поглядим эту тропу».

И пошли по ней. Тут они повстречались с Найяпом, которого видели накануне. И как только Найяп увидел сестер, он сказал рассерженно:

«Кто это идет и воняет так, словно гноящиеся глаза моего приятеля Тсуны?»

Так он сказал. От этого женщинам стало грустно. А Найяп продолжил:

«Если вы все еще хотите выйти за меня замуж, то сначала три дня помойтесь в реке. Если сделаете так, как говорю, то я женюсь на вас».

Когда Найяп сказал это, женщины почувствовали стыд и зарыдали. Они пошли по тропе, желая выйти замуж за кого-нибудь другого, но не могли найти никого, так как все мужчины их оскорбляли. А когда их каждый раз оскорбляли, женщины принимались плакать.

И вот сестры пришли к высокому холму. Придя туда, женщина Сува стала разговаривать с женщиной Ипьяк:

«Давай превратимся во что-нибудь. Мы теперь все равно не сможем выйти замуж».

И, стоя на холме и глядя по сторонам, они задались вопросом:

«Во что нам превратиться?»

«Может, станем высоким холмом?» – спросила женщина Сува.

И тогда женщина Ипьяк ответила ей:

«Нет, если мы станем холмом, то не скажут ли другие, чтобы оскорбить нас: «Гляньте, какой здоровенный у них живот!»»

Тогда женщина Сува опять спросила:

«Может, тогда станем большим болотом?»

Но женщина Ипьяк возразила:

«Нет, если мы превратимся в большое болото, то не скажут ли другие: «Посмотрите, как вымазались эти женщины!»»

Думали они, думали и наконец решили:

«Станем деревом сува и кустом ипьяк».

Женщина Сува сказала женщине Ипьяк:

«Если мы превратимся в сува и ипьяк, то юноши будут говорить: «Мамочка, дай мне плоды сува. Я пойду помою голову с черным соком сува, а красной краской из семян ипьяк раскрашу себе лицо». Если юноши будут говорить так, разве мы не будем чувствовать себя счастливыми? Так что давай превратимся в сува и ипьяк».

«Хорошо, – ответила женщина Ипьяк. – Если ты этого хочешь, то поднимайся на вершину холма и расти там».

И когда она так сказала, женщина Сува пошла наверх и там стала расти ввысь. А женщина Ипьяк, раскинув руки, превратилась в куст ипьяк. В один миг она стала кустом, на котором уже висело множество плодов ипьяк. А женщина Сува тоже подняла руки вверх, закричала: «Куйя!» – и превратилась в дерево сува, сплошь увешанное плодами. Так говорят.

И вот к ним пришли все звери, которые живут в сельве, чтобы стать красивыми. Когда они пришли, сува сказала Машу:

«Так как ты пришел и срубил колючий бамбук, которым была заперта женщина Сува, и освободил ее, я сделаю тебя красивым».

И, сказав так, женщина Сува вытянула руки, подула, и они наполнились созревшими плодами. Очистив их, она натерла спину Машу и сделала ее черной. Следом за женщиной Сува женщина Ипьяк вытянула руки, которые наполнились плодами ипьяк. Сорвав несколько, она смешала их с водой и покрасила клюв Машу в самый красивый, красный цвет.

Затем, натерев перья Куйю, женщина Сува сделала их черными. А голову раскрасила мелом и сделала ее белой. Будучи так раскрашенным, Куйю стал очень красивым.

И вот пришел белка и сказал:

«Сестренка, сделай и меня красивым».

Но женщина Сува ответила ему:

«Вот ты просишь меня об этом, а зачем же тогда запер нас бамбуком?»

Ответив так, женщины натерли краской ипьяк все тело Кунамб. А сжав ему голову руками, сделали ее овальной, словно яйцо. Белка попытался сказать: «Ча-ча-ча!», но вместо этого у него получилось: «Тсун-тсун-тсун!»

Так рассказывают. А вот обезьяну Чуу женщины раскрасили красиво. Затем они сделали красивым Чивиа, дав ему длинные ноги, и одели в рубашку из луба дерева камууш. Потом они раскрасили его голову краской сува в блестящий черный цвет.

Следом женщины раскрасили тукана Тсуканга. Ипьяк своими созревшими плодами натерла ему хвост, окрасив его в красный цвет. А женщина Сува натерла спину, окрасив черным. Потом они положили кость какого-то животного в костер и держали там, пока та не побелела. Из нее они сделали большой клюв Тсуканга. Затем натерли его грудь мелом и сделали белой.

После этого они смешали зеленые плоды сува с водой и вылили все на обезьяну Ваши и сделали его коричневым. Они ударили его по лбу и по лицу, а потом оторвали большие пальцы и выбросили. Также и обезьяну Якум сестры окрасили в рыжий цвет, смешав краски, и заставили проглотить горшок. После того как Якум проглотил горшок, они свернули ему голову и сломали шею, сделав горбатым. Сува сказала ему:

«Ты останешься таким навсегда, потому что оскорблял женщину Сува».

Так она прокляла его. А затем, вместо того чтобы сделать красивым Найяпа, она порвала ему одежду и вышвырнула прочь.

Наши старики рассказывали, что со всеми животными произошла такая же история. Еще говорят, что в давние времена вода однажды затопила все вокруг. Вот как это было.

Давным-давно, когда на земле приключилось наводнение, один уже подросший мальчик сумел спастись, забравшись на дерево сува. Так рассказывают. Дождь лил не прекращаясь. А через месяц река вышла из берегов, говорят. Вода в реке все под-

нималась и поднималась. И когда она миновала самый высокий уровень, люди сильно испугались.

Вода поднималась и скоро достигла того места, где на дереве сува сидел ребенок. Тогда мальчик забрался еще выше. Добравшись до самой вершины, ребенок остался сидеть там. Тут вода перестала прибывать. Когда малыш проголодался, появился некто вроде человека и дал ему уже приготовленные клубни растения кынгы. Затем он угостил его бананами, приготовленными с мясом пекари-янгишик. И каждый раз, когда ребенок чувствовал голод, он кормил его так.

Спустя много времени, когда река обмелела, мальчик попытался дотянуться ногой до воды, но не смог. Он подумал: «Неужели вода не спала?»

И спустя еще какое-то время, он взял плод сува и бросил вниз. Раздался звук, когда тот упал в воду, так говорят. Все время, пока он ждал, когда же спадет вода, бросал вниз плоды сува. И вот как-то раз, снова бросив плод вниз, он услышал, как тот булькнул чуть дальше. Потом еще раз он швырнул плод сува вниз и услышал, как тот снова упал в реку.

И вот, меж тем как вода медленно убывала, занялся рассвет. Так было, говорят. Когда совсем рассвело, мальчик спустился на землю. И увидел, что весь маниок сгнил, а вот кукуруза не испортилась, но только была все еще незрелой. Он стал звать, но не увидел ни одного человека. Так как маниок сгнил, то человек питался одной только кукурузой. Спустя много времени, он подумал: «Пойду искать еду».

И ушел. А когда вернулся, то увидел, что зерна кукурузы уже пережеваны и готовы, так говорят.

– Кто здесь? Кто здесь? – все звал и звал он.

Но так никого и не увидел. Тогда он подумал и сказал:

– Пойду поищу еду.

Но вместо этого он спрятался у комля банана, чтобы посмотреть, что же произойдет дальше. Он все ждал и ждал, как вдруг, крича, появились два больших попугая-лоро, которых мы – ачудар – называем вармиас и парик. Пока он смотрел на них, те описали несколько кругов и уселись на самый верх крыши. Итак, человек смотрел на них и думал: «Почему они сделали это?»

Между тем вармиас и парик спустились вниз и превратились в женщин. Одна из них сказала своей сестре:

– Принеси воды из ручья. Давай приготовим пиво-хаманчи для мужчины.

– Хорошо, – ответила та и побежала за водой.

И вот когда она вернулась с водой, юноша рванулся вперед: хотел схватить сестру, которая в это же самое время лушила початки кукурузы. Когда он подбежал поближе, женщины бросились наутек. Юноша побежал следом и поймал одну. А вот вторую не сумел схватить. Так было, говорят. Вот потому, что он женился на женщине вармиас, мы расплодись. Так обычно рассказывали наши старики о том, как вода затопила землю.

Я сказал, что в прежние времена все животные были людьми. Вот и маленький колибри-хымбытсетс и дятлы-турунг тоже были, как мы. В давние времена у ачуар не было огня. А вот у турунг был. Поэтому один мужчина, у которого не было костра, попросил хымбытсетс:

– Принеси мне огонь от дятлов.

Но хымбытсетс ответил ему:

– Нет, я не принесу огонь.

И тогда мужчина сказал:

– Я прошу тебя только потому, что у меня нет костра.

Хымбытсетс улетел, сказав:

– Хорошо.

Как только хымбытсетс улетел, начался дождь и намочил его. Замерзая, он заплакал и стал повторять:

– Тсе-тсе-тсе.

В этот момент турунг увидели его и решили:

– Давайте заберем его с собой.

И унесли хымбытсетс. Когда они привели его в свой дом, то положили рядом с костром. Полежав, хымбытсетс обсох. Но тут его хвост попал в пламя и загорелся. Хымбытсетс вскочил и полетел прочь. Тут турунг заволновались:

– Он уносит наш огонь!

А хымбытсетс, опустившись неподалеку на сухое дерево, запалил его. Вот откуда ачуар принесли себе огонь. Так обыкновенно рассказывали наши старики.

...Старики говорили, что существует пять частей мира, которые нам известны и куда мы можем путешествовать. Это вода, где нет жизни и поверх которой плавают земля; то, что лежит под водой, где живут тсунги; место, где живем мы, – земля и джунгли; место, где живут тучи и звезды; место, где живут люди каракам. То место, где живет солнце, мы не считаем частью мира, потому что туда ни один ачуар никогда не доходил.

Мир водных людей называют Тсунги матсамтэй.

Ачуар думают, что первая часть мира – эта та, которая находится под водой и где живут водные существа, которых мы называем тсунги. Их поселения расположены под большими и глубокими бочагами рек или же под священными водопадами-туна. Они появляются в образе мужчины или женщины, но мы никогда не разговариваем с ними. И мы никогда не ходим в гости к тсунги, потому что мы – обычные люди – не можем общаться с ними. Только шаманы-увишин могут пить отвар из лианы натем и так разговаривать и общаться с тсунги, обмениваться силами и знаниями с ними. Мужчина тсунги всегда курит свою трубку, набитую табаком, а шаман курит сигару из листьев банана, в которые тоже завернут табак. Иногда, так говорят, шаманы берут в жены дочерей какого-нибудь тсунги.

Тсунги живут, как и мы, но вещи в их хеа – домах сильно отличаются от тех, которые имеем мы. Сиденье хозяина дома – это свернувшаяся анаконда-панги. Другие, которые предназначены для гостей и которые стоят по кругу, – это водные черепахи чарап и туру чарап. Черные кайманы у них вместо прямоугольных подставок-чурбачков. Тсунги носят на голове вместо шляпы ската-хвостокола, а сомики-путу с панцирем вместо чешуи – это их башмаки.

У них есть и домашние животные. Например, большой и черный-пречерный ягуар сувач яуа, который очень храбрый и сильный. Также и анаконды, которых хозяева держат в загонах для того, чтобы – когда реки мелеют – они нас не убивали. Но как только наступает время дождей или начинается наводнение, тсунги выпускают этих животных, чтобы они могли охотиться и добывать себе пропитание. Анаконды служат водным людям вместо каноэ, на которых те переплывают от одного глубокого бочага к другому.

В глубоких местах реки живут еще и дельфины-апууц, которые вовсе даже не рыбы, но друзья тсунги. Они также умеют превращаться в людей. Тсунги – хозяева над рыбами и вообще над всеми водными животными. Именно поэтому в глубоких бочагах, где они живут, всегда много рыбы. Мы, обычные люди, поздно ночью приходим к глубоким бочагам на реке и слушаем шум, музыку, крики детей, голоса тсунги и лай собак, которые доносятся из-под воды. То, что мы слышим, делают тсунги, которые живут под водой.

Мир, в котором живем мы – ачуар, называется Эйтсри матсамтэй, то есть «мир людей». Здесь есть различные видимые и невидимые существа, с которыми люди общаются при помощи «разговора». Существуют обычные люди, а есть знахари, шаманы. Эти, напившись айягуаски, которую мы зовем «натем», могут разговаривать с хозяином больших деревьев, что живет высоко в кроне высокого дерева менде. Он сидит там, словно младенец, как ребенок, и курит трубку. А на голову у него надетая шляпа.

В джунглях живет еще одно существо, которое мы зовем лесным человеком. Он сидит под деревьями, хорошенько прижавшись к стволам. С этими существами мы, обычные люди, не можем общаться. Но зато мы слышим шум, который они производят в лесу, когда перед дождем небо заволакивается тучами: в это время они сильно стучат по корням деревьев, но видеть мы их не можем. Так как весь лес зеленый, то и лесные люди носят зеленую одежду. Шаманы рассказывают нам, что лесной человек тоже знахарь и может причинять вред издалека. Если мы подойдем к нему слишком близко, он может навредить нам. Вот почему нельзя стучать или плохо обращаться с корнями больших деревьев, которые растут в джунглях. Ведь в них лесные люди имеют обыкновение отдыхать.

Есть еще одно существо, которое выглядит как человек. Левая рука у него поднята вверх, а на теле видна фигура в виде сердца. Это тоже лесной человек, но другой. Мы зовем его Шаам. Когда небо заволакивает тучами перед дождем, он принимается кричать, зовя во весь голос, словно он и вправду человек. Шаам кричит в джунглях, но в таких местах, где нет троп. Живет он обычно на вершине холмов, но по ночам всегда бродит то там,

то здесь и ищет что-то. Так же как и мы, когда уходим из своих домов навестить кого-нибудь или поискать пищу.

В нашем мире живут ивьянч. Индейцы кичуа зовут их супай, а метисы «дьяблос» – демонами, дьяволами. Прежде ивьянч часто приходили в дома, так рассказывают. Когда все люди, которые жили в каком-нибудь доме, уходили по своим делам, приходили ивьянч и воровали мясо. Но никто их не видел. Когда в очередной раз мясо пропало, все задались вопросом:

– Кто бы это мог быть? Кто его ворует?

– Давайте подкараулим его, – предложил один мужчина и забрался под самую крышу, где спрятался на настиле.

Там он остался караулить, когда остальные люди ушли. Так рассказывают. Прошло много времени, прежде чем появились три ивьянч. Человек, который сидел наверху, стал следить за ними. Ивьянч, что пришли в дом, принялись воровать вещи, которые там были. Потом, сев в золу, стали есть. Один из них вытащил у себя глаз и сказал:

– Это моя соль.

И, потеряв им еду, принялся жевать. После того как ивьянч посолил пищу своим глазом, он положи его на бревно костра. А мужчина, который прятался наверху с копьём в руке, этим самым копьём швырнул глаз в огонь. Мгновение спустя тот как лопнет! Ивьянч сказал:

– Кто-то стреляет из ружья.

А тут еще пришли люди. Ивьянч, что вытащил себе глаз и положил его на бревно, хотел быстро вставить его обратно, но глаза-то там уже не оказалось. Он искал и там и сям, но впустую. Так как глаз сгорел в огне и люди были совсем близко, то ивьянч ушел с пустой глазницей. Так рассказывают.

В другой раз, когда в доме снова никого не было, ивьянч вернул. Придя, он взял покрывало, накинул его на себя и улегся на нары, притворившись спящим. Он потушил все очаги, оставив лишь тот, что горел подле нар, на которых устроился ивьянч. И вот одна старушка возвратилась с расчистки и захотела приготовить немного маниока. Она спросила:

– Кто ты? Дай мне, пожалуйста, твоего огня.

Но ивьянч ей ничего не ответил. Тогда старушка снова попросила:

– Дай мне твоего огня, говорю же тебе.

Когда она говорила это, ивьянч лежал, укрывшись покрывалом, как если бы и вправду спал. Тогда старушка подошла к тому месту, где лежал ивьянч, чтобы самой взять головешку. Она уже почти дотянулась до костра, когда ивьянч быстро вскочил и схватил женщину. Та принялась плакать, а он засунул палец ей в глаз, вытащил его и вставил себе. Так рассказывают. Из дома ивьянч ушел уже с двумя глазами. А старая женщина умерла. Так говорят.

С хозяином животных, которого зовут Амана, мы, обычные люди, общаемся и поддерживаем отношения при помощи «разговора». В прежние времена ачуар охотились не с ружьями, но ловили животных ловушками или стреляли их маленькими дротиками-тсентсак из духовых трубок-уум. Поэтому, когда человек ставит в лесу ловушки, он должен поговорить или попросить хозяина животных, чтобы он позволил птицам попасться. Птицы, будь то вячуи, чивиа или другие, по приказу своего Амана идут в ловушку.

Также и когда отправляются охотиться на обезьян. Человек должен пойти в лес и поговорить с Амана, чтобы установить с ним отношения. Тогда тот приказывает своим подопечным, большим коричневым обезьянам чуу, которые где-то прячутся, идти к нам. Так человек получает возможность встретить животных и убить их, чтобы затем съесть.

Женщины при помощи «разговоров» тоже общаются и поддерживают отношения с существами, которые живут в нашем мире. Например, когда женщина отправляется на свою расчитку с корзиной, перед тем как выйти, должна поговорить, обратиться к Нунгуи, живущей под землей. В то же время женщина при помощи «разговоров» общается и с людьми, которые живут на тучах и звездах и которых мы зовем каракам.

Место, в котором живут «люди сверху», ачуар называют Каракам матсамтэй. Мы верим, что наверху есть другой мир, где обитают существа, очень похожие на нас, ачуар. У них длинные волосы, они носят такую же одежду, как и мы, пьют хаманчи. Их дома имеют такую же овальную форму, как и наши. А вокруг них посажено много красивых деревьев.

Наши предки поднимались в гости к людям каракам по длинной лиане, словно по лестнице, которая свешивалась в наш мир. Потом эту лиану обрезал один мужчина, которого звали Нанду – луна. Вот почему сегодня ее не существует.

Когда-то давным-давно некоторые растения, которые мы сажаем на своих расчистках, как то: красная фасоль-нумбынгам, цветной маис-шаа и разноцветный земляной орех-нусе, были принесены из мира людей каракам. В наше время этих растений уже нет, потому что мы вынуждены сажать лишь одинаковые растения, которые легко продавать. Раньше все было по-другому. Так говорят.

Женщины, живущие наверху, на своих расчистках хранят «живой камень» – нандар, очень могущественный, который заставляет все растения приносить обильные урожаи. Поэтому женщины ачуар должны просить женщин каракам, чтобы те посылали им нандар для того, чтобы их расчистки и здесь, в нашем мире, приносили урожай.

Мы также верим, что у каракам есть свои домашние животные. Ведь у нас есть петухи, куры и утки. Но кондор япу – это их домашняя птица, которой у нас нет. Наши старики рассказывали, что япу прилетает откладывать яйца на белых облаках. Вот почему на земле мы никогда не видели и не знаем, где гнездится кондор.

В мире людей петухи поддерживают отношения с другими петухами, которые живут в Каракам матсамтэй. Наши петухи начинают петь утром, когда еще не видно ни одного луча солнца, потому что слышат и отзываются на крики петухов, живущих наверху. Ведь там светает раньше. Вот так петухи отсюда общаются и поддерживают отношения с петухами из мира людей каракам.

Рассказывали, что длинную лиану, по которой ходили в гости, обрезал Нанду, мужчина-луна. Вот как это случилось.

Много лет назад Нанду был мужчиной, а Ауху женщиной. И Нанду взял в жены Ауху. А та обманывала своего мужа. И случилось так, что Нанду посадил тыквы, а как только плоды созрели, он сказал жене:

– Приготовь мне суп из тыкв. А я пока пойду поработаю.

И ушел. А Ауху, приготовив суп из спелых тыкв, конечно же, съела его сама. А чтобы было что поесть мужу, она сварила суп из зеленых плодов. Когда Нанду вернулся, она подала ему суп. Но так как плоды были неспелые, он спросил:

– Почему ты не сварила суп из тех тыкв, которые я тебе дал?

Но та ответила:

– Дурак, потому что приходили дети моей свояченицы, собрали все и унесли с собой. Только поэтому я приготовила тебе суп из незрелых плодов.

Когда Ауху сказала так, Нанду подумал: «Наверное, так оно и было на самом деле».

И съел зеленые.

В другой раз, когда тыквы снова созрели, он подумал, что надежно оставлять их без присмотра. Поэтому он собрал и отнес их своей жене, сказав:

– Сегодня свари суп из этих вот.

Когда он сказал так, она ответила:

– Хорошо.

А Нанду, чтобы обмануть ее, сказал:

– Я пойду поработаю.

И ушел. Жена тоже сказала:

– Схожу принесу воды.

И ушла. Как только Ауху ушла, Нанду вернулся и залез на нары, что были под самой крышей, и спрятался там. Пока он сидел наверху, вернулась его жена и стала готовить тыквы, приговаривая:

– Быстренько варитесь, быстренько варитесь.

Так она повторяла раз за разом. И когда тыквы сварились, она, желая поскорее их съесть, говорила:

– Остывайте, остывайте.

И как только те остыли, она снова все съела сама. А затем ушла за незрелыми плодами. Как только Ауху ушла, муж спустился вниз и отправился работать на расчистку так, чтобы она его не заметила. Прошло какое-то время, и Нанду подумал: «Должно быть, тыквы уже приготовились».

И вернулся в дом. Как только он пришел, жена подала ему, как и в прошлый раз, суп из незрелых тыкв, сказав:

– Ешь.

И поставила перед ним. Тогда он спросил:

– Что ты сделала с теми тыквами, что я принес?

И Ауху ответила:

– Снова приходили дети моей свояченицы, и, когда сказали мне: «Отдай нам твои тыквы», я им ответила: «Эти плоды принес ваш дядя». Но когда они сказали: «Пусть наш дядя поест, когда созреют другие», я им отдала эти.

Так Ауху врала своему мужу. Но когда она повернулась к нему спиной, Нанду выплеснул горячий суп из тыкв прямо ей на спину. И, переполненный злостью, ушел на небо.

Когда муж ушел, Ауху собрала свои глиняные горшки, дощечки, чтобы растирать глину, другие вещи и, захватив их с собой, отправилась следом. Нанду же, одев на голову свою тауасап, лез первым, а Ауху за ним. Так как Нанду лез впереди, то и до неба он добрался быстрее. Когда он поднимался, Ауху, его жена, тоже поднималась. А как только Нанду залез на небо, он сказал:

– Режьте лиану. Я больше не хочу страдать из-за своей жены, когда смотрю на нее.

Так Нанду приказал другим. Итак, пока Ауху поднималась, те, другие, обрезали лиану. И Ауху упала:

– Банданган!

И пока она летела вниз, то попыталась сказать: «Мой муж, мой муж», но вместо этого произнесла: «Ау-ху-ху». Упав на землю, Ауху сломала себе спину, так говорят. Вот почему, когда восходит луна, Ауху, думая: «Вон идет мой муж», поет:

– Ау-ху-ху!

Вот что случилось с Ауху. Вот почему больше не существует пути, по которому мы всегда общались с людьми каракам.

В давние времена люди «отсюда» постоянно навещали людей сверху. Они были могущественными, те люди. Рассказывают, что когда-то все люди из Эйнтери матсамтэй были могущественными: могли превращаться в животных, во что угодно. Почему? Потому что в давние времена наши предки ходили в гости к могущественным людям, и поэтому у нас тоже была сила. Но потом Нанду обрезал лиану, и стало невозможно поддерживать отношения. С тех пор наша сила уменьшается, и сегодня больше

не существует такой силы, которая бы превращала одни вещи в другие. Вот так рассказывали наши старики.

Между миром людей – Эйтсри матсамтэй и миром «людей сверху» Каракам матсамтэй расположен мир туч и звезд, который называется Аамат матсамтэй. Этот огромный мир находится выше деревьев, на полпути от нашего мира до мира каракам. Там, в тучах, рождаются дожди. Там же живет и невидимый хозяин дождей по имени Ипьямат. Он обитает в тучах, и когда хочет сделать дождь – открывает свой рот и с каждым разом говорит все громче и громче, пока не появляются гром и молнии. Вот почему его называют громом. Поэтому, когда раздаются раскаты, говорят: «Ипьямат чичаауэй». Это значит: «Гром разговаривает».

В том мире, где живут тучи и звезды, есть два кондора. Один из них летает, а другой высиживает яйца на белом облаке. В стародавние времена нашего мира люди поднимались по лиане в гости к каракам. Предки должны были лезть вверх с закрытыми глазами, потому что стоило им открыть их, как они тут же превращались в тех птиц, что летают. Те птицы мешали подниматься людям, нападали на них и били крыльями, старались заставить их взглянуть. Но люди знали, что стоит им только открыть глаза, как они обернутся птицами, такими же, как те, что мешали им подниматься по лиане. Вот почему они не могли смотреть до тех пор, пока не забирались на самый верх. Туда, где в доме женщина каракам угощала хаманчи своего мужа.

Прежде единственным и самым могущественным существом, которое могло превращать одни вещи в другие, был Этса. Он превращал людей в животных, рыб, деревья. Две женщины были превращены им в дерево сува и кустарник ипьяк. Вот почему старики говорили, что Этса был отцом-создателем того мира, который мы видим. Что он был словно Бог. Так рассказывали. Поэтому мы говорим, что благодаря силе Этса все живут спокойно, что мы получаем все, что нам необходимо. Благодаря Этса мы можем «видеть», и из-за его силы растут и размножаются все живые существа.

Уметь «видеть» – это очень важно. Ачуар верят, что если человек умер до того, как состарился, то это потому, что у него не было приобретенной силы вэймьяму – «видения». Вот почему,

чтобы не умереть раньше времени, ачуар стараются получить силу арутам – души своих предков.

Для этого мужчина отправляется в лес, чтобы там пить сок растения майкьюа или табака, голодать, живя возле водопадов. Там он отдыхает и строит себе временное жилище. Вечером он входит в воды водопада, набирает в рот настой табака и принимается нырять. Под водой он должен встретиться с хозяином водопада – анакондой, кайманом или кем-то другим в образе человека. Однако ему не следует бояться, потому что это существо появилось для того, чтобы во сне передать человеку свою силу. Вот зачем мужчина отправляется спать в джунгли, голодать и пить сок табака. Все это он делает, чтобы в конце концов обрести силу.

Когда человек собирается пить, он начинает «разговор», обращаясь к арутам, которые живут на старых, заброшенных чакрах. Там предки поддерживают отношения с различными животными: оленем-хапа, большими голубыми бабочками-вамбангам и совкой-чунгуркук. Так человек обращается к душам своих предков, которые обладали силой «видеть». Он просит их помощи, и тогда арутам превращается в какое-нибудь животное – анаконду, ягуара хуун яуа или другое – и предстает перед человеком. Тут он должен без страха приблизиться к нему и дожидаться, пока оно не исчезнет. Затем ночью, когда человек уснет, арутам придет снова и объяснит ему все, что он будет делать, начиная с этого момента и до конца своей жизни. Душа предка расскажет, будет ли у него счастливая семья, какие родятся дети и станет ли он храбрым воином.

После этого человек просыпается утром и чувствует себя очень сильным и могущественным. Он чувствует, что его никто не сможет победить. Это означает, что душа человека стала его защитником. Она стала как его нанги – копьё, как его тандаар – щит, и теперь он обладает всем необходимым для того, чтобы защищаться, побеждать или быть самым главным. Позади человека теперь стоит ягуар, который и есть его душа. Она берет его под свою защиту, и мужчина чувствует себя очень сильным: никого не боится, знает, что враг не сможет победить его. Он чувствует, что он сам – словно пятнистый ягуар, который повелевает всеми. Именно потому, что человек может теперь «видеть», он

отважный в любом деле, болезням нелегко свалить его, он может защитить себя от козней злых шаманов и его все уважают. А это означает, что человек – воин, хорошо работает, он умеет обучать тех, кто младше его и знает, как охотиться.

Прежде, чтобы мы были здоровыми и прожили долгую жизнь, родители отправляли нас в джунгли пить табак, голодать и получить силу «видеть». Тех, кто не сумел получить ее, убивают враги или же они умирают от какой-нибудь болезни. Это случается потому, что у них нет силы, чтобы быть храбрыми воинами, чтобы повелевать своими врагами.

Вот почему мы – ачуар – всегда поддерживаем отношения со всеми, кто живет в лесу: мы хотим получить силу, чтобы никто не смог победить нас.

Когда умирает кто-то из членов семьи, уже после того, как его похоронят в земле, родственники должны очиститься. На следующий день, рано утром, они отправляются купаться в ручье и там выбрасывают плохой сон, который им приснился, чтобы уже никогда больше покойник к ним не приходил. После купания мужчины возвращаются в дом, но по пути они должны поджечь корзину и подбрасывать ее вверх до тех пор, пока та не сгорит дотла. Когда мужчины возвращаются, старая женщина берет горшок с соком табака и водой, набирает все это в рот и брызгает в глаза вернувшимся мужчинам. Это делается потому, что глазами мы видим сны о покойнике, и, чтобы он больше нам не снился, надо очистить глаза табаком. Также необходимо отрезать немного волос и выбросить их в воду.

Душа покойника между тем бредет по желтой дороге, которая поднимается наверх. Туда, где живет хозяин большого огня, которого мы зовем Тунгуруа. Но еще до того, как душа вступит на эту дорогу, она увидит на своем пути речку, которую называют «вода перемены жизни». В ней душа должна искупаться, чтобы сделаться молодой. Это значит, что если, например, умерла старая женщина и искупалась в этой воде, то она становится молодой. А когда умирает маленький ребенок, то его душа после купания становится юношей.

После того как душа выкупалась и изменила свой возраст, она должна идти туда, где ее ждет Тунгуруа. Он спрашивает ее, какое зло та совершила при жизни. Если душа сделала много

зла, то хозяин огня только лишь своими словами делает сильный огонь, который обволакивает душу и жжет, пока та хорошенько не прожарится.

Затем, опять же своими словами, он гасит пламя и спрашивает душу, совершила ли она другой плохой поступок. И снова жжет ее огнем. Когда все сгорит, Тунгуруа отправляет ее в место, где живут все души предков. Это означает, что душа уходит на старую расчистку, где она родилась или жила. Там душа встречается с ними и веселится: они устраивают праздники, танцуют. Потом она отправляется посмотреть на то место, где была похоронена. Душа умершего, после того как Тунгуруа ее сожжет, возвращается жить на старую расчистку. Но теперь она невидима, теперь она стала арутам. Эта душа может превратиться в оленя, бабочку, совку или какое-нибудь другое животное.

Так вот рассказывали наши старики...

Не один и не два литра выпитой хаманчи дают знать о себе позывами в готовом лопнуть мочевом пузыре и «впитывать» ее уже нет сил. Говорю Тайшу и старикам, что отлучусь ненадолго и тут же вернусь. Выхожу из овального дома – традиционного для индейцев ачуар. Небо ясное, звездное, кое-где подернуто облаками. Темень. «Ночного солнца» Каши Нанду – луны – нет. Семь звездочек Плеяд привлекают мое внимание, напоминают о морозных зимних ночах в далекой стране, с хрустящим под валенками снегом и обжигающим лицо тридцатиградусным морозом. Напоминают о детстве и юности. Как давно это было! Кажется, в другой жизни. Мог ли я – четырнадцатилетний мальчишка – даже мечтать той ночью, что однажды, спустя много лет, буду глядеть на все такие же вечные Плеяды из самого сердца амазонских джунглей? Мог ли представить, что однажды буду смотреть на семь крошечных звездочек, а на язык вместо привычного названия будет проситься имя «Мусач»?

Мусач... Так зовут их охотники за головами. Это братья-сироты, давным-давно жившие с приемными родителями. Как это случается, дети чувствовали себя несчастными и никому не нужными в чужом доме. Они сговорились убежать и построили плот. Однажды, когда их приемные родители отправились в джунгли, братья – у них была сила – вызвали паводок, погрузились на свой плот и быстро понеслись вниз по реке. Однако

их приемный отец – Ангуахи, – возвращаясь с охоты, увидел на реке удалявшийся плот. Он решил догнать беглецов в своем каноэ и вернуть тех домой. Ангуахи преследовал детей несколько дней кряду, но тем все время удавалось держаться чуть поодаль. В конце концов братья добрались до того места, где река соприкасается с небесным сводом, и поспешили наверх, цепляясь за стволы бамбука. Чуть позже и Ангуахи последовал за ними.

Там, на небе сироты превратились в Плеяды, Мусач. Их плот – это созвездие Орион, которое ачуар называют Утуним. А Ангуахи – «вечерний огонек» движется следом за ними в своем бесконечном преследовании беглецов, обернувшись звездой, которую мы, белые, зовем Альдебаран...

Глава девятая

ЗА ЧТО ОТРЕЗАЮТ ГОЛОВЫ?

Шивиар плохие, они убивают женщин и отрезают им головы. Поэтому мы тоже отрезаем головы шивиар. А так, без пригину, мы не убиваем.

Из рассказа охотника за головами

Головы режут до сих пор. Далеко в джунглях. По-тихому, но режут. И сушат, уменьшают до размера кулака. А продельывают все это настолько искусно, что голова сохраняет черты лица своего некогда живого хозяина. И вот такую «куклу» называют тсантса. Изготовить ее – целое искусство, которое некогда практиковали индейцы шуар, слывшие самыми известными охотниками за головами в Эквадоре и Перу. Сегодня же, когда шуар сделались «цивилизованными», древние традиции сохраняют близкие им по языку и обычаям ачуар и шивиар – их заклятые враги. И не менее заклятые враги между собой. В наши дни былая вражда никуда не исчезла. Просто она завуалирована.

– Мой отец настоящий ачуар, – говорил Тайш на третий или четвертый день нашего знакомства. – Он живет отдельно, у него свой дом – хеа. Он не говорит по-испански и умеет делать тсантса.

Ну а ты, Тайш? Знаешь ли ты, как сделать тсантса, уменьшив человеческую голову до размера апельсина?

Признаюсь, мне безумно интересно поговорить на эту тему, но сам я не поднимал ее до сих пор. Не было подходящего момента, а задавать столь деликатные – согласитесь – вопросы в лоб я не хотел. Ибо если человек не хочет рассказывать, то он

и не расскажет ничего, пока сам не сочтет нужным сделать это. И вот, кажется, время настало.

Но прежде чем я поведаю о том, что же мне удалось выведать у Тайша, стоит сказать несколько слов о самих индейцах ачуар.

В прежние времена их, а также шуар, шивиар, уамбис и ауахун, или агуаруна, испанцы называли «хибаро». Все они говорят на близкородственных языках, живут как в Эквадоре, так и в Перу. Все пользовались славой охотников за человеческими головами, все воевали между собой, а сообща противостояли попыткам испанского вторжения на свои земли. Любовь исследователей-антропологов они завоевали благодаря древним традициям, а «туристически» настроенных обывателей влекут их длинные духовые трубки-уум, красочные головные уборы-диадемы из перьев птиц – тауасап, обычай иметь несколько жен и уже упомянутые мною навыки в отрезании и уменьшении вражьих голов.

Сушеные головы – особый разговор. На сороковые годы прошлого века пришелся рассвет торговли маленькими «куклами». В джунглях шла непрекращающаяся война, замешанная на традиции кровной мести и торговли оружием. В те времена торговцы платили из расчета одна тсантса – одно ружье. В заказах недостатка не было, так как иностранцы из Северной Америки и старушки-Европы с удовольствием приобретали экзотичные сувениры за немалые деньги в крупных туристических центрах Амазонии. Например, в Икитосе, что стоит в месте слияния двух рек: Нанай и Амазонка.

Когда-то европейцы боялись вторгаться в джунгли, населенные индейцами хибаро. Сегодня же в дальней сельве на каждого пришлого белого – апачи – смотрят с подозрением. Из-за страха... лишиться головы. Именно так. В наши дни тсантса – редкость. Я имею в виду настоящие, а не те подделки из коровьей кожи, что продаются в сувенирных лавках во всех крупных городах Эквадора и на востоке Перу. Раз редкость, то цена на нее среди коллекционеров высока. А где большие деньги, там и желающие их заработать. Поэтому кое-кто из белых отправляется в джунгли, подкупает кого-нибудь из индейцев и тот добывает ему голову, которая затем становится размером с кулак.

Прежде за каждое убийство отвечали убийством. Кровная месть процветала. Так что любой воин, убивший неприятеля,

точно знал, что родственники последнего будут мстить ему. Фактически до середины двадцатого века, а в отдаленных районах и позже хибаро жили в условиях постоянного вялотекущего военного конфликта, а их дома были закрыты стенами из расщепленных стволов пальмы уви: так делают, когда ожидают нападения. Однако, поближе познакомившись с ачуар, я с удивлением узнал, что в наши дни человек, добывший голову, часто может откупиться, не рискуя потерять собственную.

Откупаются скотом. Коровами, которых завезли в джунгли миссионеры и колонисты-метисы. Цена варьирует от восьми до десяти коров, при цене каждой восемь сотен долларов. Я говорю об Эквадоре. О существовании подобной практики знают все в лесах, где живут ачуар, однако афишировать ее не принято. Таким образом, заказчик, заплатив воину откупные, плюс деньги за работу, может получить вождественную тсантса, которую либо оставит себе, либо перепродает на черном рынке с огромной выгодой для себя. Это нелегальный, рискованный, очень специфичный бизнес, и кому-то он может показаться грязным. Однако он существует на протяжении, по меньшей мере, последних полутора сотен лет. Только цена голов в разные времена была различной. И по крайней мере, в его основе – древние военные традиции, в отличие от гораздо более молодого бизнеса, когда людей из отдаленных районов джунглей вывозят легкомоторными самолетами как доноров для последующей трансплантации органов. Но это совсем другая история.

За пределами сельвы среди не особо сведущей публики слава главных «головорезов» закрепилась за индейцами шуар. Однако в действительности основными поставщиками сушеных голов для «белых» всегда были ачуар: у последних отсутствует сложный и долгий ритуал, связанный с укрощением духа поверженного врага, практикующийся у их «родственников» шуар. Поэтому они не придавали особого значения тсантса, рассматривая их как трофей и товар, который с выгодой можно продать апачи.

Итак, как же индейцы добиваются того, что голова взрослого человека становится просто-таки крошечной? Для тех читателей, кто не верит в возможность уменьшения черепа, я сразу же поясню, что уменьшается не вся голова, а только снятая с нее и специальным образом выделанная кожа. Хотя когда-то народная молва

приписывала индейцам способность уменьшать и черепа. Да и сегодня подобные слухи ходят среди полуграмотных метисов.

На отрезанной голове поверженного противника с обратной стороны делается длинный надрез, идущий от темени до шеи вниз, после чего кожа аккуратно стягивается с черепа вместе с волосами. Это похоже на то, как обдирают шкуры с животных, чтобы впоследствии выделать их или набить чучело. Самое ответственное и трудное на данном этапе – осторожно снять кожу с лица, так как здесь она крепко соединяется с мышцами, которые воин подрезает хорошо наточенным ножом. После этого череп с остатками мышц выбрасывается как можно дальше – он не представляет никакой ценности, – а индеец приступает к дальнейшей обработке и изготовлению тсантса.

Для этого связанную лианой человеческую кожу на некоторое время опускают в горшок с кипящей водой. Кипяток убивает микробов и бактерий, а сама кожа немного усаживается и сжимается. Затем ее вытаскивают и насаживают на острие воткнутого в землю кола для того, чтобы она остыла. Из лианы капи делается кольцо того же диаметра, что и будущая, готовая тсантса, и привязывается к шее. При помощи иголки и нити из волокна пальмы матау воин зашивает разрез на голове, который он сделал, когда сдирал кожу.

Индейцы ачуар начинают уменьшать голову в тот же день, не откладывая. На берегу реки воин находит три округлых камешка и накаляет их в костре. После этого один из камней он засовывает через отверстие в шее внутрь будущей тсантса и катает его внутри так, чтобы тот сжигал приставшие волокна плоти и прижигал кожу изнутри. Затем камень извлекается и снова кладется в костер, а вместо него в голову засовывают следующий.

Непосредственное же уменьшение головы воин производит раскаленным песком. Его берут с берега реки, насыпают в разбитый глиняный горшок и греют на огне. А затем высыпают внутрь «головы», наполнив ее чуть более половины. Наполненную песком тсантса постоянно переворачивают для того, чтобы песок, перемещаясь внутри ее, словно наждачная бумага стер приставшие кусочки мяса и сухожилий, а также истончил кожу: ее потом легче уменьшить. Действие это повторяется много раз подряд, прежде чем результат окажется удовлетворительным.

Остывший песок высыпается, вновь раскаляется на огне и снова насыпается внутрь головы. В перерывах воин начисто выскребает внутреннюю поверхность тсантса ножом. Пока кожа с головы убитого противника сушится подобным образом, она непрерывно усаживается и вскоре начинает напоминать голову карлика. Все это время воин руками подправляет искаженные черты лица: важно, чтобы тсантса сохраняла облик поверженного врага. Этот процесс может продолжаться несколько дней и даже недель. В конце кожа головы усаживается до одной четвертой своей нормальной величины, делается абсолютно сухой и жесткой на ощупь.

В губы вставляются три пятисантиметровые палочки из прочной древесиныны пальмы уви, одна параллельно другой, которые выкрашены в красный цвет краской из семян кустарника ипьяк. Вокруг обвязывается хлопковая полоска, также выкрашенная в красный цвет. После чего вся тсантса, включая лицо, чернится углем.

Естественно, в процессе сушки кожа с головы ужимается. Но длина-то волос остается неизменной! Вот почему шевелюры на тсантса кажутся непропорционально длинными по отношению к размерам головы. Бывает, что их длина достигает одного метра, однако это не означает, что тсантса была сделана из головы женщины: среди ачуар до сих пор многие мужчины носят более длинные волосы, нежели женщины. Впрочем, хоть и не так часто, попадаются и уменьшенные женские головы.

Если кто-то полагает, что индейцы ачуар отрезают головы и делают тсантса только из людей, то это глубокое заблуждение. Ленивец – уйюш, как называют его хибаро, также лишается головы, если попадает на пути у охотника-воина. А все потому, что он до сих пор сохраняет свою человеческую сущность, несмотря на внешность животного. Ведь когда-то давным-давно все животные и птицы были людьми. Они жили, как люди, разговаривали, как люди, но потом превратились в зверей. И только ленивец, сменив внешность, по сути своей остался ачуар, но только из чужого племени. А раз из чужого племени, издавека, то он враг. Вот почему ачуар и сегодня поступают с ленивцем так же, как и с человеком.

С тех пор как у ачуар в избытке появились металлические ножи, а случилось это около ста лет назад, головы стали резать именно ими. Хотя, как рассказывают старики, до того пользовались своими орудиями – каменными топорами, острыми ножами из пальмы уви и прочными раковинами моллюсков.

Во время моего пребывания в джунглях Транскутуку мне открылся еще один весьма интересный, даже удивительный, но мало кому известный факт. Правда, касается он не ачуар, а их соседей шуар. Оказывается, не только мужчины еще в недалеком прошлом отправлялись на «охоту за головами», но и... женщины! И хотя таких было очень немного, но некоторые жены сопровождали своих мужей в военных набегах, и случалось, сами приносили головы убитых врагов и участвовали в мужской церемонии наравне с мужьями и братьями. Так что рассказы, которые время от времени я слышал среди индейцев-кичуа к северу от реки Пастаса – южной границы между их землями и хибаро – о женщинах шуар, или аука уармис, как их называют, встречавших мужчин-кичуа в сельве и убивавших их, обрели реальную основу.

Кстати сказать, индейцы «хибаро» не единственные, кто отрезает и высушивает вражьи головы. Точнее, были не единственными когда-то. Перелистывая старую подшивку журнала «Природа и люди» за 1911 год, я совершенно случайно наткнулся на следующую заметку под названием «Бразильская мумия»:

«Один из исследователей Бразилии привез оттуда ценную этнографическую коллекцию, где первое место занимает набальзамированная голова племени Мундурукус. Племя это до сих пор сохранило варварский обычай обезглавливать побежденного врага, набальзамировать затем его голову, украшать ее по-своему и в таком виде сохранять ужасный трофей. Длинные подвески из перьев обрамляют лицо мумии, резцы одного из земноводных грызунов заменяют глазные яблоки, нижняя губа прошита длинными шнурками, концы которых висят изо рта. Дикари верят, что таким образом убийца вполне огражден от загробной мести убитого.

Тайна приготовления мумий строго охраняется туземцами от любопытства туристов, которые, конечно, заинтригованы

приемами бальзамировщиков. Некоторые племена достигли такого совершенства, что их головы как-то съживаются, ссыхаются и, не изменяя черт лица, становятся величиной с кулак...

Еще лет пятнадцать назад такую мумию легко было приобрести у дверей любой гостиницы, куда сносили их массами скупщики и продавали путешественникам.

Но вскоре выяснилось, что туземцы устраивают настоящие облавы на людей и оскверняют кладбища с целью добыть побольше человеческих голов. Тогда правительство вмешалось, запретив продажу мумий; церковь со своей стороны постановила предавать анафеме тех, которые дерзнут продолжать свое кощунственное ремесло, так что можно надеяться, что принятые меры вскоре прекратят преступный промысел».

Ну а закончить повествование о высушенных человеческих головах мне бы хотелось историей одного старика-ачуар с реки Чангуап, которую тот рассказал миссионерам. Вот она:

– Сандиак был великим воином. Он ходил туда, где река Канус, которую вы зовете Пастаса, течет через скалы, и там убил человека. Когда у него закончились патроны, он украл жену у Янгуама, с которым встретился раньше. Поймав его женщину, Сандиак забрал ее себе. Янгуам видел, как это случилось, но сам убежал.

Сандиак и его брат Кашин расстреляли в тот раз почти все патроны. В Канус тогда было мало воды. Поэтому, когда у всех закончились патроны, Янгуам переплыл реку, сумел ускользнуть. Свою одежду он бросил на берегу. Вот так, голым, спасся Янгуам. Поэтому Сандиак увел с собой только жену. А всех его родственников убил. Только Янгуам убежал.

И после того как убежал Янгуам, Сандиак продолжал воевать с другими мужчинами. Он был великим воином, и он убил моего дядю, которого звали Пиитур, – брата моей матери. Сандиак сражался с ним и победил. Мой дядя тоже побеждал до того. Сандиак убил всех его сыновей, а дядя всех детей Сандиака. Покончив с Пиитуром, Сандиак сражался с другим человеком, а потом поссорился со своим братом Кашинем и принялся мстить ему. Когда один из них убивал сына другого, то он в свою оче-

редь тоже мстил. И когда кто-то убивал друга другого, то и тот в ответ убивал. Кашин всегда мстил. Когда была война, Кашин храбро сражался, так рассказывают.

Сандиак сражался вот как. Если убивали его родственника, он, преследуя напавших, спрашивал:

«Кашин, ты здесь?»

И когда тот спрашивал так, Кашин отвечал:

«Я здесь, я здесь».

Снова они стреляли друг в друга из ружей, снова расходились. Так Сандиак и Кашин долго воевали. Так они сражались и, мстя друг другу, убили еще одного человека вместе с его женой. Вот как воевали.

Остались только братья Тукуп, Сандиак, Кашин и Пиитур.

Кайяпа, который жил здесь, на Канус, тоже убили. Сандиак убил его отца Пиитура и друга Вамби. И пока все эти люди воевали между собой, Кашин тоже воевал с ними. Он всем им мстил.

И вот как-то раз Сандиак пришел в гости и увидел своих друзей. Он пришел, забыв о прошлом. И когда один из мужчин спросил его: «Как тебя зовут?», он ответил:

«Я – Сандиак. А ты?»

«Я – Янгуам».

Вот с кем встретился Сандиак. С тем, кто убежал голым и в кого он много раз стрелял, но не убил. С ним он встретился. И Сандиак сказал:

«Племянник, раз мы уж встретились с тобой, давай забудем о прошлом. Давай больше не будем воевать».

Но как же Янгуам мог позабыть прошлое, если Сандиак увел его жену? И, глядя на своего врага, Янгуам подумал: «Позже, ночью, мы убьем его».

Но вслух сказал:

«Дядя, ты способен убить человека?»

И Сандиак ответил:

«Раньше я убивал многих. Но сейчас я перестал, потому что следуя словам Господа».

Но Янгуам подумал: «Сандиак здесь со своими людьми. Вот почему он не боится умереть, вот почему он не боится умереть, вот почему он не боится умереть...»

Так думал Янгуам. Ночью все вместе пили хаманчи, смеялись и разговаривали. Янгуам, притворяясь, сказал:

«Дядя, ты потом угостишь меня табаком?»

А сам подумал: «Попозже, когда вы уснете, мы вас убьем».

Итак, когда все уснули, люди Янгуама пробрались в гарнизон и сказали:

«Когда все уснут, мы убьем Сандиака. Он лежит на полу».

Там, на полу, рядом спали Сандиак, его сын и друг. И люди Янгуама ночью убили их. На следующее утро командир гарнизона сказал Янгуаму:

«Ты пролил кровь. Если не хочешь, чтобы тебя схватили и отправили в карцер, закопай тела».

Тогда люди Янгуама ответили:

«Хорошо».

Они отнесли труп Сандиака к Канус, связали его лианой и бросили в воду. Когда они пришли к реке, то отрезали голову Сандиаку, а тело выбросили в Канус. Трупы остальных тоже оттащили на середину реки и выбросили. Но голову отрезали лишь у Сандиака. Они забрали голову, потому что были шиввиар, а те всегда уносят головы, чтобы играть с ними. Так вот убили Сандиака. Так были убиты воины, когда встретились со своими врагами.

Но в живых оставался еще Кашин, брат Сандиака. Он убивал людей тем же способом и убил больше двадцати пяти человек. Тукуп убил тридцать пять. А потом убили самого Тукупа.

Когда убили Сандиака, его брат Тукуп сказал:

«Почему они сделали это? Давайте воевать».

И он, мстя, убил еще трех человек. А потом пришел Вашикьят и убил самого Тукупа. Затем, спустя какое-то время, он убил и сына Тукупа. Так Вашикьят отомстил два раза. Так рассказывают.

Глава десятая

ЯД И СОЛЬ: КАК УБИВАЛИ

*Я знаю, как делать яд. Если хочешь,
я могу продать тебе для охоты.*

Из деловых переговоров в джунглях

Яд – амби на языке кечуа, капари’ – на чайяуита. Соль – качи, ямура. Два бесценных товара, побуждавшие индейцев разных племен великой Амазонии издревле поддерживать торговые контакты друг с другом. Ценности, ради которых они отправлялись в многомесячные путешествия за тысячи километров от дома.

Яд для маленьких стрелок-дротиков, без которого невозможна настоящая охота. Соль, необходимая в приготовлении пищи. Соль – верное противоядие.

Как-то, будучи в Эквадоре у моих друзей канело-кичуа, я услышал от стариков, что еще не так давно, лет сорок назад, люди с тех мест совершали долгие, дивившиеся по полгода экспедиции за солью на реку Уальяга, что течет далеко на юго-востоке, в Перу. Оттуда же – а это свыше тысячи километров – привозили и особый яд, который нельзя было раздобыть нигде более. Этот яд – ламас амби не использовали для охоты, но только на войне. Им убивали людей, и был он столь же эффективным и быстродействующим, «как пуля».

Небольшие флотилии, насчитывавшие с десятков индейских каноэ, спускались по Бобонасе до ее слияния с Пастасой, затем продолжали путь до самого Мараньона, потом сплавлялись по Мараньону до устья Уальяги, а оттуда поднимались в предгорья

Анд – к соляным копям, недалеко от которых жили и одни из лучших специалистов в приготовлении ядов.

Ничего более конкретного выяснить мне в тот раз так и не удалось. Поэтому я стал рыться в книгах современных авторов, а также старых замшелых трудах, дабы понять, как в действительности обстояли дела. И можно ли говорить о том, что в «диких джунглях» Амазонии, в Южной Америке существовало нечто похожее на великий шелковый или соляной путь Старого Света?

Стоило начать пристально изучать этот вопрос, как довольно скоро выяснилось, что упоминания, будто за солью на копи Ламас приплывало множество индейцев из западной части бассейна Амазонки, нередки. Но отчего-то малоизвестны. Есть они и в сборнике «Амазонка, царица рек Южной Америки», вышедшем в свет в 1905 году:

«Выше этого селения [Юримагуас], на правом берегу реки находятся знаменитые соляные залежи; они тянутся на протяжении многих верст вдоль самого берега реки и могли бы снабжать солью Америку. В настоящее время они снабжают солью только лишь жителей амазонской области, а потребность в соли здесь весьма значительна, так как соленая рыба составляет один из главных источников питания. Соляные холмы, в которых слои соли чередуются с красной глиной, достигают здесь до ста метров высоты.

Там, где по склонам холмов дождь смыл красную глину, можно видеть пирамиды из чистой соли... Издалека, из дремучих лесов Укаяли и Мараньона, а также с притоков Амазонки каждый год съезжаются летом индейцы за солью к берегам Гуаллаги; при этом они нисколько не заботятся окончить поскорее свое путешествие, занимаются охотой по берегам и рыбной ловлей, а временами опустошают банановые плантации прибрежных жителей.

Добывание соли ведется самым первобытным образом: первоначально обнажается от земли соляная залежь, на ней прорезают несколько неглубоких борозд, в которые затем льют воду до тех пор, пока они не углубятся настолько, что всю залежь соли можно расколоть на отдельные части».

...Так что же, спросит любопытный читатель, неужели не все индейские племена умели приготавливать яд «кураре» для знаменитых духовых трубок, о которых столько приходится читать и слышать с экранов телевизоров? Если еще можно понять, зачем плавать за солью куда-то за тридевять земель – у себя ее может просто не быть, – то как это возможно, чтобы индейцы – индейцы! – не могли делать охотничий яд, без которого охота малоэффективна?

Я решил сделать попытку разобраться во всем, для чего – после долгих колебаний и решения чисто организационных вопросов – отправился в Перу. Туда, где на берегу мутной и широкой Уальяги стоит город Юримагуас, выше которого и по сей день открываются залежи каменной соли. Ныне, правда, никому не нужные. Туда, где – как оказалось – залегают не менее знаменитые копи в верховьях реки Паранапура и ее притока Качияку, имя которого на языке кечуа означает «соляная река». Примечательно, что тот же смысл заключен и в имени этой извилистой речки на языке моих друзей индейцев чайяуита, уже знакомых читателю исконных обитателей заболоченных джунглей у подножий Восточной Кордильеры. Ибо Ямураи происходит от двух слов: первое – ямура – «соль», второе – и' – «река», «вода».

Итак, от эквадорских индейцев канело-кичуа с Бобонасы я отправился туда, откуда рукой подать до городка Ламас, в окрестностях которого, как и в самом городе, и поныне живут индейцы кечуа-ламистас, чья слава знатоков в приготовлении ядов гремела на добрую половину Амазонии. Они да еще, пожалуй, индейцы тикунa, обжившие берега Амазонки близ границы с Бразилией, среди прочих племен считались до недавнего времени «лучшими из лучших». От имени племени тикунa, кстати, пошло и название охотничьего яда, использовавшегося и используемого кое-где и сегодня лесными кичуа с берегов рек Напо и Курарай.

О том, что вышло из этой экспедиции, я и поведу разговор ниже. Сразу признаюсь, не все из задуманного удалось осуществить. К примеру, я так и не сумел разузнать, каким образом приготавливался «боевой» яд ламас амби. Правда, наслушался много домыслов, объяснявших его силу в частности тем, что в него добавляли яд нескольких видов змей. Тем не менее, увле-

ченный ролью соли и яда в жизни лесных племен Западной и Северо-Западной Амазонии, я выяснил многое из того, что связано собственно с изготовлением этого самого важного ингредиента. Все, что будет описано ниже, относится к кanelo-кичуа.

Индейцы, живущие по высоким берегам Бобонасы, точнее сказать, некоторые из них, довольно искусны в том, что касается приготовления обыкновенного охотничьего яда амби, или, как его еще называют в этих местах, амби-амби и пукуна амби. Изготовленный ими яд для маленьких стрелок-вирути, которыми стреляют из бодокер, ценится их соседями достаточно высоко и служит предметом обмена и продажи. Тем не менее наиболее сильные разновидности ядов лесные кичуа прежде покупали у индейцев с Нижней Уальяги, которых называют часута и которые слывут – точнее, слыли – одними из лучших знатоков ядов. Я даже не сомневаюсь, что речь идет о кечуа-ламас, так как городишко Часута стоит на Уальяге выше Юримагуаса, недалеко от Тарапото и соответственно Ламаса.

Так кто же они такие, эти великие знатоки ядов? Я мог бы рассказать много интересного об этих людях, но придется ограничиться лишь самыми общими словами. В настоящее время ученые полагают, что современные кечуа-ламас – это потомки некогда многочисленных индейских племен, в свое время известных как «мотилонес». Они жили в лесах и предгорьях Кордильеры, то есть их земли были на границе двух гигантских природных областей – Кордильеры Анд и Амазонии. К 1538 году, коррехидор, т.е. управляющий, Кахамарки и Чачапояс по имени Рива Эррера начал покорение земель, лежавших к востоку от недавно основанного города Мойобамба. В своих походах он добрался до Уальяги в ее среднем течении, попутно заложив поселение-крепость, ставшее позже городком Ламас. Вокруг этого поселения – обычная практика для времен завоевания – осели жившие в тех краях индейцы, принадлежавшие к шести различным группам. Это были табалосо, ламас, амасифуйне, каскабосоа, хаумунко и пайяно. Помимо них, вокруг крепости поселились и представители племен муничи и сучичи. Все они должны были работать на испанцев. Изначально каждое из перечисленных племен говорило на собственных языках и диалектах. Однако с появлением иезуитских миссий среди индейцев стал

распространяться язык кечуа или, как тогда говорили, «единый язык инга», который миссионеры планомерно насаждали в качестве языка межплеменного общения. Таким образом, в течение XVII века пестрое разнородное население подножий Анд, к тому моменту замиренное испанцами, сложилось в некую многоликую культурную общность, представители которой говорили на одном из диалектов кечуа и были одними из лучших производителей охотничьих и боевых ядов.

Вообще-то лесные кичуа с Бобонасы, с которых я и повел разговор, сами неоднократно предпринимали попытки изготовить яд, аналогичный по силе тому, что им приходилось с большими трудностями доставать на Уальяге у кечуа-ламас. Однако по их же собственному признанию все они терпели фиаско. Во-первых, потому, что часута смешивали множество различных ингредиентов, которые держали в строжайшей тайне. А во-вторых, из-за того, что в джунглях, где живут канело-кичуа, некоторые важные составляющие просто отсутствуют. Например, нет тех растений, из которых часута-ламистас добывали нужные для их ядов вещества. Такое признание индейцев тем более удивительно, если учесть, что для изготовления обычного охотничьего яда сами канело-кичуа – только вдумайтесь! – используют около трех десятков различных растений. Среди прочих я могу назвать барбаску, амби лалю, паля уаска, канью уаска, пайянгши, льючи, тунишпа уаска, апа уаска, амби уаска, плоды дерева лиспунгу, корни кустарников яна амби каспи и паля панга руйя. И это лишь небольшая часть растений, нужных для приготовления охотничьего яда.

Итак, как же готовят амби? Прежде всего надо понимать, что человек, занимающийся приготовлением ядов, не просто носитель познаний в области медицины. Он – знахарь, и весь процесс готовки – действие по сути своей магическое. Отсюда следует, что сделать хороший яд способен лишь человек, обладающий большими познаниями и опытом. Поэтому среди канело-кичуа этим занимаются двое взрослых мужчин, которые знают, как общаться с духами – «хозяевами» ядовитых растений.

Яд никогда не приготавливается дома, но только вдали от человеческого жилья, далеко в джунглях, где индейцы могут с большей легкостью общаться с духами. Как правило, временное

укрытие-тамбу строят из пальмовых листьев не ближе чем в полуторадневном переходе.

Глиняные горшки, в которых готовят яд, делают сами мужчины специально для этой цели. При этом всю остальную керамическую посуду на Бобонасе и окрестностях изготавливают исключительно женщины. Для амби нельзя брать абы какой горшок. И уж тем более тот, в котором готовили пищу. Индейцы объясняют этот запрет тем, что в еду добавляют соль. А последняя, как я уже говорил, считается противоядием и поэтому ни в коем случае не должна смешиваться с ядом. А в горшке, даже вымытом начисто, соль всяко останется, впитавшись в поры глиняных стенок.

Перед тем как взяться за изготовление яда, мужчины весь предшествующий день постятся, питаются лишь несолеными жареными бананами-платано. А также – как и при подготовке многих других сакральных обрядов – избегают сексуальных контактов со своими женщинами.

Не слишком далеко от той хижины, в которой намереваются варить яд, в направлении дома строят еще одно укрытие. Его могут посещать остальные мужчины и даже подростки, которые приносят сюда горшки и топливо для костра, а также невероятное множество лиан, корней, плодов и кору, из которых и будут вываривать яд. В укрытие же, где предстоит делать яд, могут приходить лишь два человека. Что касается женщин, то им категорически запрещено приближаться к любой из двух хижин. И вообще им надлежит держаться по возможности дальше от места священнодействия.

Для приготовления яда требуется четыре больших горшка-тинаха, наподобие тех, в которых хранят закваску для чичи. «Поварам», памятуя о множестве запретов для соплеменников, приходится собственноручно перетаскивать их в свое укрытие. Туда же переносят и все собранные растения.

Приготовление яда занимает целых восемь дней. Из них первые два уходят на то, чтобы очистить весь материал от грязи, снять кору и растолочь корни. Эту работу выполняют подростки во втором укрытии.

Индейцы варят яд только по ночам, а для костра используют лишь твердую древесину пальмы чунда. Они верят, что толь-

ко если соблюсти эти условия, амби получится сильным, как и стволы колючих деревьев.

На второй день, как только стемнеет, индейцы разжигают костры и начинают варить. Варят всю ночь до самого рассвета. В течение третьего дня индейцы ничего не делают, но как только снова наступит ночь, принимаются за прежнее. После того как яд варился две ночи, его оставляют в покое и не прикасаются к нему последующие два дня и две ночи. Таковы правила. Затем ночная варка возобновляется, и индейцы бодрствуют еще две ночи. По их окончании яд готов.

Все эти ночи амби варят на маленьком костре, потому что весь процесс должен протекать медленно и постепенно. Когда различные составляющие яда соединяют в одном большом горшке, то варка длится до тех пор, пока часть жидкости не испарится, а оставшаяся не загустеет до консистенции пчелиного меда. Готовый яд приобретает темный кофейный цвет.

Все время, пока длится приготовление, «повара» остаются в джунглях. Им не позволено как следует есть, и весь их дневной рацион состоит из двух несоленых бананов да чичи из маниока. Индейцы, занятые варкой яда, уходят питаться во второе укрытие, так как в первом, где варится яд, строго-настрого запрещено есть и готовить что-либо, кроме него. Мужчины обязаны строго поститься и ни в коем случае не употреблять соль, сладкие фрукты или сок сахарного тростника. В противном случае яд непременно испортится, и им будет невозможно убить кого бы то ни было.

Пока яд варится, «повара» поют заклинания и магические песни. Благодаря этому они добиваются того, что духи-хозяева ядовитых растений, варящихся в горшке, оказывают им свое расположение. В остальных случаях индейцы разговаривают лишь при крайней необходимости, да и то очень тихо.

Как уже было упомянуто, варка яда протекает постепенно и не каждую ночь. Поэтому у индейцев хватает свободного времени, которое они проводят за изготовлением стрелок-вирути, на которые затем нанесут амби.

«Поварам» строжайше запрещено, как я уже говорил, спать с женщинами, а последние вообще не должны приближаться ни к одному из двух укрытий в джунглях, где происходит церемония.

Это объясняется тем, что если какая-нибудь из представительниц прекрасного пола подойдет слишком близко, то яд будет безвозвратно испорчен. А если у нее есть грудной ребенок, то малыш непременно умрет. Так что уход «поваров» в глубь сельвы отчасти вызван желанием избежать назойливого женского любопытства.

По мнению канело-кичуа, каждое ядовитое растение – да и вообще всякое – имеет «духа-хозяина», супаи. Именно он и наделяет тот или иной вид его качествами. Именно супаи убивает животное или птицу, когда отравленная стрелка попадает в тело жертвы. Вот почему охотничий яд называют еще супаи амби.

Когда индейцы варят яд, они стараются избегать вдыхать испарения и дым: говорят, что они несут в себе болезни. И действительно, когда «повара» возвращаются из джунглей домой, выглядят они неважно, бледными и ослабшими. Впрочем, слабость и бледность могут быть скорее следствием длительного поста, нежели вдыхания испарений готовящихся в горшках ядовитых растений.

Как только яд готов, индейцы тут же испытывают его силу. Как? Для непосвященного человека способом, весьма экзотическим: они стреляют отравленной стрелкой в лягушку. Если та умирает быстро, то это верный знак хорошего яда. Оказывается, лягушки – существа весьма живучие и отравить их не так-то легко.

Я уже писал, что соль и сахар считаются среди индейцев противоядием. Если кто-то случайно поранится отравленной стрелкой, то в воде разводят немного соли и дают раненому выпить. Сам я этого не знаю – не пробовал, но индейцы говорят, что в этом случае человек не умрет.

То же справедливо и в отношении сахара. Настоящие охотники не употребляют в пищу ни соль, ни сладости, так как считают, что лишатся способности успешно охотиться с духовой трубкой на диких животных.

Из трубки индейцы добывают лишь тех зверей и птиц, которых употребляют в пищу. Если по неосторожности выстрелить в животное, которое считается демоном-супаи и оттого непригодно для еды – в змею или, например, в грифа-

гальинасо, – то весь яд, уже имеющийся у охотника, непременно испортится.

Амби убивает жертву, только если попадает в кровь, вызывая паралич мускулов. В противном случае он не действует. Поэтому теоретически его можно даже есть в маленьких дозах, не опасаясь умереть. Когда охотник из канело-кичуа покупает яд, он пробует его на язык, «на вкус» определяя качество товара. Но это только при условии, что во рту у него нет ранок.

Все описанное мною выше относилось к индейцам канело-кичуа и к приготовлению обыкновенного охотничьего яда. Я же отправился с экспедицией на Уальягу затем, чтобы выяснить, существовал ли Великий соляной путь в дебрях величайшего на планете вечнозеленого дождевого леса. Вот для этого мне пришлось познакомиться с индейцами чайяуита, чьи земли были еще не так давно центром всеобщего паломничества за солью и через которые проходил один из главных путей транспортировки каменной соли с копей на соляной реке Ямураи и яда от кечуа-ламас, живущих в горах, южнее.

Познакомившись с Маленьким Вождем чайяуита Аро Кауаса, я едва ли не с самого начала стал допытываться, знает ли кто-нибудь из индейцев о том, как в прошлом добывали соль и торговали ядом. Оказалось, что память о тех временах жива. Более того, дядя Аро по линии отца может рассказать мне о делах минувших дней. Это было как нельзя кстати. Тем более что старик жил неподалеку от Аро, всего в одной излучине ниже по реке.

И вот вечером мы, несмотря на недобрый озноб, предвещавший приступ лихорадки, погрузились с Аро в каноэ и отправились вниз по обмелевшей Уиньюанай навестить старого Апи. Он был искренне рад гостям, так как жил совсем один в маленьком, но добротном домике, который скорее можно было принять за хижину. Его жена умерла, дети давно женились или вышли замуж. И теперь семидесятипятилетний Апи коротал дни, охотясь и ловя рыбу.

Стоило нам пришвартоваться к обрывистому берегу, как индеец забросил свои дела, горячо поприветствовал Аро, потом меня и предложил нам присаживаться на чурбачки-табуреточки. Он не угостил нас масату, так как у него ее не

было, а из еды осталась только большая гроздь зеленых платано. Рассевшись треугольником напротив друг друга, мы принялись беседовать. Вернее, сначала Маленький Вождь – кто бы сомневался! – рассказал все, что знал о чужестранце, то есть обо мне. Затем перевел для меня то, что только что говорил на языке чайяуита. После этого я повторил слова Аро и только затем мы приступили к разговору о соли и яде, цели нашего визита. Старый Апи хорошо владел испанским, куда лучше, чем его молодой племянник, поэтому мне доставило несказанное удовольствие общение с индейцем.

Вот что мне удалось узнать. По словам старика, на реке Ямураи, которую на языке кечуа называют Качияку, в верховьях были богатые залежи каменной соли. За этой солью приплывали и приходили люди издалека. Приплывали по Паранапуре с низовьев, а приходили через джунгли с севера, со стороны широкого и бурного Мараньона, сначала поднимаясь на каноэ по его притоку реке Кауапанас, она же – Капанаи, затем по правому притоку последней – Сильяй. Добравшись до ее верховьев, чужаки пешком шли лесом до соляных копей. Там они железными топорами вырубали прямоугольные куски бело-желтой породы, нагружали ими большие плетеные корзины и возвращались тем же путем на берега Мараньона.

Предки чайяуита воевали с теми, кто приходил за их солью с Мараньона и с севера из-за большой реки, с Пастасы и Мороны. Они убивали пришельцев посохами, которыми пользовались при ходьбе и которые называются кечуанским словом «макана», а также короткими копьями-шунки. Духовые трубки никогда не использовались предками на войне, но только для охоты.

Воевали предки чайяуита и с другими «людьми» – амана, живущими в горных джунглях. По словам дяди Маленького Вождя, эти покрытые густой шерстью создания ходят на двух ногах, держатся всегда маленькими группами, никакого оружия не имеют, так же как и огня. Они очень злые и нападают всегда вместе, убивая жертву руками. Чайяуита до сих пор боятся их и, отправляясь в горы, ведут себя особенно бдительно.

Помимо копей на Ямураи, старик рассказал, что соль добывали на ее выходах по Уальяге, выше Юримагуаса, о чем я

уже знал. Но чайяуита там не жили. Он сказал, что соль оттуда сплавляли на больших плотках вниз по реке до Мараньона, а там продавали.

Вот с кем чайяуита не воевали в древности, так это с кечуа-ламас. С ними торговали. Как известные производители охотничьих и боевых ядов, ламистас обменивали свой продукт на кур. Цена была, по словам старика, небольшой: комок яда амби в две ладони выменивался за одну птицу.

Так было прежде. Я был доволен разговором, хотя, признать, рассчитывал узнать больше. И уже напоследок, перед тем как проститься, я попросил Апи рассказать какую-нибудь сказку. И он поведал мне о том, как Кумпанама убил гром Уира.

В прежние времена в этом мире жил гром – Уира, который постоянно пугал детей, а иногда и бил их. Он был очень могущественным. Давным-давно гром был человеком. И вот как-то раз, когда Уира бил детей одной женщины, та позвала Кумпанама.

– Дедушка, будь добр, убей Уира, – попросила она его.

Кумпанама отправился к грому и избивал до тех пор, пока тот не умер. Затем разрезал его тело на куски и достал жир, чтобы приготовить себе шкварки. После этого Кумпанама превратил шкварки в косточки пальмы пихуайю и отнес к себе на расчистку, чтобы посадить там. И вот когда он высаживал пальмы, летучая мышь отвлекла его.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Я сажаю косточки пихуайю, – ответил ей Кумпанама.

– Дай и мне, тогда я смогу помочь тебе, – сказала летучая мышь.

Но Кумпанама не захотел делиться семенами:

– Я не верю тебе. Скорее всего ты их съешь. А если ты их съешь, то тебя начнет пучить. Тогда гром снова появится в этом мире. А мы не хотим, чтобы гром опять появился.

– Нет же, я не стану их есть, – ответила летучая мышь.

Вот почему Кумпанама все же дал ей косточки пальмы пихуайю.

– Сажай их вот тут, где много пней, – сказал он.

Однако хоть Кумпанама и сказал так, но летучая мышь не послушала его.

Итак, она стала сажать косточки пихуайю, но часть оставила себе. Съев некоторые из них, она закончила работать первой и попросила Кумпанама дать ей еще. Получив новые косточки, летучая мышь быстренько справилась и с ними.

– Я опять закончила сеять, – сказала она, и Кумпанама дал ей еще.

Всего Кумпанама давал летучей мыши косточки пальмы пихуайю три раза. А потом вдруг летучую мышь начало пучить. И тогда она все рассказала Кумпанама.

– Разве я не предупреждал, чтобы ты не ела их? Не дай, чтобы гром снова появился в этом мире.

Но летучая мышь опять не послушала слов Кумпанама. Гром все же вырвался наружу и убежал наверх, на небо. Это летучая мышь сделала так, что Уира сбежал. Вот поэтому гром наблюдает, присматривает за летучими мышами. Так говорят.

В те времена пальма пихуайю вырастала очень низкой и давала плоды. Поэтому ипи' – пака и прочие животные объедали их, не давая как следует созреть. Вот почему люди сказали Кумпанама:

– Ипи' и прочие звери скоро совсем покончат с теми пихуайю, которые ты посадил. Сделай нам одолжение: вытяни стволы так, чтобы плоды висели высоко и могли хорошенько созреть.

Кумпанама принялся вытягивать пальмы, но вытянул их слишком сильно. Да так, что те проткнули небо. И вот когда Кумпанама забрался наверх, чтобы собрать созревшие плоды, зверек ито и ипи' принялись подгрызать ствол. Когда дерево упало, они пришли посмотреть, где же Кумпанама, но никого не нашли. Подумали, что он умер.

Прошло много времени. И вот однажды ито нашел на валуне возле реки легкие какого-то животного.

– Ай, вот так легкие! Кто же их выбросил? – удивился ито.

Он забрал их и положил в горшок, чтобы сварить, но горшок развалился.

«Чего это вдруг горшок развалился?» – подумал ито и взял другой.

Тут Кумпанама ожил и проклял ито.

– Ты должен будешь жить в реке. Отныне и навсегда будешь есть только то, что трудно разгрызть, – сказал он.

Так вот рассказывали чайяуита в прежние времена...

Итак, существовал или нет Великий соляной путь в сердце Южной Америки? Я уверен, что да, он был. И играл важную роль в жизни едва ли не всех племен Западной и Северо-Западной Амазонии. Быть может, именно поэтому сегодня мы отыскиваем схожие традиции и верования, а также названия демонов, животных, птиц и растений у разных, неродственных друг другу племен, разделенных тысячами километров джунглей, болот и гор. Ведь есть старинные свидетельства, что индейцы торговали не только солью и ядами, но также и рабами, и что эти «коммерческие пути» соединяли Амазонку на юге и Карибское побережье на севере. В любом случае вопрос этот требует дальнейшего пристального изучения. И тогда, быть может, сама история огромного континента будет пересмотрена в свете новых открытий.

Глава одиннадцатая

ТАЙНА РЕКИ АМАЗОНОК: КРУШЕНИЕ МИФА

Развевгая одни мифы, мы порождаем другие.

Кто-то из классиков

Амазонка, река амазонок... Название настолько привычное для одних – живущих по ее берегам, и настолько же экзотическое, окутанное ореолом загадки и мифа для других, жителей Старого Света. По-испански имя реки – «Río de las Amazonas», по-английски – «Amazon River». Для большинства, когда они слышат это слово, в сознании мгновенно рисуются картины величественной тропической реки вкупе со всем остальным, что вкладывают в этот расхожий образ. А сегодня, как, собственно, и пятьдесят, и сто лет назад, Амазонка превратилась в ничего не значащее чередование звуков, порождающих вполне конкретные ассоциации, навеянные книгами, телевидением и кинематографом. Амазонкой заманивают туристов из Европы и Северной Америки. Каждый, кто пишет или снимает фильмы о великой реке, давшей название всему огромному региону в центральной части южноамериканского континента, имеет собственное видение и представление о предмете своего творчества. И я не исключение, раз взялся на страницах этой книги утомлять читателя очередным опусом.

Шутка! Я ограничусь лишь обязательной «протокольной» информацией и не стану в этот раз описывать свои приключения на Амазонке. А затем я предлагаю вместе с вами попытаться разобраться, откуда же пошло название реки.

Итак, немного цифр. Бассейн Амазонки раскинулся более чем на шесть миллионов квадратных километров. О ее точной длине спорят до сих пор. Если считать, что она составляет шесть тысяч семьсот двенадцать километров, то эта река длиннее Нила на восемьдесят километров. Однако Амазонка великая река не потому, что она такая длинная, а потому, что выносит в океан огромное количество воды – до одной пятой общего стока всех рек мира! В дождливые сезоны расход воды в Амазонке – двести тысяч кубических метров в секунду! Заир, занимающий второе место в мире по стоку, уступает по этому показателю не только самой Амазонке, но и ее притокам – Мадейре и Риу-Негру – каждый из них приносит в главный водоток больше воды, чем африканская река в Атлантику. В бассейне Амазонки огромное количество притоков, которые собирают воду с территорий шести государств: Колумбии, Эквадора, Перу, Бразилии, Боливии и Венесуэлы.

На последних четырехстах километрах своего пути к океану Амазонка местами достигает пятидесяти шести километров в ширину, а ее глубина на многих участках превышает девяносто метров. Глубокая, широкая и спокойная на большей части нижнего течения, река судоходна для океанических судов приблизительно на три тысячи семьсот километров от устья.

Амазонка берет начало на западе южноамериканского континента, в Андах, высоко в горах, в каких-то ста девяносто километрах от Тихого океана, и очень быстро спускается – на четыре тысячи восемьсот метров за девятьсот пятьдесят километров пути. Затем река и притоки широко разливаются по обширной низменности, имеющей такой малый уклон, что вода просачивается в прилегающие земли, на которых разросся огромный влажный лес многокилометровой ширины. Его площадь не только вдвое превосходит водосборный бассейн любой другой реки, он является и самым большим в мире тропическим дождевым лесным массивом. В верхнем течении Амазонка сменяет одно за другим несколько названий: Урако, Торо, Сантьяго, Апуримак, Эне, Тамбо, Укаяли, Солимоинс и, наконец, собственно Амазонка. Впрочем, в Перу реку называют Амазонкой от места слияния Мараньона и Укаяли, а за ее исток принимают Мараньон. В былые времена исследователи и путешественники называли этот

огромный речной бассейн зеленым адом, поскольку через него было трудно или даже почти невозможно пробраться. А тех, кто все же пробирался, косила желтая лихорадка, малярия и еще тысяча и одна неизвестных болезней. С тех пор ситуация сильно изменилась, появились наземные пути коммуникаций, однако многие районы по сей день остаются труднодоступными дикими углами. Случись что – и ваш легкий одномоторный самолетик отыщут несложно.

Те, кто хоть немного интересовался Южной Америкой, индейцами и джунглями – пусть хотя бы в далеком детстве или юности, – наверняка читали, что Амазонка получила свое нынешнее название благодаря бравому испанскому капитану Франсиско де Орельяна, монаху-доминиканцу и еще несколькими десятками солдат, сопровождавших его в авантюрном путешествии. В бесконечно далеких 1541–1542 годах они, выступив из незадолго до того завоеванного испанцами Перу – из крепости Сантьяго-де-Гуаякиль, вице-губернатором которой Орельяна являлся по совместительству – присоединились к экспедиции Гонсало Писарро, перевалили через Анды и набрали у экватора на неведомую реку. Следуя вниз по ее течению, преодолев несчетные испытания, Орельяна, покинув Писарро и его людей, вместе со спутниками добрался до Атлантического океана. Таким образом, в Европе узнали, что южноамериканский континент необычайно широк у экватора. Так они прослышали о царице земных вод – реке Орельяны, реке Амазонки, а позже – Гран-Пара и Риу-Бранку, как ее также называли.

В этом путешествии, о котором мы знаем из записей брата Гаспара де Карвахала из ордена Святого Доминика, испанцы столкнулись с массой трудностей. И, честно говоря, я до сих пор удивляюсь, как этим парням удалось не только остаться в живых, но и не тронуться рассудком.

Впрочем, Орельяна хоть и увидел первым из европейцев Великую реку, однако к ее нынешнему названию причастен лишь косвенно. Да и то благодаря тому, что в отчете о плавании упомянул об амазонках, которые встретились им и с которыми испанцы успели повоевать. Эти женщины-воины – были они в действительности или нет, вопрос открытый – и стали причиной того, что впоследствии реку окрестили Рио-де-лас-

Амасонас, то есть рекой Амазонк. Или как мы говорим по-русски – Амазонкой.

Однако давайте посмотрим, что же в действительности писал святой отец по итогам путешествия в компании капитана Ореляны в своем «Повествовании о новооткрытии достославной великой реки Амазонк». Ниже я приведу несколько отрывков, где упоминаются амазонки.

«Индейцы с превеликим вниманием выслушали то, что им сказал капитан, и сказали нам, что если мы желаем увидеть амазонк (на их языке они называются «коньюпуйяра», что значит «великие сеньоры»), то прежде должны взять в толк, на что отаживаемся, ибо нас мало, а их много, и они нас перебьют.

[...] Мы видели воочию, что в бою они сражаются впереди всех индейцев и являются для оных чем-то вроде предводителей. Они сражались так вдохновенно, что индейцы не осмеливались показать им спины. Того же, кто все-таки показывал врагу свою спину, они убивали на месте прямо у нас на глазах своими палицами...

Сии жены весьма высокого роста и белокожи, волосы у них очень длинные, заплетенные и обернутые вокруг головы. Они весьма сильны, ходят же совсем нагишом – в чем мать родила, и только стыд прикрывают. В руках у них луки и стрелы, и в бою они не уступают доброму десятку индейцев, и многие из них – я видел это воочию – выпустили по одной из наших бригантин целую охапку стрел, а другие, может быть, немногим меньше, так что бригантины наши походили на дикобразов.

[...] Индеец сказал, что это были женщины, которые живут внутри страны в четырех или пяти днях пути от побережья реки, и что они пришли ради местного сеньора, их вассала, чтобы защитить от нас побережье. Еще капитан спросил, были ли они замужними и есть ли у них мужья сейчас, и индеец сказал, что мужей у них нет... Индеец поведал о том, что обитают они внутри страны и что он сам бывал там много раз и видел, как они живут, и знает, каковы их обычаи, ибо, будучи их вассалом, он относил им дань по велению своего сеньора. Капитан спросил у него, много ли тех женщин, и индеец ответил, что да – много, что он помнит по названиям семьдесят селений и что в некоторых он

бывал сам, и перечислил их нам всем, кто при сем разговоре присутствовал. Капитан спросил, не из соломы ли строят они свои жилища, и индеец ответил, что нет – не из соломы, а из камня и устраивают в них ворота и что из одного селения в другое ведут дороги, огороженные как с одной, так и с другой стороны, и на тех дорогах в некотором удалении друг от друга устроены заставы, где размещается стража, коя взимает пошлины с тех, кто дорогами пользуется. Капитан спросил его, очень ли велики их селения, и индеец отвечивал, что да – очень велики.

Капитан также задал вопрос, рожают ли эти женщины, индеец сказал, что рожают, и тогда капитан удивился: как же это возможно, могут ли они родить, если живут незамужними и среди них нет мужчин. Индеец ответил, что они вступают в общение с мужчинами в определенную пору и когда им на то приходит охота. Мужчины же происходят из некой провинции одного очень важного сеньора, которая сопредельна с землею оных женщин; они – белые, только что нет у них бороды, они и приходят к тем женщинам, чтобы с ними общаться... Говорят, если эти женщины, забеременев, рожают мальчика, то его убивают или отсылают к отцу; если же у них рождается дочь, то ее пестуют с превеликой радостью и говорят, что у этих женщин есть главная сеньора, которой все остальные повинуются, и зовут ее Корони.

Индеец сказал также, что там полным-полно золота и других богатств и что все важные сеньоры и знатные женщины пьют и едят на золоте и у каждой огромные сосуды. У остальных же – у простолюдинок – вся утварь из глины либо из дерева.

Он сказал, что в городе, где живет названная сеньора, имеется пять «домов солнца», где они держат идолов из золота и серебра в образе женских фигур, а также много всякой посуды для этих идолов и что сии дома со всех сторон, от самого своего основания и до половины человеческого роста в высоту, выложены серебряными плитами и что сиденья в этих домах из такого же серебра и поставлены они перед серебряными же столами, за которыми они сидят в часы своих возлияний. Эти кумирни и уже упомянутые дома индейцы называют «карана» и «очисемомуна», что значит «дома солнца»; потолки в этих домах украшены разноцветными перьями попугаев и гуакамайи.

Сии женщины носят одежду из шерсти, так как, по словам индейца, у них много овец, таких же, как в Перу; все они также носят на себе много золотых украшений. Он говорил, что золото зовется «пако», а серебро – «койя». Насколько мы поняли, у них есть верблюды и другие очень большие животные с хоботом, но таких животных мало. Он говорил, что в той земле имеются два маленьких озера с соленой водой, откуда добывают соль.

Еще он говорил, что есть закон, по которому все индейцы, прибывшие, чтобы торговать и принести свою дань, должны с заходом солнца покинуть города и уйти из них прочь. Многих сеньоров они держат у себя в подчинении. Сих подвластных им сеньоров зовут так: одного Рапио, другого – Ягнарэсторно. Эти – важные властелины, и их земли граничат с владениями других сеньоров, с которыми они ведут войну. Все то, о чем он нам поведал, он видел воочию и доподлинно знает.

Его спросили, жаркая ли та земля, где они обретаются. Он ответил, что нет – не жаркая, но сухая. Из-за того, что поблизости нет дров, жители той страны жгут уголь. В той стране много еды. И действительно, все, о чем говорил тот индеец и еще о многом другом, нам рассказывали и выше по реке...»

Вот, собственно, практически и все, что нам известно об амазонках от капитана Орельяны и брата Карвахалья. И тут есть над чем поразмыслить, прежде чем пускаться в объяснения о происхождении названия «Амазонка». Карвахаль, ссылаясь на собеседников-индейцев, свидетельствует, что женщины-воины жили далеко от берегов реки, «в четырех или пяти днях». При этом он же утверждает, что во время столкновения с испанцами они использовали луки и стрелы, причем мастерски. Здесь не заметить противоречия, если не знать одной тонкости. А именно: омагуа-гупи были традиционно речными жителями и обитателями островов, не селившимися в глубине лесов. Именно для их культуры было характерно использование такого оружия, как лук и стрелы. Прочие индейцы, их соседи, населявшие междуречья и верховья небольших рек в глубине джунглей, использовали копья и духовые трубки, о которых испанцы, кстати, ни разу не упоминают. Это была одна из главных черт, которую отмечали сами омагуа еще во времена испанских колоний, отделяя себя от

«тапуйя», как они называли своих лесных соседей. Итак, где же правда?

Дальше. На мой взгляд, перевод слова «куньюпуйяра» как «великие сеньоры» далеко не идеален. Скорее всего, это искаженная форма «куньятуйяру», более точное значение которой восстанавливается из языка кокама группы тупи-гуарани: «си́п-та-уаги», т. е. «женщина (или «сестра мужчины») – большая, храбрая (суровая, злая)». Маловероятно, что сестрой назовут женщину-иноплеменницу, да к тому же из культурной среды, столь чуждой самим омагуа. Теперь о слове «карана». Не исключено, что это искаженное или диалектное «куарачинуа» или «куаражина́» – «большое, великое солнце», восстанавливаемое из языка кокама и гуарани «суагачи-пуа» и «суагачи-па́», соответственно. Что касается «очисемомуна», то, возможно, это искаженное «укатсемута», т. е. «дом, где кормят, дают пищу»: из кокама «уса-тсемута». Имя же одного из индейских вождей, Ягнарэсторно, может в действительности состоять из двух слов: «уауага» и «утигунсу», оба из которых переводятся как «ягуар». Первое мы находим во многих языках тупи-гуарани, а второе сегодня широко распространено среди кчуаговорящих жителей перуанской и эквадорской Амазонии, хотя его происхождение неясно.

Так вот на практике обстоят дела. К чему я все это написал? А к тому, что полностью полагаться на сведения Орельяны и Карвахала все же не стоит. Они многое видели, о многом слышали, но, кажется, еще больше недопоняли и превратно интерпретировали. Это уже потом, когда испанцы и португальцы принялись досконально исследовать внутренние районы центральной части Южной Америки и покорять населявшие их индейские племена, слухи о женщинах-воинах, живущих без мужчин, стали шириться. И не только среди неграмотных и полуграмотных колонистов-метисов, но также и среди образованных людей своих эпох, снаряжавших экспедиции с целью отыскать легендарных амазонок.

Итак, традиционная, «официальная» версия о происхождении названия реки – по названию реальных или выдуманных капитаном Орельяной амазонок, обитавших в ее окрестностях. Версия вполне правдоподобная, даже весьма убедительная, хотя

и не лишенная слабых мест, как мы уже смогли убедиться. Но так ли все просто на самом деле? Я недоверчив и любопытен, поэтому однажды позволил себе усомниться. Были на то более веские причины, нежели запутанные свидетельства вице-губернатора Сантьяго-де-Гуаякиля и монаха. И чтобы до конца проверить состоятельность или несостоятельность «официальной» версии, пришлось обратиться к топонимике и лингвистике.

Каждый раз, когда я раскрываю перед собой карту Северо-Западной и Западной Амазонии, то обращает на себя внимание названия рек, начинающихся на «Ама-». Конечно же, прежде всего это толстая извилистая голубая лента – величественная «Ама-zonas». Пробежимся взглядом по северным притокам Великой реки и среди прочих обнаружим реку Морона, один из левых притоков которой носит имя «Ама-sa». Взглянем на юг, и среди правых притоков Укаяли найдем «Ама-quirí». И это далеко не полный список.

Регулярно бывая на Амазонке и проводя в экспедициях по несколько месяцев, я волей-неволей сталкивался и сталкиваюсь с необходимостью общаться с лесными индейцами из различных племен и так или иначе учить их языки хотя бы на самом примитивном уровне. Часто они или вообще неродственны между собой, или же состоят в очень отдаленном родстве. Но вот что интересно! Во многих из них есть слова, происхождение которых восходит к одному языку, когда-то широко распространенному на территории Западной и Северо-Западной Амазонии и из которого они были переняты соседями.

Какой это язык, или, быть может, несколько близкородственных языков? Наиболее вероятен вариант – тупи-гуарани, ибо именно племена, говорившие на его диалектах, были подлинными хозяевами Великой реки и обогатили многие индейские языки Средней и Верхней Амазонки.

Какие это слова? Как ни удивительно, среди них много тех, что начинаются на «ама-». В языке современных лесных кичуа Эквадора и Перу анаконду зовут «amá-run». Не исключено, что даже столь привычное для нас «apaconda» таит в себе лексему «ама-», но в данном случае звук «m» заменился на «n» – частое явление. Тут уместно сказать, что в некоторых диалектах гуарани анаконду называют «ама-ñi». Кстати, со словом «амаgun» созвуч-

ны слова из языков индейцев сапаро и родственных им арабела, которыми они окрестили «дьявола, демона, духа»: «ts-áma-ru» и «s-ama-rú» соответственно. В различных диалектах языка кичуа, или кечуа, есть слово «s-ama-y», имеющее несколько значений, и среди прочих «дыхание», «душа, дух живого человека или животного».

В государстве инков Тайантинсуйо были люди, своего рода ученые – не знахари и не лекари, – которых называли «ama-w-ta».

Словом «ama-pá» индейцы чайяуита называют диких лесных людей, обросших густыми волосами, живущих группами в покрытых джунглями горах и не умеющих пользоваться огнем. Так же зовут и одного из злых духов чайяуита. Для индейцев ачуар «ama-pa» – это дух-хозяин и хранитель животных. Точнее, по их мнению, каждый вид животного имеет своего собственного «амапа».

Ачуар, шивиар и лесные кичуа с рек Курарай, Конамбо и Бобонаса говорят, что в джунглях живет одинокий охотник, который прежде был человеком, а потом превратился в духа. Иногда сегодняшние лесные кичуа – потомки древних сапаро – отзываются о нем как собственно о самом главном духе сельвы и хозяине над всеми животными. Имя его – «Ama-sanka» или «Ama-shanka», как его именуют кичуа и сапаро, или «Ama-sangk», согласно охотникам за головами ачуар.

Позволю себе привести еще ряд примеров. В языке индейцев ашанинга с берегов Верхней Укаяли, что за тысячу с лишним километров от мест, где живут ачуар и даже родственные последним ауахун, есть слово «ama-tsensa», что переводится как «персона, человек». У близких им по языку и культуре ашенинга есть слово – «ma-tsi», то есть «ведьма, колдунья». А родственные ашенинга индейцы амуэша знают слово «ama-shinich» в значении «шаман».

Однако тут свет на загадку может пролить слово из языка уже упомянутых сапаро – «ama-shaniki», что означает «два». Очень похоже на «Amasanka» и схожие формы имен, не так ли? Кроме того, это соотносится по смыслу со словом «mai» – «оба, вдвоем» и глаголом «ma-tsamsatsa» – «жить вместе» (о нескольких людях) из языка индейцев уамбис, родственных ачуар, шуар и ауахун.

Прямо скажу, неясная связь между числительным «два» и главным духом джунглей (как его представляют сегодня) становится более очевидной, если вспомнить сказку индейцев сапаро с дикой эквадорской реки Конамбо. В ней говорится, что Амасанга, или Амашанга, когда-то в действительности был не одним человеком, но двумя братьями, поссорившимися с мужем сестры из-за того, что тот убивал слишком много животных. Шаманы индейцев кичуа говорят еще, что существует два Амасанга, внешне абсолютно одинаковых. Но один из них хороший, а второй – злой, так что различить их непросто.

Ну а возвращаясь к индейцам ашанинга, замечу, что в их языке есть еще слова «ама-юпсаги», которым называют знахарей, и «к-амаа-ги» – злой дух. Вообще же «амаа-» или «та-» у ашанинга и ашенинга так или иначе связано с водой, жидкостью, и данная морфема присутствует в именах рыб и околородных птиц. Любопытно, но и в словаре индейцев уамбис имеется слово «атаин», что означает «противоположный берег реки» и глагол «маи-таса» – купаться. У чайяунта купаться будет «ама-гин», а у кичуа – «агта-па».

Примерно на полпути между ашенинга и ачуар сегодня живут кокама-кокамилля. По языку они родственны ныне почти исчезнувшему омагуа с берегов Мараньона. И – прямые потомки великих тупинамба, тех самых тупи-гуарани, еще до прихода испанцев широко расселившихся по всей Амазонке. От Атлантического океана до самых Анд, где их немногочисленные потомки уже во время испанских колоний промышляли речным пиратством, как в случае с омагуа-йете с верховьев рек Напо и Типутини. Удивительно, но и в языке кокама мы находим слова «маи-сангара» и «маи» в значении «дух, демон». Есть еще слово «та-воуа» в том же значении и, очевидно, семантически связанное с анакондой: на гуарани водяного удава зовут «твои», а на тупи «тууwaso». Для лингвиста очевидно, что и здесь, и там присутствует все та же загадочная морфема «ама-». Кроме того, в языке кокама дождь называют «ата-па», что опять же связано с водой.

Более того, я подозреваю, что и в названии «священного» галлюциногенного растения бругмансия – «маи-куа» на языках ачуар, шуар и уамбис – и «та-гикава» у индейцев кичуа с низовьев

Пастасы сокрыт все тот же корень. Как и в «ma-ritha» у ашенинга и «k-ama-rampi» у ашанинга, именующих так айягуаску (суффикс «kawa», по всей видимости, можно перевести как «растение»: ср. «a'kawa» – кустарник, ядовитыми листьями которого индейцы чайяуита травят рыбу).

Итак, подведем итоги. Мы увидели, что название «Amazonas» (Амазонка) с точки зрения лингвистики далеко не одиноко на южноамериканском континенте. По сей день здесь бытует множество однокоренных ему слов в языках, часто не родственных друг другу. Причем все они заключают в себе либо наименования духов, либо так или иначе связаны с водной средой. А в мифологии индейских народов, населявших и населяющих Западную и Северо-Западную Амазонию, духи или «иные люди», «водные люди» сплошь и рядом ассоциируются с подводным или с подземным мирами. Между последними разница зачастую стерта или же она незначительная. Основная характеристика обоих – потусторонность, «иностранность» по отношению к «миру людей».

Можно даже предположить, что в случае с собственно духами животных из названий проступает двойственность: сам зверь и его «хозяин», покровитель из «другого мира». Ну а Амасанга или Амашанга, Амасанг, Амасанга – все они «иностранные двойники» людей, точнее, мужчин. Мужской архетип охотника и воина, так сказать.

Вряд ли это совпадение. Следовательно, я считаю вправе предположить, что Орельяна и его спутники, плывя вниз по Великой реке, встретились с индейцами сапаро, омагуа и, возможно, другими, о чем и пишет Карвахаль. А как я уже сказал, многочисленные омагуа говорили на языке той же семьи, что и современные кокама, а также вымершие тупинамба и прочие индейцы тупи-гуарани, населявшие чуть ли не всю Амазонку и крупные притоки. От них испанцы узнали о неких «людях», принятых ими за женщин, которых и окрестили амазонками. Затем они, возможно, действительно встретились с какими-то женщинами, воевавшими вместе с мужчинами, и утвердились в своей правоте. Однако собственно имя «амазонки» испанцы присвоили им, скорее всего, по созвучию с каким-нибудь индейским названием для «жителей потустороннего мира». Предположим, что оно

было «amatsuna» или «amasuna». Но только предположим, ведь неоспоримых доказательств тому нет.

Важно учитывать, что свободное взаимопонимание между командой капитана Орельяна и индейцами было весьма затруднено вследствие языкового барьера, который – вне всяких сомнений – существовал. Поэтому вполне вероятно, что индейцы рассказывали именно о духах. Испанцы же истолковали эти откровения по-своему: сказались и недостаточное знание языка, и сверхзадача, решать которую они отправились на Восток – поиски Страны Корицы, золота и всякого рода чудес. А там, где недопоняли, там додумали. И вот в результате подобных неоднократных домыслов родилось и прижилось имя реки. За века оно обросло мифами, под грудой которых была погребена первичная этимология слова, его значение. Зато расцвела пышным цветом так называемая народная этимология, то есть когда люди объясняют происхождение того или иного непонятного слова, исходя из созвучия его с другими, более понятными им.

Я не лингвист, и – увы! – мне катастрофически не хватает познаний в языковых дисциплинах для сколько-нибудь качественного, более или менее научного анализа. Но хочется надеяться, эта глава заинтересует и подтолкнет кого-то из вас, уважаемые читатели и путешественники, заняться изучением исчезающих языков и исследованием культур индейцев Южной Америки. И в будущем, быть может, именно вы объясните многое из того, что сегодня скрыто под толстым слоем пыли современных теорий, гипотез и мифов белого человека, безосновательных утверждений, а иногда и откровенных спекуляций. Докопаетесь до истины. Ведь загадок и труднообъяснимых аналогий – великое множество. Конечно, что-то можно объяснить совпадением. Но все ли?

ВМЕСТО НАПУТСТВИЯ ИСКАТЕЛЯМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Джунгли сводят человека с ума. Или, может быть, не сводят, а как раз наоборот: возвращают тот образ мысли, который был свойственен ему когда-то. Нашептывают. Пробуждают в нем и обостряют давно забытые, погребенные где-то в глубинах души чувства, ощущения, эмоции и инстинкты.

Мир перестает быть миром. Привычным миром белого человека, в котором все разложено по полочкам кем-то другим, а остальным лишь остается принять его уже готовым.

Джунгли сводят человека с ума. Джунгли свели с ума и меня. Они обрушились, ошеломили, разжевали и извергли уже новым существом. Потерявшим способность мыслить прежними категориями и не понимающим логики элементарных вещей. Элементарных для тех, одним из которых я был когда-то.

До того, как умер и родился вновь. До того, как сошел с ума. Попав однажды под чары джунглей, человек никогда не вырвется из них. Не захочет. И не сможет. Для него уже не будет «другого», как не стало его для меня и для других. Нужно время, чтобы осознать это и принять. Сначала одолевает страх. За ним приходит боль и отчаяние. Это проклятие, если пытаться сопротивляться, и благословение, если принять новое как данность. Но в любом случае такова судьба тех, кто однажды неосторожно переступил черту, и зеленый мир звуков, запахов и индейских духов сомкнулся у них за спиной. Все, что было прежде, перестало быть. Превратилось в наваждение. Размылось и потеряло сущность. Само «прежде» перестало быть. Джунгли сводят человека с ума. Кто был там, знают это. Джунгли делают людей на тех, что «снаружи», и тех, кто «внутри». Они – война и мир, жизнь и смерть. Заглянувшие за опушку Большого Леса единожды, остаются навсегда в его сумраке. Даже выйдя на солнечный свет. Тропа, по которой прошел черный ягуар, ведет вперед. И возврата по ней – нет.

Да, джунгли пожирают старую душу, но и наделяют человека новой. Теперь они – единственно доступный ему мир. Мир легенды и мифа. Мир предков. Мир человека. Кай пача... Эйт-

сри матсамтэй... Мир человека, которого они свели с ума. Ведь джунгли действительно сводят человека с ума.

... На реке Чангуап мы жили очень долго. И там играли. Как-то раз Масураш принес голову. И сюда тоже принесли голову. Убив человека с верхней реки, родственники Чираапа тоже принесли голову. И там, на реке Чангуап, мы играли с головой. А когда голову принесли сюда, и здесь играли.

Когда играют, кричат. Все женщины, взявшись за руки, становятся в ряд. Взявшись за руки, все женщины кричат. И пока женщины делают так, мужчины остаются сидеть. И вот наконец появляется человек с головой. Все женщины начинают кричать:

– А-а, ау, ау!

В этот миг мужчины вскакивают со своих мест. Так вот играют. В течение пяти дней играют. Играют день за днем. А потом прекращают. Затем, на следующий день, съедают много еды. Сидят и едят. В том доме, где все собрались, много женщин, которые тоже едят. Многие из тех, кто ест, приходят издалека. Вот что я видел. Мужчины готовили еду, а женщины нет. Они делали пиво-хаманчи. Когда с едой было покончено, начинали пить, и пили очень долго. А когда праздник подходил к концу, говорили:

– Пора возвращаться. Мы уже все съели.

И уходили. Каждый возвращался в свой дом. А тот, в котором собирались, погружался в тишину. Вот так обычно делали. Но голову не выбрасывали. Как можно было ее выбросить? Ее обычно продавали метисам. Голову продавали в обмен на ружье или винтовку. Ту голову, которую принес Масураш, кому он мог ее продать? Он отправил ее в Икитос, в Перу. Голова не может быстро испортиться, потому что она хорошо высушена. Я видел. Когда я был подростком, принесли голову сына Масураша, которого убили индейцы шивиар.

Тогда Масураш, мстя, тоже убил кого-то, отрезал голову и принес ее сюда. Шивиар – это те, кто постоянно режет головы. Те, кто живет по ту сторону реки Канус, постоянно забирают головы. Мы этим не занимались. Но Масураш так поступил, потому что убили его сына и отрезали у него голову. Когда убили мужчину, который был женат на дочери Масураша, и отрезали тому голову, Масураш сказал:

– Зачем они так поступили?

И сам убил другого. Так принесли голову Хымбе.

Вот как воевали прежде. Сегодня так не делают. Сегодня уже оставили эту привычку... У нас, у ачуар, не было привычки резать головы своим. Но вот индейцы шивиар всегда резали головы. И даже между собой они режут головы. Шивиар, с той стороны реки Канус, сильно ненавидят тех, кто живет по эту сторону. Они также отрезают головы и всем женщинам, которых убивают. Только поэтому мы поступаем так же с теми, кто с другого берега Канус. Я сам это видел. Шивиар плохие, они убивают женщин и отрезают им головы. Поэтому мы тоже отрезаем головы шивиар. А так, без причины, мы не убиваем.

...Джунгли сводят человека с ума. Или, может быть, как раз наоборот, возвращают тот образ мысли, который был свойственен ему когда-то. Нашептывают. Пробуждают в нем и обостряют давно забытые, погребенные где-то в глубинах души чувства, ощущения, эмоции.

Инстинкты.

Река Вигим, 15 километров от границы с Перу

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рассуждения с бокалом Jack Daniel's	3
<i>Глава первая.</i> Айягуаска – тропа в мир духов	9
<i>Глава вторая.</i> Цветы, крадущие разум.....	20
<i>Глава третья.</i> Змеи поют по ночам	33
<i>Глава четвертая.</i> Выжить в джунглях и не умереть.....	43
<i>Глава пятая.</i> Индейцы с Реки Утренней звезды	65
<i>Глава шестая.</i> Запах ах'кауару и вкус «пчелиной воды»	75
<i>Глава седьмая.</i> Дорога смерти, гигантские удавы и лягушка-людоед.....	86
<i>Глава восьмая.</i> В гостях у охотников за головами.....	101
<i>Глава девятая.</i> За что отрезают головы?	122
<i>Глава десятая.</i> Яд и соль: как убивали.....	131
<i>Глава одиннадцатая.</i> Тайна реки Амазонки: крушение мифа....	144
Вместо напутствия искателям приключений	156

Андрей Шляхтинский

АМАЗОНКА: ПРИЗРАКИ ЗЕЛЕННОГО АДА
В ГОСТЯХ У ОХОТНИКОВ ЗА ГОЛОВАМИ

Дизайн обложки *В. Мякина*
Корректор *Л. А. Лазарева*
Верстка *С. Е. Прудникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10. 03.10.
Формат 60x90/12. Бумага офсетная. Шрифт Баскервиль.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 1500.
Заказ № .

ООО «ГОРЛИЦА»

Почтовый адрес: 129337, Москва, а/я 53.
Юридический адрес: 117218,
Москва, Нахимовский проспект, д. 36, к. 1.
Сайт в Интернете: www.gorlitsa.ru
E-mail: office@gorlitsa.ru
Тел.: (495) 228-72-24 (25); (495) 518-06-30.

УДК 910
ББК 26.89

ISBN
© ООО «ГОРЛИЦА», 2010